Мария Станкевич. Рассказы

Первый том

Как жаль, что вас не было с нами

Оглавление

Пролог

Как жаль, что вас не было с нами

Марго и Рита

Маша, смотри, какая рыба!

Клуб Двух Девяток

Полли, что приходит холодным утром

Ночь пограничника

На лестнице

Без зонта

Ида

Лучшее платье

Зепп Гшвендтнер — удачливый моряк

Кто сможет проплыть под мостом

Шаровое скопление

В конце света, на краю земли

Где белое-белое небо по ночам

Ночная смена

Белая планета

Из цикла «Лучшие штуки на свете»

Локхид Мартин F-22 Раптор
ПО Севмашпредприятие
Эквилинеарность
Бункер

Из цикла «Черный Пеши»

Как довезти принца
У нас на Юпитере так не принято
Полет в розовом
Пять тонн сухпайка
Ми шедим
Юпитер-21

Из цикла «Стожары»

Стожары
Двойная система
Барнарда
Canis Major
Гайя-Энцелад
Коричневый карлик
Макнота

Редкий экземпляр

От издателя

Автор этих рассказов Мария Станкевич умерла 8 августа 2022 г. Ей было сорок два года. Она успела стать очень хорошим писателем, а известным - нет, не успела; не факт, что успела бы, даже если бы прожила очень долгую жизнь. У самых лучших из нас часто наименьшие шансы на успех и признание - в писательском и многих других делах.

Всё что мы, знавшие и любившие писателя Марию Станкевич, можем сделать теперь, когда её больше с нами нет - собрать её тексты в книгу и помочь этой книге найти путь к читателям. И мы собрали - две.

Первый том составила по моей просьбе сама Мария Станкевич в начале 2019 г.; у меня тогда была надежда издать на бумаге несколько новых книг - её и ещё нескольких авторов. Она не сбылась.

Так или иначе, первый том составлен автором, мною добавлены только два рассказа - „Макнота“ в цикл „Стожары“ и „Юпитер-21“ в цикл „Чёрный Пеши“. Просто для порядка, чтобы эти циклы были представлены целиком, вместе, а не разбросаны по разным томам.

Макс Фрай

Пролог

QSB?

Что корабли сюда больше не заходят, мне Энси сказала. Как мы только сюда пришли, так и сказала. Мы стояли на верхней площадке маяка и смотрели на море. Вы, мистер, и представить себе не можете, какое оно красивое. Огромное, оно лежало там, внизу, и обещало нам свободу. Ту, ради которой мы сюда пришли.

Такие дела, брат, сказала Энси. Это тупик. Никто не знал, но это тупик. Но мы еще можем повернуть назад. Или плыть самостоятельно. Ты умеешь переплывать море?

Я не умел, и ответить мне было нечего. Так что я просто сплюнул вниз, постаравшись, чтобы плевок не попал на кирпичную кладку маяка, а только точно в волны под нами.

На этом месте Энси крепко ткнула меня в бок.

QRS?

Это вот за ней всегда водилось. Знаете, мистер, вот есть у некоторых мелких баб дурная привычка руки распускать. По поводу и без повода. Уверены в своей неприкосновенности. Как правило, срабатывает. В тот раз не зашло.

Так мы и познакомились. Я и не собирался ее трогать, ясное дело. Чисто автоматически вышло. Рефлексы. Ничего личного, честное слово. Я сам тут же испугался и приготовился извиняться и утешать. Не успел, потому что получил уже всерьез: слабым, но вполне техничным ударом в челюсть. Тут уж вся моя выдержка к бабушке пошла. Но она тоже ничего, бешеная оказалась. Не бабушка, мистер, Энси.

А с Биаром мы свели знакомство, когда он нас растаскивал. Вовремя подоспел, попадись мы на глаза надзору, сидеть нам по одиночкам неделю, не меньше. Если не чего похуже.

Втроем стало легче, мистер, вы же понимаете. И мы выбрались. Долгая история, но никто не пострадал, мистер, клянусь. Выбрались. И отправились к морю. К свободе, мистер, понимаете? Потому что любая свобода лучше, чем все остальное.

Это было просто. Даже удивительно. Это Биар говорил постоянно: удивительно. А нам с Энси не было удивительно. Лет сто назад, когда

таких как мы ненавидели и боялись, может, мы дальше первого поста и не ушли бы. А сейчас-то? Ну такие, мало ли какие водятся вокруг. Главное, на патрули с ориентировкой не нарваться, остальное дело техники. На нас же не написано, что мы там натворили.

QRQ?

К морю предложил пойти Биар. В городах по эту сторону нас так или иначе могли найти. А в городах по ту, сказал Биар, до нас точно никому не будет дела. Только надо найти, как его переплыть. Нам казалось, что это легко.

Сначала хотели в порт. Биар уверял нас, что наняться на какое-нибудь паршивое судно будет проще простого. Там на объявления о розыске смотрят крайне редко, а патрули предпочитают отсиживаться в кабаках и не соваться дальше первой линии. Мы с Энси еще даже не успели понять, хорошая ли это идея, как уже собирали мозги Биара по всей улице.

Глупость такая, это был даже не патруль. Какой-то стихийный придурок с ружьем. Вот вроде вашего, хорошая штучка. Энси разнесла этого кретина на атомы, я не успел ее остановить. Но теперь, конечно, и думать было нечего идти в порт. Так что, мистер, собрали мы Биара сколько смогли, да и двинулись сюда, к старому маяку. Кто ж знал...

QRJ?

Сколько мы тут проторчали? Это вам бы Энси ответила, она умеет время рассчитывать. Но Энси вы, мистер, подстрелили, она теперь не скоро заговорит с вами. Теперь уже какая разница, сколько. Все равно мы не успели. А так-то обжились немного, каждый вечер ходили смотреть на дельфинов. Мы с Энси раньше не видели дельфинов. Биар видел, а мы нет. Нет, мистер, не трогали ничего, зачем нам?

И когда ушло море, я вам тоже не скажу. Просто взяло однажды и ушло. Мы проснулись, а его уже нет. Жуткое это зрелище, мистер, я вам доложу. Там, где вчера били волны — пустота. Даже запаха нет. У Энси чуть припадок не случился, когда она это увидела. Бегала по площадке и кричала, что такого не может быть. Нам с Биаром только и оставалось, что ее успокаивать. Ну мне — еще и ловить, чтобы не грохнулась никуда. Маяк-то и так высокий, а без воды совсем словно в небе сидишь.

Теперь еще и в темном небе. Я вообще не понимаю, мистер, как вы сюда так лихо добрались. Маяк-то работает, конечно, но вы-то издалека. Или у вас там свет есть? Это хорошо, если так. Со светом лучше, чем без него. Звезды это красиво, но все остальное тоже хочется видеть.

Когда свет погас, Энси уже не кричала и не бегала. Засела в кресле и отказывалась из него выходить... Может, она время и считала, но я не умею. Долго. Биар пытался ее утешить, да только что утешать, когда ни моря, ни света, ни свободы.

QRQ? QRQ?

Так что, мистер, хорошо, что вы появились с вашей странной лодкой. Мы с Энси стараемся хорошо держать Биара, и честно делим вахту пополам. Но, мистер, это все-таки сложновато — два мозга в одном носителе. Да еще в темноте и без моря. А вот стрелять вы взялись зря. Зачем? Мы не хотели причинять вам вреда. Нам просто надо было в города на той стороне. Теперь нас трое в одном и это намного, намного сложнее.

Поэтому, мистер, не надо больше стрелять. Мы всего лишь хотим уйти отсюда

Мы разберемся, мистер Сами разберемся если вы не захотите поехать по добру а не захотите так мы сами Уж простите мистер но мы с энси и биаром слишком долго об этом мечтали чтобы нас остановило отсутствие моря или ваше ружье вы же понимаете не можете не понимать так что кладите-ка вашу пушку и давайте уберемся с этого чертова маяка к свету и свободе.

QRV

ну зачем вы

QSB?

***

Ну, в общем, босс, херня тут какая-то на этом вашем маяке. Шепеля нет, шаттла нет, на вызовы не отвечает. Ну, это ладно, болтается где-нибудь на орбите. Спит, может. Он может. Тут другое:

два синтетика валяются, оба дохлые, как тараканы. Я еще проверю, конечно, но похоже те самые. Не, не наша забота, но власти известить не помешает. Как только забрались сюда… Да говорю же, Шепель их хорошо попортил своей игрушечкой. Все нахер дырявые. Только мозгов нет, забрал он их, что ли? Ну, босс, я откуда знаю, зачем? Вы же знаете Шепеля, ему только дай какую-нибудь новую хрень к шаттлу привинтить, не астронавт, а инженер долбанный. Я давно говорю, его надо пере… Да, босс, сейчас Винни засажу камеры просматривать, может, поймем чего. И как попали, и за каким хером их Шепель дырявил, и где его, гада такого, носит… Да, босс, сразу же. Ай-копи.

2017 г.

Как жаль, что вас не было с нами

Жаль, что вас не было с нами, когда мы бежали. Земля горела у нас под ногами, нам было страшно и смешно, мы оставили кучу всего, включая лекарства, цветочные горшки и архивы в коробках из-под обуви (что-то с ними теперь? сожгли, вернули родственникам, раздали вам на память?). Зато мы успели прихватить Леонтьева и собак. А вы отказались бежать с нами. Предпочли неласковых сестер, серые простыни, серую кашу на ужин, спокойствие.

Так жаль, что вы испугались.

В ту ночь он умер, Леонтьев. В нашем возрасте это вовсе и не странно, к тому же он был противный, постоянно ныл и жаловался и носил грязный полосатый халат. Кто бы мог грустить о нем? Но все переполошились как куры, к которым залезла лиса. Впрочем, так-то оно все и было. Смерть-лиса залезла и съела самую гадкую курицу. У кого-то поднялось давление, кому-то стало плохо с сердцем, кому-то срочно понадобился ингалятор… Сестры бегали из комнаты в комнату, раздавая целительные пилюли и резкие советы успокоиться и лечь спать. Мы легли и решили, что ждать больше нельзя, и воспользовались суматохой.

Жаль, что вас не было с нами, когда мы угоняли серебристый бусик. Мы заприметили его давно, он стоял напротив наших окон уже несколько месяцев и мы расчетливо надеялись, что его еще долго не хватятся. Нин говорила, что завести такую машину ничего не стоит даже без ключа. И завела, когда пришло время. Канистра бензина у нас была припасена еще с лета.

Леонтьева мы взяли с собой, его очень удачно оставили на каталке прямо у входа. А каталка очень удачно вошла в заднюю часть бусика; мы закрепили ее жгутами из разорванной простыни, чтобы не болтало. Занятно, но Леонтьев оказался гораздо сговорчивее и вас, и самого себя, каким он был до того, как помер.

Жаль, вы не видели, с какой тоской смотрели нам вслед прикормленные сестрами дворняги. И с какой радостью эти две бестолковые твари ломились в бусик, когда Нин сказала «мы забираем их с собой» и мы забрали их с собой. Бо пытался протестовать, не очень-то он любит собак. Но нас было четверо против

одного (Леонтьев не вмешивался) и ему пришлось уступить. За это мы поклялись, что собаки даже не притронутся к его вещам.

Жаль, что вас не было с нами, когда мы успокаивали на море свои подпаленные побегом нервы. Ноябрьское море холодное, лезть в него годится разве что Леонтьеву, ему все равно. Но нам и так было хорошо, только Бо несколько раз изливал желчь по поводу неидеально выбранного места. Ему, видите ли, было неудобно ходить по каменным пляжам со своим пижонским костылем, а крики чаек фонили в слуховом аппарате. Мы отняли у него слуховой аппарат и пригрозили отобрать костыль, после чего он значительно подобрел. Даже погладил одну из собак, ту, которая была почище.

Каждый божий день, хихикая как подростки, мы покупали бутылку рома в маленьком магазинчике на второй линии. И ни разу не смогли ее не то, что выпить — открыть. Мы разбивали бутылки о волнорез, неудачно поставив сумку, забывали на прилавке с гранатами, одну и вовсе отдали какому-то унылому бродяге. Надеемся, она его немного развеселила. Йо-хо-хо, мы были самые бездарные пираты на всем белом свете! Йо-хо-хо, но зато мы не были мертвецами. Даже Леонтьев, даже Леонтьев.

Жаль, что вас не было с нами, когда сломался бусик. К счастью, это случилось, когда мы только отъехали от города, где есть автосервисы и вежливые мальчики с тросами. Один из них, рыженький как лиса, оттащил бусик в гараж и заломил такую цену за ремонт, что у Нин потекли слезы из глаз, а Бо разразился страшными ругательствами. Мы не испытывали недостатка в деньгах, мы успели немного подкопить, а в пути были достаточно экономны. Но это было просто нечестно: требовать столько за устранение маленькой неисправности.

Как жаль, что вы не принимали участие в ограблении автосервиса вместе с нами. Это было очень весело! И машину они нам отлично перекрасили.

Жаль, что вас не было с нами, когда наш красный бусик с размаху въехал в большой рождественский туман. В тумане все становится другим, неожиданным, почти красивым, как в сказках, которые мы когда-то рассказывали нашим детям. Мы пытались им звонить после побега, чтобы сказать, что с нами все хорошо и можно не волноваться.

Дочери Бо кричали ему, чтобы он прекратил портить им жизнь и вернулся на место. Нинин сын оказался вне доступа, а с невесткой она никогда не могла найти общий язык, поэтому даже и набирать ее не стала. Мне сообщать о своем благополучии было некому, а номера родственников Леонтьева мы не знали.

Как же жаль, что вы не заблудились там вместе с нами. Очарованные туманом мы потеряли направление к бусику, потеряли собак и чуть-чуть не потеряли Леонтьева. Мы уже были готовы звать на помощь, но Бо, полковник, великий герой и гений ориентирования, проложил наш путь и нашел наш бусик. Собаки уже ждали нас там. Жаль, вы не почувствовали, как вам могут быть рады после долгого отсутствия.

Жаль, что вас не было с нами, когда мы лезли в гору, чтобы посмотреть на звезды. Гора была невысока, но идти было тяжело, в какой-то момент нам даже пришлось спрятать Леонтьева в кустах и продолжать наш путь без него. Мы с Нин нашли палки и шли вверх, опираясь на них, а у Бо был его костыль. Мы подбадривали друг друга бородатыми шутками и щетинистыми колкостями и отдыхали каждые десять минут. Когда мы дошли, то почти час не могли отдышаться. В ту ночь мы сильно замерзли и много раз поминали невыпитый у моря ром, сейчас он бы здорово нам пригодился. Йо-хо-хо, бестолковые пираты.

Как жаль, что вы не видели зимних звезд над горой.

Жаль, что вас не было с нами, когда мы ввязались в драку. Это была эпическая битва! Как был прекрасен полковник Бо, разящий врагов костылем. А как умело Нин орудовала своей красной сумкой, отражая атаки нападавших. Ее всегда строгий пучок развалился, глаза пылали и щеки налились румянцем. Никто никогда не видел такую Нин! А как яростно сражались наши собаки, бестолковые мелкие шавки, не укусившие в своей жизни даже собственной ноги, чтобы достать оттуда блоху. Они вгрызались в обидчиков, и укусы их были подобны укусам скорпиона, а рычание отпугнуло бы и тигра. Мне оставалось только успокаивать двух напуганных девушек, которые не захотели проводить вечер с подбитыми нами недоумками.

Жаль, вы не заметили, какими глазами смотрели потом они на нашего великолепного Бо!

Потом нам требовалась медицинская помощь. У Бо онемела рука и отказывалась держать костыль не то что в боевой, а даже в самой мирной, требующейся для перемещения в пространстве, позиции. У Нин прыгнул сахар, у меня подскочило давление. Собаки тяжело дышали и еле слышно поскуливали на дне бусика, им тоже досталось, нашим храбрым дворняжкам.

Мы не сдались и не отправились к врачам, обошлись автомобильной аптечкой и бутылочкой дешевого коньяка из ближайшего магазина. Это был лучший вечер в нашей жизни. Жаль, что вы не могли разделить наш триумф.

Жаль, что вас не было с нами, когда умер Бо. Нин тогда немного испугалась и хотела пойти в полицию. Но мне удалось уговорить ее, что мы должны справиться сами. Это заняло много времени, но мы похоронили Бо в мерзлой земле, решив, что одного Леонтьева нам в машине хватит. Мы даже нашли большой камень и написали на нем полное имя Бо, но потом, представив, как бы он взбеленился, увидев это «Борис Аркадьевич Зайчик», замазали все к чертовой матери и оставили просто «Бо».

Жаль, вас не было с нами. Теперь мы уже и не найдем место, где лежит наш Бо, полковник, ворчун и верный друг. Собаки, которым было наплевать на Леонтьева, скулили над его могилой...

Немного подумав и отдохнув, мы закопали и Леонтьева. После столь долгого путешествия он был уже не в лучшей форме. Каталку мы бросили там же, а коньяк допили только в мотеле, иначе Нин наотрез отказывалась садиться за руль.

Жаль, что вас не было с нами, когда мы поехали дальше. Когда ночевали в мотелях, хостелах и прямо в бусике, потому что далеко не каждый хозяин пустит в свои номера двух бестолковых и не очень-то чистых дворняг. А мы не готовы были оставить наших собак в одиночестве даже на одну ночь. Вас не было с нами, когда мы менялись за рулем через каждые два часа и останавливались у каждого столба, который нам хотелось разглядеть поближе, слонялись по музеям и подворотням, мерзли на зимнем ветру и согревались слабым кофе из бумажных стаканчиков, отдыхали на лавочках и пересиживали приступы на бордюрах, медленно взбирались на лестницы и мосты, чтобы постояв наверху ровно столько, сколько нужно перевести дух и успокоить дрожащие ноги, начинать спускаться

обратно, швыряли камни в море и озера, уговаривали милых полицейских простить нам неправильную парковку и отсутствие документов на машину, воровали шоколадки в супермаркетах — просто так, на интерес. Мы с Нин всегда были очень правильными, а теперь нам смертельно надоело.

Вас не было с нами, когда со смерти Бо прошло сорок дней и мы наконец-то дали волю слезам. Мы сидели в чужом неуютном дворе и плакали, обнявшись. К нам подходили какие-то славные молодые люди и пытались нас утешить. Им удалось, мы провели ночь в незнакомой квартире, слушали странные песни, каких не было в нашей юности, и впервые попробовали марихуану. Утром мы с Нин поклялись, что никогда не расскажем об этом Бо. Ни о слезах, ни о косяке.

Как жаль, что вы пока еще не знаете, сколько прекрасных людей есть вокруг.

Жаль, что вас нет с нами сейчас. Мы сидим в кафе на окраине города, из которого сбежали в прошлом ноябре, всего-то четыре месяца назад. На столе стоит большой френч-пресс с наикрепчайшим кофе (у меня повышенное давление), много маленьких сладких пирожных (у Нин диабет), огромный сэндвич с солеными огурчиками и острым соусом (Бо уже ничего не страшно) и большая тарелка с отвратительной на вид кашей (Леонтьев и после смерти остался довольно занудным). Собакам милейшая официантка принесла целую миску мясных обрезков и под ногами у нас довольно шумно и грязно.

Неделю назад мы рискнули и отправили вам послание. Бессмысленную нелепую миленькую открыточку. Сестры ни черта не поймут, но кто-нибудь из вас, кто-то, кто дожил до этого марта на серых простынях, обязательно сообразит. На открытке нет обратного адреса, зато есть точное время, когда наш красный бусик встанет прямо напротив окон вашего чертова дома… И если кто-то из вас так же жалеет, как и мы, что его не было с нами, мы готовы взять его с собой.

2014 г.

Марго и Рита

— С таким характером ты на всю жизнь останешься одна! Ты будешь несчастна, Маргаритка! — патетически прорицала мама, опадая ярким кленовым листом в кресло.

— Только об этом и мечтаю, — иронически глядя на заламывающую руки мать, отвечала дщерь Маргаритка.

— Прямо так-таки ничего и не боишься? — с искренним интересом спрашивал водила замызганного «москвича», подобравший безбашенную девчонку на Вольском тракте.

— Ничего, — рассеянно говорила Марго-королева автостопа, разглядывая горизонт через видоискатель.

— Бергович, ты — дура, — радостно сообщала подружка Инка, подливая в рюмки. — Мужики от тебя плачут. Пробросаешься!

— Было бы кем, — фыркала Ритка, закусывая водку последней долькой лимона.

— Маргарита, ты ужасный человек, — нервно щелкая зажигалкой, говорил главный редактор. — С тобой просто невозможно работать!

— Невозможно — не работай. Мне как-то все равно, — ехидно отзывалась лучший фотограф местной прессы (псевдоним — Рита Эмберг), вытаскивая у шефа сигарету из пальцев.

— Вот же цаца какая, — ворчали соседки, презрительно глядя на проходящую мимо Маргариту Соломоновну. — Нет, чтобы с нами на лавочке посидеть, так даже не здоровается по-человечески.

Сомнительно, чтобы Маргарита Соломоновна вообще знала об их существовании, но шевеление у подъезда заставляло ее приветствовать туманные незнакомые фигуры легким кивком головы. Вежливость королей.

— Несчастная женщина, — выдав Маргарите две пачки мальборо-лайтс, шептала продавщица своей товарке. — Как это страшно, остаться на старости лет одной.

У Маргариты хороший слух, но слова пролетают мимо, лишь легонько поднимая уголки губ. Пусть себе.

Всю жизнь одна. Ничего не боится. И мужики плачут, и работать невозможно… Цаца. Самая настоящая цаца.

Одна — всю жизнь и на старости лет.

Все правда. Чистая-чистая правда.

Замуж выйти не сподобилась. О детях даже думать было противно. Последней подругой была Инка, давным-давно уже

уехавшая в Израиль и потерявшаяся навсегда. Коллеги вздохнули облегченно, когда Рита Эмберг заявила, что наработалась до зеленых чертей, и не пошли бы их дурацкие репортажи, светские рауты и пошлые локальные *селебритиз* все скопом в одну большую жопу. Соседи были фоном существования, вроде деревьев и бродячих собак. Все остальные не годились даже на роль сухостоя и собачьих какашек. До тех пор, разумеется, пока не цепляли одежду и не попадались под ноги.

Несчастная?

О, нет. Вовсе нет.

Но иногда по ночам, когда старая Маргарита спала, по-детски уткнувшись носом в одну из четырех фигурных подушек, приходила мама. Знакомо разметывалась кленовым, сухим уже листом в кресле, выговаривала дребезжащим, предсмертным голоском непутевой, даром, что старой такой, дочери. Стакан воды пресловутый поминала, ужасами невозможности вызвать «если что» скорую помощь стращала, качала головой, всплескивала руками. Стонала тихонько: «Одна, Маргаритка, ты осталась одна. Я же тебя предупреждала!». «Я только об этом и мечтала», вяло отбивалась пожухшая Маргаритка и просыпалась потом с головной болью. Снов не помнила, но умываясь, одеваясь, наливая себе первую порцию утреннего кофе, разжигая первую сигарету, чувствовала томление неясное в груди, словно и правда — права была мама, и нет ничего хуже старческого одиночества. Но нет, нет. Не нужен мне никто, слышишь, мама? Ни тогда не врала, ни сейчас.

Какого черта, в конце-то концов?

Я счастлива.

Я довольна.

Я умиротворена.

И стакан воды способна подать себе сама. Если мне вообще захочется пить эту самую воду.

Так какого, еще раз спрашиваю, черта?

Впрочем, после второй чашки и третьей сигареты (вот и весь завтрак), Маргарита возвращалась в бодрое, спокойно-равнодушное расположение духа, бросала грязную посуду в раковину и, вечно забыв выяснить, что за погода на улице, уходила бродить по городу. Фотографировать дома, деревья, автомобили, заборы, цветочные горшки на чужих окнах, объявления на остановках, трещины на асфальте (не людей). Большего удовольствия она никогда не знала.

Имелась лишь одна — пустяковая, по большому-то счету, — вещь, которая, пожалуй, могла бы сделать Маргариту несчастной, умей она быть таковой, — в нарды играть было ей не с кем. А она эту игру очень уважала. Ее саму играть научила мама, маму — бабушка, бабушку… черт его знает — прабабушка, наверное. И у всех них было с кем играть, а Маргарите — не с кем. И дело даже не в том, что партнеров не найти — найти. И всегда было найти, не такая редкая игра нарды, чтобы никто не умел (и в то же время не такая всеми любимая, чтобы наблюдался переизбыток желающих кидать кости на деревянную доску), но никто не мог играть с Маргаритой. И, опять же, отнюдь не из-за того, что не любили — совсем не обязательно любить второго игрока, чтобы насладиться игрой, — а просто не везло. Партия-две и звонит телефон, стучат в дверь, приходят люди, вспоминаются дела неотложные. До смешного доходило. Вот, скажем, в городском парке вечерами много игроков — кто в карты, кто в шахматы, кто в шашки. Нарды вниманием не обделены, конечно. Все со всеми, все против всех, завсегдатаи со случайными прохожими, собачники с мамашами, продавщица мороженого против смотрителя тира, фотограф с совой против бабушки с семечками. Щелк-щелк кости в стаканчиках, ширх-ширх шашки по доске.

Маргарита тоже захаживала временами, вынимала из сумки доску маленькую, резную (бабушкина еще), раскладывала с независимым видом на лавочке, расставляла шашки, встряхивала стаканчиком… Желающие тут же находились, да не один и не два — чуть не очередь выстраивалась, сыграть с изящной леди да на старинной доске. Но только через пару партий начинался дождь, или ветер поднимался такой, что грозил не только шляпы-пакеты-газеты, но доски вместе с игроками унести… Или вовсе непотребство какое начиналось — обнаруживалось вдруг, например, что двадцать минут назад выиграла местная футбольная команда, и парк, расположенный неподалеку от стадиона, наводнялся опасными нетрезвыми детьми с дудками и флагами. Какие уж тут игры, ноги бы унести.

Словом, не везло Маргарите. Не вез-ло. Но нарды она из сумки не вынимала. Будто надеялась, что удастся однажды поиграть с кем-нибудь не десять, не двадцать минут, а хотя бы часа два. Пока, впрочем, не удавалось. Но пусть. В сущности, не все ли равно?..

Семьдесят первый день своего рождения Маргарита отметила хорошей бутылкой коньяка в компании мафиози с бархатным голосом. Only the lonely… When no one cares… Don’t worry about me… O,

да! Действительно, не стоит, пожалуй. Маргарита подпевала, кружилась осторожными легкими шагами по комнате, нежно поглаживала пальцами бокал, наполненный янтарем. Захмелев, попробовала сыграть сама с собой в нарды. Не понравилось. Сгребла шашки небрежно, захлопнула доску, бросила в сумку — ждать своего часа. Перед сном улыбнулась своему отражению в зеркале. Несчастная? Что ж, коли так… Glad to be unhappy, верно.

Спать легла вполне довольная жизнью и собой. Впрочем, как всегда.

А под утро опять пришла мама. Шептала с кресла монотонно: «Маргарита, Маргарита, как ты глупа. Как ты глупа и несчастна, Маргарита».

«Господи, мама! Сколько можно?», не выдержала Маргарита и проснулась. Голову привычно стягивало, смертельно хотелось кофе и курить. Раскидав подушки, выбралась из постели, побрела тихонько на кухню, на ощупь пробираясь темным коридором.

Темным? Обогнув угол, Маргарита увидела, что матовое стекло кухонной двери не серое, как ему полагается, а вовсе даже оранжевое, горит… Хотя она, трепетно относившаяся к вопросу экономии электроэнергии, твердо помнила, что вчера свет — выключала. Еще до того, как открыла бутылку.

Маргарита остановилась, замерла, прищурилась, разглядывая необъяснимый феномен.

— Очень интересно, — пробормотала себе под нос. — У тебя начинается склероз, дорогая?

В ответ с кухни раздался свист чайника и тихое звяканье, словно кто-то открыл банку с кофе. Кофе?! Да-да, точно — ложечка стукнула о металл, булькнула вода, проходя носиком в чашку, глухо стукнул чайник, возвращаясь на плиту.

Маргарита сглотнула и дернула шеей. Сомнительно, чтобы банальный взломщик мог напугать ее, но… но Маргарита просто не могла представить себе бандита, который решил попить кофе во взломанной квартире. Посему судорожность ее движений была продиктована, разумеется, не страхом, а, скорее, крайним изумлением. Ошеломлением. Полным непониманием происходящего. Если не сказать хуже.

— Что еще за фокусы? — громко сказала Маргарита и толкнула дверь. Несколько сильнее, чем требовалось — дверь бухнула о стенку, матовое стекло трескуче осыпалось на пол.

— Доброе утро, — любезно поздоровалась с Маргаритой сидящая за столом Маргарита. — Мне тоже не нравилось это стекло.

— Та-а-ак, — Маргарита осела на табуретку и критически посмотрела на… эээ… саму себя. — Здравствуй, маразм.

— Не паникуй, дорогая, — откликнулась Маргарита. — До маразма тебе еще далеко.

— Да ну? — ухмыльнулась Маргарита.

— Ну да.

— Как скажешь… дорогая, — самообладания Маргарите, конечно, не занимать.

Она пододвинула к себе пепельницу, нашарила пачку. Долго искала зажигалку по карманам халата, плюнула наконец, дотянулась до плиты, покрутила сигарету в синем огне. Затянулась.

— Кофе будешь? — спросила пришлая Маргарита. И сама себе ответила. — Будешь, конечно.

Она встала, снова зазвякала ложечкой, забулькала чайником. Маргарита с интересом следила за ее движениями, одновременно узнавая и не узнавая себя. Никогда не думала, что у нее так изящно получается брать с плиты тяжеленный чайник. Никогда не замечала, что так по-идиотски шевелит верхней губой, отмеряя кофе. Хорошая краска для волос, долго держится. А вот эту блузку я, пожалуй, больше никогда не надену.

— Для начала, — заявила Маргарита, подав чашку и снова усевшись со своего конца стола, — Зови меня Ритой. А я тебя буду называть Марго. Согласна?

— Для начала? Очень любопытно, — хмыкнула Маргарита. Не дождавшись ответа, вздохнула. — Да. Согласна.

— Отлично. Значит, договорились.

Помолчали. Выпили кофе, разлили по новой. Одновременно схватились за сигареты, так же одновременно отдернули ладони, уступая. Поухмылялись. Закурили, синхронно выпуская тонкие струйки дыма из тонких ноздрей. Разглядывали друг друга, без смущенья встречаясь глазами.

— Значит, не маразм? — нарушает Марго тишину.

— Нет, дорогая.

— Тогда что? Шизофрения? Не знаю… раздвоение личности? Откуда ты взялась? Зачем пришла?

Рита скептически смотрит на Марго, вздергивает ехидно правую бровь.

— Я тебе кто — врач? Диагнозы это не по моей части, дорогая. Впрочем, к нам они все равно не имеют никакого отношения, уж поверь. Что касается твоего последнего вопроса, то ответ, мне кажется, очевиден.

— Да неужели? — Марго тоже задирает бровь, а ехидства в голосе у нее, пожалуй что и побольше.

— Марго-о-о, — укоризненно тянет Рита. — Марго, очнись, ради бога. Очнись и немного подумай. Раньше у тебя это неплохо получалось.

Марго сочла совет разумным и действительно немного подумала. Возможно, чуть дольше, чем от нее ожидалось, потому что Рита встала вдруг, недовольно поджав губы, быстрыми шагами обогнула стол и Марго, и скрылась в коридоре, хрупнув тапочками по осколкам. И тут же практически вернулась, держа в руках сумку Марго. Или собственную? Носят ли галлюцинации с собой багаж, лениво подумала Марго, но не спросила. Потому что это уже неинтересно. Потому что она поняла и действительно расслабилась наконец. Обрадовалась даже. И смешно вдруг стало. Ответ-то действительно очевиден.

— Ну что? — спрашивает Рита, доставая гремящую резную доску. — Сыграем?

— Ну разумеется! — отвечает Марго, расчищая место бабушкиному наследству.

После второй партии (один-один) Марго и Рита замерли в ожидании. На всякий случай.

Ничего, разумеется, не произошло. Никто не стучал в дверь, требуя немедленной аудиенции, телефон молчал. Все дела преспокойно ждали своей очереди, которая наступит лишь когда будет закончена игра.

Марго и Рита играли часа три. Или четыре. И ничего их не отвлекало. Они даже не разговаривали — не о чем, незачем. Вообще, тишина стояла мертвая, кажется, даже часы не тикали. И соседей, соседей тоже не слыхать, что уж вовсе необъяснимо — стены-то из материала чуть покрепче туалетной бумаги… Ничего. Только кости стукаются о доску, перетекая гранями, только шашки с легким шорохом летают от одного гнезда к другому, то закрывая шесть подряд, то выстраиваясь длинной одинокой башней, то образуя причудливые, красивые лишь глазу безумного игрока, комбинации.

Закончив — какую по счету? бог его знает — партию, решили немного перекусить. Марго встала к плите, пристроив Риту к нарезке овощей.

— Хорошо сыграли, — вполголоса замечает Рита, неаккуратными кусками кромсая помидоры и сваливая их в ярко-красную миску.

— Хорошо, — откликается Марго, наливая на сковородку масло. — Теперь ты уйдешь?

— Уйду? — кусочек помидора выпрыгивает из старых рук, улетает вниз куда-то. Рита задумчиво смотрит на него, решая, поднять или подождет. Решив, поддергивает длинную юбку, тяжело наклоняется, из-под стола переспрашивает. — Уйду? Тебе этого хочется?

— Пожалуй, нет, — подумав, отвечает Марго. Ее саму несколько изумляет подобное решение. — Не могу не признать, что присутствие людей в моей жизни до сих пор было необязательным, даже лишним, но… ты же, в сущности, не человек. Уживемся как-нибудь.

— Уживемся, уживемся… — нараспев бормочет Рита, подхватывая двумя пальцами скользкий помидорный огрызок. — Уживемся как-нибудь.

Вылезает, выкидывает находку в мусорное ведро, брезгливо осматривает пальцы, крутит ручки крана. Сквозь шум воды тихо продолжает:

— Уйду, когда захочешь. Не переживай.

— Когда захочу? — рассеянно — масло начало подпрыгивать, следи, чтобы на руки не попало, — удивляется Марго. — Есть возможность управлять галлюцинациями? То есть, я понимаю, что таблетки, скажем, наверняка могут восстановить равновесие в голове, но для этого, как минимум, к врачу надо обратиться. Полагаю, ты знаешь, как я отношусь к такой перспективе.

— Знаю… — соглашается Рита. — Но ты уверена, что я — галлюцинация?

— Разве нет?

— Разве да?

— Уверена, — Марго не желает спорить, выбивает железным голосом точку. — У-ве-ре-на.

— Как скажешь, дорогая, — Рита пожимает плечами и возвращается к салату.

После обеда, за которым обговаривались некоторые значительные аспекты совместного существования и находились разумные компромиссы (это оказалось довольно легко, что, впрочем,

и не удивительно вовсе — сам с собой всегда договоришься, не так ли?), Марго и Рита отправляются гулять. Незаданный вопрос о том, есть ли у Риты *свои* вещи, находит ответ — да, есть. Во всяком случае, некоторый базовый минимум. Вроде фотоаппарата (а нарды были Марго, вторых нет).

А на улице бесстрашной и независимой Марго вдруг становится не по себе, и она делает вид, что одна. Ей мнится, что стоит завести с Ритой разговор, и она тут же перейдет в разряд городских сумасшедших. С легкостью приняв мысль о собственном безумии, она, как оказалось, мучительно страшится явить его миру. Сразу отошла на несколько шагов, сама выбирает маршрут, позволяя Рите покорно следовать. На реплики отвечает сквозь зубы и только после того, как убедится, что поблизости никого нет.

— Ты зря боишься, Марго, — мягко говорит Рита. — Ох, зря. Поверь мне.

— Зря? — довольно зло шепчет Марго. — Маргарита Соломоновна Бергович — не сумасшедшая!..

Оборвала себя на полуслове, вздохнула тяжело:

— То есть, была не сумасшедшая. Но о переменах совсем не обязательно всем знать.

— Марго, не дури, — смеется Рита. — Нас двое, как бы тебе ни хотелось обратного.

Марго упрямо сжимает губы и подозрительно смотрит на развязного молодого человека, который только что протиснулся между ней и Ритой, выпалив скороговоркой: «Прошу прощения, дамы».

— Дамы! — фыркает она, нервно поглаживая камеру. — Дамы!

— Марго-о-о, — легонько стонет Рита. — Ты привыкнешь, Марго.

— Ну-ну.

Недоверчивая Марго.

Но — привыкла. Ничего, привыкла. Говорить «Доброе утро, Рита», варить кофе на двоих, подталкивать локтем, когда находится что-то достойное снимка, идти бок о бок, продираясь через толпу... ежедневно играть в нарды, разумеется.

Привыкла.

И однажды сказала, не понижая голоса:

— Знаешь, — сказала. — Я решила, что, какая, в сущности, разница. Я такая древняя, что стыдно уже не быть сумасшедшей, чем быть ею.

Они с Ритой сидели в городском парке, утомленные дневной прогулкой, довольные результатами фотоохоты, лениво разглядывали на удивление немногочисленную компанию игроков.

— Правильно! Наконец-то, — радостно откликнулась Рита и, помолчав секунду, добавила. — Сыграем?

— Ну разумеется, — ухмыльнулась Марго, первый раз вытягивая из сумки нарды на улице. — Какого черта, в конце-то концов. Пусть. Все равно.

Так и пошло. Нагуляются Марго и Рита, устанут, присядут на лавочке (а то и вовсе на бордюре или посреди газона — чего уж стесняться-то), разложат доску и играют. Часами. И никто им не мешает. Ни звонки, ни дела, ни дождь, ни ветер, ни футбольные фанаты.

Поначалу Марго от смущения хулиганить начала: громче с Ритой разговаривать (даром, что обе слышат хорошо), да над прохожими, заглядевшимися на них, издеваться.

— Ну что, — хихикает. — Что встал-то? Сумасшедших не видал? Ох, любопытный народ какой пошел.

— Марго-о-о, — привычно тянет Рита.

А Марго, знай, пуще веселится.

— Ри-и-та, — передразнивает.

Молчи, мол, дорогая, не мешай.

Так и не мешает Рита, подпевает вовсю. Ей тоже, в общем-то, смешно.

— Вы знаете, — говорит. — Она считает, что я — ее галлюцинация.

— А разве нет? — тут же откликается Марго, выбрасывая дубль-пять.

— А разве да? — смеется Рита, отвечая двумя шестерками.

— Разумеется — да. — И прохожему. — Вы со мной не согласны?

Пожмет плечами прохожий, ничего не ответит, а дальше пойдет, нервно поводя плечами.

— Ты по-прежнему уверена?..

— Уверена, дорогая. У-ве-ре-на.

— Неужели тебе все еще не все равно?

— Мне давно уже все — равно.

— Марго-о-о...

— Ри-и-ита...

Потом игра эта, не в пример нардам, надоела, перестала Марго обращать внимание на прохожих, на любопытствующих, на зевак.

Перестала корчить из себя безумицу. Перестала спорить с Ритой — зачем, боже мой? Все равно.

И Рита перестала убеждать Марго — тоже, в сущности, бессмысленно как-то выходит.

Иногда только в парке или посреди оживленного проспекта толкнет Рита Марго в бок, взденет указательный палец — слушай, слушай! И Марго слушает, как за спиной девочка шепчет мальчику:

— Смотри, какие старушки славные. Близняшки. Здорово, наверное, иметь близнеца. Что бы ни случилось — один не останешься.

Рита хитро смотрит на Марго. Ты по-прежнему уверена, что я — галлюцинация?

Качает головой Марго, улыбается насмешливо. Не дури меня, дорогая. Уверена. У-ве-ре-на.

2005 г.

Маша, смотри, какая рыба!

Памяти Маши

Маша и Маша совсем друг на друга не похожи.

Маша — большая, высокая, с закрученной вокруг головы косой, крупными и мягкими чертами лица и низким, спокойным голосом — слушать, слушать, не наслушаться. Нетороплива, плавна и, кажется, тепла. Снисходительна, царственна, ве-ли-ча-ва. Произнося ее имя, очень хочется прибавить к нему еще один слог «ма» — исключительно в знак почтения. Еще и поклониться при этом. Будьте здоровы, мамаша. С нашим искренним.

Маша — маленькая, худенькая, не то девочка, не то мальчик — хитрый взгляд из-под челки, вертится, нос остренький сует во все щели, трещит сорокой, голос ломкий, звонкий — долго не выдержишь. Через пять минут появляются странные желания: то ли конфету ей в рот сунуть, чтобы помолчала немного, то ли вовсе за дверь выставить. Но хорошенькая, никуда не денешься — куколка такая, француженка в беретке. Ставим ударение в имени на последний слог. Où est ma chatte?.. А не заткнуться ли тебе, киска?!

У Маши муж и двое детей. Все трое без ума от жены и мамы. Еще куча родственников и друзей. Друзей родственников и родственников друзей. Заказчиков, соседей, деловых партнеров, попутчиков наконец... Тоже все, натурально, без ума! А как же? Можно ль не любить, не восхищаться? Нель-зя.

У Маши — полным полно случайных друзей-подружек, с которыми славно провести субботний вечер, и от которых нужно смыться последним автобусом, чтобы, не дай бог, ночевать не оставили. Больше никого. Не очень-то и хотелось, на самом деле.

Издевательской кодой: Маша живет в городе, в который стремились всею своею душой провинциальные сестрички Прозоровы, Маша — там, куда сорвался столичный Чацкий (доехал ли, бедняга? стал ли счастлив?). Полный антагонизм.

Тем удивительней, что профессия у Маши и Маши одна на двоих. И стажировку в далеком городе Миннеаполисе оплатило им американское правительство одновременно. Словно нарочно, чтобы всем видно было: Маша и Маша совсем друг на друга не похожи.

Маша и Маша друг другу не нравятся. Маша с высоты своего роста (на двадцать сантиметров выше), возраста (на десять лет старше) и положения (сама добилась, никто не помогал!) время от времени начинает учить Машу жизни. Мягко так, ласково, по-матерински, можно сказать. Другая бы спасибо сказала за совет. Куда там! Смотрит Маша снизу вверху (охота была в такую лошадь превращаться), губки бантиком складывает (лучше помогите материально, да-а?), фыркает

презрительно (начальство, да не мое, съела?). Машу это, разумеется, ужасно бесит. Не больше, правда, чем Машу советы. Ну, притираются потихоньку, куда деваться?

Некуда. Потому что до момента расставания еще неделя. А пока — общее дело, общий отдых и, спасибо, хоть в разных домах ночевать выпало. Маше в южном пригороде Миннеаполиса, Маше — в северном. Из пункта А в пункт Б — полтора часа езды, есть время передохнуть.

Дни Маша и Маша проводят на первом этаже скучного офисного здания в центре города. Работают, обедают, выходят покурить, снова работают. Вечерами же Машу и Машу берет под свое крыло Чак. Чаку почти шестьдесят, у него седая борода, хитрые глаза и восхитительный характер. И главное, Чак отлично разговаривает по-русски: с Машей о политике, с Машей — о литературе, с обеими — о всяких пустяках.

В воскресенье Чак водил Машу и Машу по музеям, весь день гуляли. А в понедельник уже не до великого, развлечься бы. Поэтому пошли в Mall of America. Ну, тоже музей. В своем роде.

От магазинов, впрочем, всех уже тошнит. Вторая неделя пошла, успели насладиться. Поэтому и даже соваться туда не стали. Сначала долго фотографировались рядом с гигантским Снуппи и на лавочке под каким-то ужасным деревом, а потом Чак предложил заглянуть в аквариум. Это в самом низу, называется «Подводные приключения».

— Пойдем? — спрашивает Чак.

— Даешь приключения! — радуется Маша.

— Пошли, — кивает Маша.

Пошли. На входе Чак заплатил пятьдесят семь долларов и всем на правую руку нацепили бумажные зеленые браслетики — тайный знак практически, а на самом деле просто билеты такие.

Аквариум начался с черепах. Они сидели в открытых загонах, посреди таинственной зелени и маленьких водопадов.

— Ах, какие черепахи! — Маша кружит вокруг загонов с фотоаппаратом и щелкает, щелкает. Черепахи не двигаются, они, вероятно, давно привыкли ко всяким там, со вспышкой.

— Ничего черепахи, — задумчиво кивает Маша. Она не любит черепах, ей они кажутся невероятно скучными, ни погладить, ни потискать, ни поговорить, в конце концов, по-человечески.

— Ты просто еще маленькая, — говорит уязвленная Маша. — Это же мудрейшие создания!

Маша продолжает меланхолично кивать:

— Да, из них, говорят, суп вкусный.

Она вовсе не такая кровожадная и циничная, но надо же ответить? Ответ, в целом, удается: Маша ахает и прекращает громко восхищаться панцирями и глазами. И даже фотоаппарат отпускает на какое-то время. Он беспомощно виснет у нее на плече, моргая красным глазком подзарядки для вспышки.

Чак тактично не вмешивается в разговор, делая вид, что внезапно перестал понимать по-русски.

После черепах еще сидит маленький крокодил, а потом начинается туннель: сверху, справа и слева за стеклом плавают разные рыбы, а снизу — пол, разделенный на две половины: по правой можно просто идти, а левая сама везет.

В аквариуме почти никого нет. Только рыбы, Маша, Маша и Чак, да впереди ползут по ленте две бодрых американских старушки. Откуда-то бубнит радио, но его никто не слушает. Чак сам все знает, Маша по-английски не понимает, а Маше просто неинтересно. Все равно не запомнишь, лучше просто смотреть.

Она и смотрит. И Маша смотрит. А Чак смотрит и радио конкуренцию составляет. Это, говорит, рыба-окунь, а это вон — скат поплыл. Чак оказывается даже удивительней, чем о нем думали: всех рыб не только по-английски, но и по-русски знает.

— Маша, смотри, какая рыба! — говорит Маша, дергая Машу за рукав.

И Маша не раздражается и воспитывать не начинает, а говорит, ага, и щелкает фотоаппаратом.

— Маша, смотри, какая рыба! — восторгается Маша, стуча о стекло крышечкой от объектива. Маша прилипает к стеклу носом, а с другой стороны тоже нос — рыбий. Поморгали друг на друга и разошлись. Одна дальше поплыла, вторую лента потащила.

— Маша, — неожиданно тихо зовет Чак. — Смотри, какая рыба…

— Акула! — шепотом говорит Маша. — Акула, мамочки… Жуткая какая.

У акулы очень правильное название по-английски — shark. Она так плавает — шарк туда, шарк обратно. Над головой тенью прошаркнула — Маша аж присела от неожиданности.

— Ну и реакция, — смеется Маша. — Тебе стоило бы воспитывать характер!

— Ничего смешного, — бурчит Маша.

— Ничего смешного, правильно, — говорит Чак. — Все правильно.

Он наклоняется к смущенной Маше и шепчет:

— Смотри, какая рыба.

Эта рыба куда лучше предыдущей. Славная и смешная. Маша недавно смотрела мультфильм про Немо и эта рыбка играла Дори, такую с веснушками и склерозом.

— Дори! Это же Дори, — радостно пищит Маша, стучит по стеклу указательным пальцем. — Эй, Дори, привет!

Маша снисходительно улыбается и нажимает на спуск фотоаппарата, отчего маленькая Дори пугается и уплывает за водоросли.

— Ну вот!.. — говорит Маша, глядя недобрым взглядом на Машу.

Чак качает головой.

А лента тащит Машу и Машу дальше. Мимо таких рыбок и этаких рыбищ, мимо осьминогов, угрей и скатов, мимо ракушек, камешков, водорослей, чужих теней и собственных отражений в толстой воде. Маша, смотри, какая рыба!

Маша, смотри, еще акула... Маша смотрит. И акула смотрит. Недобро смотрит, нехорошо. Маше вдруг становится не по себе, Маша вдруг чувствует внутри легкое беспокойство. Чак же на акулу не глядит вовсе, его, кажется, вдруг стало занимать бормотание радио... Он склоняет голову набок и прислушивается, пытаясь найти источник звука.

А акула — смотрит. Она боком движется вслед за лентой, она не отстает от Маши и Маши, она покачивает хвостом — вправо-влево-вправо-влево, не мигает.

— Мамочки мои, — шепчет Маша. Глаза бы закрыть. Не закрываются — смотрят акуле в левый зрачок. Страшно.

Маша молчит, но ей ужасно хочется уйти куда-нибудь. Куда-нибудь! Но она не уходит, разумеется, она стоит и зачем-то пялится в правый акулий глаз.

Кто был первым? Кто? Маша, машинально поднявшая фотоаппарат и нажавшая на кнопку? Или Маша, перепугавшаяся до смерти и, устыдившись своего страха, стукнувшая по стеклу? Или Чак, который, наконец, нашел динамик и, успокоившись на этом, тоже заинтересовался акулой? Посмотрел на нее и подмигнул из-за спин Маши и Маши. Акуле подмигнул. Или это была маленькая Дори, вылетевшая под акулье брюхо из водорослей? Черт его знает.

Скорее всего, все произошло одновременно: взвизгнул фотоаппарат, сажая батарейку, бухнуло стекло под Машиным

кулаком, замолчало радио, остановилась лента под ногами, ухмыльнулся беззвучно Чак, Дори заметалась в акульей тени, зацепила ее, потянула за собой. Акула мигнула, оскалилась… и уплыла, потянувшись за малышкой. Скрылась где-то в глубине. И будто не было ее никогда. Может, и правда не было. Может, показалось.

Маша опускает камеру, Маша трет костяшки пальцев, оббитые о стекло, Чак снова прислушивается прислушиваться к возобновившемуся рассказу о белых акулах и их привычках.

— Что это было? — шепотом спрашивает Маша и смотрит на Чака.

— Что это было? — эхом отзывается Маша. И тоже смотрит Чака.

Чак молча разглядывает брюхо какой-то рыбы над своей головой и на взгляды не реагирует. Пришлось смотреть друг на друга.

Маша смотрит на Машу, отражается в ее зрачках. Маша смотрит на Машу, пытается понять, что произошло. «Однако…», думает Маша, пока в голове звучит у нее звонкое «Ни фига себе!».

«Ни фига себе!», думает Маша, ловя в мозгу тихое «Однако…».

«Что произошло?», спрашивает Маша и не находит ответа. «Ты слышишь, да?», спрашивает Маша и понимает, что ответ не нужен.

Вслух они ничего не сказали. Ползли по ленте к выходу, забыв про акул, осьминогов и Дори, пока не добрались до конца туннеля — до большого зала, в центре которого стоял бассейн с электрическими скатами.

— Хотите погладить? — спросил Чак. — Я научу как правильно.

Маша задумчиво кивает. Маша рассеянно отказывается. Маша гладит ската — двумя пальцами по направлению движения, холодная вода, шершавая шкурка, плотная ткань штанов, о которую она вытирает руку. Маша смотрит куда-то в стену, указательный и средний пальцы ее правой руки чувствуют холод и влагу, им немного щекотно, потом — еще раз. Щекотно, но Маша морщится как от боли. Маша удивленно вскидывает брови, потом хмурится. «Боже мой», думает Маша. «Ну и дерьмо», думает Маша. Чак зовет их перекусить, но Маша и Маша просятся домой.

Первую неделю было особенно тяжело. Маша засыпает долго и мучительно (даже в самые спокойные дни). Маша — лишь коснувшись подушки (даже в самые тяжелые времена). До первой чашки кофе Маша недееспособна, Маша же просыпается и сразу начинает планировать новый день. Маша любит острое и булочки, Маша

который год сидит на диете. Пока Маша обдумает ответ, в Маша выстраивает десять теорий — и от этого у обеих каша в голове.

«Ма-а-аша, ну, блин, ну ночь же еще!»

«Маша, уже давно утро, я тебя уверяю! У нас через два часа семинар».

«Машенька, ты не могла бы немножко придержать ход своих мыслей? Мешаешь».

«Не могла бы… Ма-шень-ка. Сама не тормози.»

«Маша, как ты можешь есть такую дрянь?»

«Маша, как ты можешь есть такую дрянь?!!»

«МАША!!!»

В довершение всего Маша простудилась, и у Маши тоже заболело горло, и голова была мутная, и все время хотелось куда-нибудь прилечь. Желательно в постель, а не на один из жестких стульев в офисном центре.

И самое обидное, никому ведь не расскажешь. Кто поверит? У Маши было легкое подозрение, что ко всему этому имеет какое-то отношение Чак, но Маша отмела его как несостоятельное. Впрочем, спросить все равно не получилось. Во вторник, витиевато извинившись перед Машей и Машей, Чак отбыл куда-то в сторону Калифорнии. Сказал, что на свадьбу к двоюродной племяннице.

А потом и Маша и Маша уехали. Одна в столицу, вторая в провинцию, в слабой надежде, что может быть дома — на расстоянии в восемьсот с лишним километров друг от друга — они наконец перестанут быть самыми близкими на свете людьми. Не получилось, конечно. У Маши вечеринка, у Маши голова болит. Маше спать хочется, а Маша к ответственному докладу готовится, бубнит ключевые фразы всю ночь напролет. Маша очередного мальчика в постель тащит, Маша ей про презервативы напоминает. Маша сына за позднее возвращение домой упрекает, Маша предлагает отстать от парня и не парить ему мозг.

Каждый день Маша и Маша чистят зубы — четыре раза, едят и пьют — разное и сколько получится, ходят в душ и туалет, вместе маются похмельем и вместе ходят к зубному, разговаривают с людьми — и прислушиваются сразу к нескольким голосам в голове, только бы не сбиться, только бы не запутаться.

По вечерам общаются уже целенаправленно. Главным образом о том, как бы перестать быть вдвоем. Или хотя бы иногда отдыхать друг от друга. Ни в одной умной книжке не нашла Маша пока ответа, ни

один умный человек не подсказал Маше выхода. Маша ходила в церковь, Маша ходила к психотерапевту, Маша торчала сутками на эзотерических форумах, Маша обошла всех экстрасенсов и магов в городе, Маша перевернула несколько библиотек. Без толку.

«Может быть в монастырь уйти? Ненадолго. Помолиться, попоститься...»

«...послушать радио «Радонеж»? Сильно это тебе поможет!»

«У тебя есть другие идеи?»

«В Тибет надо. Медитировать и отучаться думать.»

«Прости за откровенность, но ты и так не очень часто этим занимаешься.»

«Ну и тебе бы не помешало. Я хоть высплюсь.»

«Знаешь, если бы ты хотя бы по-пы-та-лась спать по ночам, ты бы давно выспалась. И я, между прочим, тоже.»

«Слушай, а тоже вариант, не? Впасть в летаргический сон на пару лет, там, глядишь, рассосется. Не хочешь попробовать? А я пока сама по себе поживу немного.»

«Начнем с того, что это нереально... А даже если бы и реально, то почему, позволь поинтересоваться, именно я должна это делать?»

«Потому что ты старше. У тебя фора в целых десять лет! И терять тебе уже особо нечего.»

«Маша!»

«Сама такая...»

Так что пока ответ не нашелся, приходится искать компромиссы. Маша предупреждает, а Маша уступает, Маша от чего-то отказывается, а Маша с чем-то соглашается. Даже пользу научились извлекать, советуются, подсказывают друг другу. В общем, притираются потихоньку, куда деваться?

Некуда.

Такие у акул шутки.

2009 г.

Клуб Двух Девяток

Последнее очное заседание Клуба Двух Девяток состоялось 27 июня 1996 года, за пару дней до того, как первый из нас покинул город. На повестке было два вопроса: что будем пить в честь окончания школы и кто рисует на стенах шары. С первым вопросом

мы разобрались довольно быстро, забежав в магазин по пути, на второй, как обычно, потратили весь вечер.

Сейчас уже не вспомнить, кто заметил шары и рассказал о них остальным. К тому времени Клуб Двух Девяток, созданный для изучения и обсуждения самого неодобряемого учителями чтива — детективов, существовал уже несколько лет и мы были уверены: мы знаем все о том, как разгадывать тайны. Вот только тайн вокруг нас почти не было, однажды мы даже бросили ходить в библиотеку, потому что вычисляли убийц раньше, чем дочитывали до середины книги. Время от времени в качестве развлечения мы брались за олимпиадные задачи по математике или за мировые загадки из газеты «Совершенно секретно», но, расщелкав очередную, понимали — облегчение было временным. Мы отчаянно скучали без настоящего дела.

Первый шар был обнаружен прямо на старом здании школы. Немного неровный, нарисованный от руки, ярко-красный, с белым бликом на правом боку, на первый взгляд он не показался нам ничем особенным. Мы бы забыли про него, если бы через несколько недель шары не стали появляться в других местах: на торце универсама, где покупали продукты наши родители, на детской поликлинике, в которую мы по привычке заворачивали, хотя нас уже давно перевели во взрослую, на дверях библиотеки, куда мы сейчас заходили разве что за свежим номером «Кванта», на остановке троллейбуса № 15, возившего нас в бассейн и на каток, на самом пятнадцатом троллейбусе…

К окончанию школы у нас было двадцать четыре шара, но ни малейших идей о том, кто их рисует и зачем. Железные логики, неутомимые сыщики, мы не могли справиться с этой задачей. Тайна Нарисованных Шаров занимала наши умы круглые сутки. Теории строились и обрушивались, версии выдвигались и отвергались, некоторые сразу же, некоторые после длительных споров и размышлений. Иногда мы отвлекались на что-то более простое, вроде тайны Марии Целесты или Тунгусского метеорита, раскусывали очередной орех и возвращались к своей тайной страсти — шарам на стенах.

Перед отъездом мы завели общий почтовый ящик, чтобы обмениваться теориями и находками, и прощаясь, поклялись, что не оставим поиски разгадки.

Шли годы. Мы встречались, расставались, женились, выходили замуж, разводились, бросали семьи и оказывались брошены сами. Мы нарожали немного детей, сделали сотни открытий, написали несколько книг, прочитали — много тысяч. Мы вырастили пятнадцать грузовиков картошки и четыре площади цветов, заработали миллионы денег, съели горы еды, выпили озера напитков и выкурили по меньшей мере шесть табачных плантаций. Вокруг нас взрывались вулканы, падали самолеты, рос доллар, проходили международные конференции, развязывались локальные конфликты, сменялись президенты, горели леса, выпадали ледяные дожди… Шары появлялись, загадка не находила решения.

В 2011-м умерла Лара. Самая ответственная из нас, она поступила в противовес собственным принципам. Без предупреждения, не завершив никаких дел, не написав ни одного прощального слова, она совершенно бездарным образом бросила нас на половине пути к разгадке.

Не все из нас смогли приехать на похороны. Поэтому заседание Клуба не состоялось, мы просто выпили водки, вспомнили былые дни и разъехались по домам, отметив, между делом, несколько новых шаров по пути следования с кладбища на вокзал и в аэропорт.

В течение следующего года мы немного поумерили пыл. Нам внезапно стало казаться, что мы переросли игру, что Клуб Двух Девяток был бы уже хорош в качестве засушенного цветка или фотографии на память, аккуратно лежащей в старом чемодане с разбитыми колесиками. Где-то рядом с фатой, военным билетом и пинетками первенца.

Мы все еще заходили в наш почтовый ящик, больше по привычке — почесать ностальгию, подогреть ноющий интерес, но писем там почти не появлялось. Несколько заметок о новых шарах (Владивосток, Таганрог, Ялта… всего-то за целый год), краткие вспышки братской любви перед праздниками, несколько сугубо деловых записок тем, кого почему-то было нельзя разыскать другими способами.

Все мы были немного обижены на Лару. Ее теории были самими стройными, ее гипотезы самыми непротиворечивыми, ее отчеты о шарах — самыми аккуратными, к каждому прилагались фотографии. Теперь ничего этого не было, Лары не было, и мы словно остались без проводника, без стержня, на котором держалось существование Клуба Двух Девяток. Последний слог шарады потерялся при печати, и больше не было никаких шансов установить истину.

Шары продолжали появляться. Просто ими больше никто не интересовался.

Следующее письмо от Лары пришло ровно через двенадцать месяцев и четыре дня после ее смерти. «Здесь тоже есть шары. Я насчитала уже восемь». Фотографий в письме не было, но кто бы посмел упрекнуть в этом — Лару. В том, что это точно она, мы не усомнились ни на секунду. И не усомнившись, все-таки провели кое-какие изыскания, чтобы понять, откуда пришло письмо. На нашем свете не существовало не только такого почтового сервера, но и даже таких ай-пи. Письмо было, служебные заголовки были, но за ними начиналась пустота. Эту загадку мы постановили не разгадывать никогда.

Это была эпоха Возрождения. Мы очухались, встряхнулись и несколько разозлились. Мы щурились, курили на балконах и в подъездах, у нас болела голова, ныли ноги, ломались фотоаппараты, ноутбуки и судьбы, но мы снова вышли на тропу охоты за шарами. И на этот раз останавливаться не собирались. Шары сыпались на нас, как гречка из рваного пакета, а мы собирали их и ссыпали в почтовый ящик, чтобы голодным не остался никто. Москва и Мюнхен, Рим и Севастополь, Ростов-на-Дону и Ростов Великий, Чита и Вашингтон, города и поселки, столицы и деревни — мы находили их везде.

Больше всего писем присылал наш первый самопровозглашенный президент Клуба Двух Девяток — Женька, Жека, Евгений Витальевич, директор маленькой авиакомпании и действующий пилот. Это было неудивительно, ему никогда не сиделось на месте, он уехал первым, и главной его целью было — быть везде, лишь бы не останавливаться, лишь бы подальше от дома. Крайнее письмо от него пришло в середине апреля, как раз вовремя, чтобы мы успели изменить свои планы.

«Дорогие друзья! Приглашаю вас принять участие в очередном очном заседании Клуба 99, которое состоится 1 мая 2013 года в старом здании школы. В повестке дня:

1. объятия в честь встречи,

2. разгадка тайны нарисованных шаров,

3. разное.

Искренне ваш, первый самопровозглашенный президент Клуба 99 (ЕД)».

Мы приехали. Приехали все как один, наплевав на дачи и отели, бросив чад и домочадцев, переплатив за билеты, задыхаясь от

нетерпения. В старом здании школы было пыльно и гулко. Мы забрались в бывший кабинет математики, расселись на старых партах, тех, что еще можно было признать безопасными для изрядно отяжелевших нас. На одной пристроили ноутбук с открытой почтой, чтобы Лара могла принимать участие в заседании вместе с нами. Как только подключили интернет, почтовый агент засвиристел уведомлениями о новых письмах — Лара изнывала в ожидании разгадки так же, как и мы.

— Дорогие мои участники Клуба Двух Девяток, — Жека был торжественен и многословен, его сияние хорошо оттеняло обшарпанные стены маткласса. — Я собрал вас здесь, чтобы наконец-то увидеть ваши прекрасные рожи, обнять ваши широкие плечи, заглянуть в ваши ошалевшие глаза и насладиться вашим замечательным обществом, как в те старые добрые времена, когда мы были невинны аки агнцы и любопытны как белки.

Мы дружелюбно, хотя и несколько нервно, посоветовали ему прекратить чесать язык о наши страдающие уши, и переходить к делу. Лара поддержала нас активным свистом из ноутбука.

— Хорошо! — Жека примирительно вскинул руки. — Я понимаю ваше нетерпение, ибо все мы сегодня здесь, чтобы наконец узнать разгадку самой великой тайны сразу двух веков, терзавшую умы и души Клуба Двух Девяток в течение многих лет...

Мы пообещали незамедлительно растерзать его самого, если он не начнет рассказывать, и Жека сдался. Лучше бы он этого не делал.

Мы не поверили сразу, не хотели верить, мы задавали вопросы, недоуменные и с подковыркой, пытались убедить его и себя, что это была шутка, глупая и жестокая, но все-таки просто штука. Но с каждым нашим вопросом и с каждым его ответом, становилось все понятнее: Жека не врет. Жека действительно нарисовал тот самый первый шар, и обратил на него наше внимание, и подогревал его, пока мы не решили, что эта история стоит того, чтобы занять ею свои изнывающие от подростковой скуки умы. И потом, после смерти Лары, он хотел нас взбодрить, напомнить унывающим нам и себе, что мы еще ого-го и почти ничего не изменилось. Он даже нанимал каких-то людей себе в помощь, если заранее знал, в какой город мы поедем и по каким улицам пройдем. Информация о наших передвижениях никогда не была секретной, мы охотно делились планами друг с другом в надежде, что пути пересекутся и мы встретимся, если не все, то хоть кто-то.

Конечно, не все шары были его рук делом, но так, оказывается, тоже бывает: простые, узнаваемые граффити иногда становятся популярными и разносятся по свету уже без участия их первого создателя. Маленькие крысы, выглядывающие из щелей самых разных домов в самых разных городах, противостояние двух шахматных фигурок, наши шары… Яркие, выпуклые, с белым бликом на правом боку. Нет ничего проще, чем нарисовать такой, Жеке повезло с последователями без фантазии.

Единственное, что Жека отрицал: свою причастность к письмам Лары. Он был уверен, что это кто-то из нас, и, кстати, если бы не ее первое после смерти письмо, возможно, он бы и не стал воскрешать наши поиски и надежды. А так, просто не смог удержаться, кто бы из вас удержался? Ноутбук молчал, но Жека стоял намертво, пока мы окончательно не поверили ему — во всем сразу.

Он еще пытался что-то объяснять нам, что-то про то, что иначе нас было не собрать, что мы постарели и стали унылы, что за столько лет мы виделись так редко и то не все сразу. Жека говорил, а мы уже не задавали вопросов, и вскоре он сбился, затих, втянув голову в плечи, ушел к доске.

Тогда мы начали кричать. Мы кричали, перебивая друг друга, кричали друг на друга и на Жеку, и в наших криках не было ничего конструктивного. Жеку мы обвиняли в предательстве и в том, что он столько лет водил нас за нос. Себе мы предъявляли претензии за наивность и легковерность. Небесам — за то, что жизнь оказалась просрана в поисках ответа на то, что не было и даже не могло быть загадкой. Досталось даже мертвой Ларе: она была самой ответственной из нас, самой прозорливой, самой потусторонней. Кто, если не она, мог бы остановить этот фарс раньше. Впрочем, теперь-то мы подозревали и ее в том, что она была поддельной. Ноутбук, кстати, молчал.

Затем замолчали и мы. Уставшие, рассыпавшиеся в клочья, потерявшие смысл жизни, мы разбрелись по комнате, устроились кто как мог. Растолстевшая за эти годы Оля сидела на корточках, обхватив голову руками. Егор размеренно бил кулаком дверной косяк, правый рукав его дорогого костюма был испачкан мелом. Толком не выросшая Наташа тихо плакала на груди у Андрея, Андрей, который так и не научился стричься в приличных парикмахерских, гладил ее по плечу. Димка с громким треском выламывал себе пальцы, но ни одна из девчонок не прикрикнула на него, как это было раньше. Вечно

бледная Вера стояла у окна, уткнувшись лбом в уцелевшее стекло, а взглядом — в серую стену второго корпуса, где когда-то были кабинеты истории и биологии. Я покачивался на шаткой парте и внимательно, словно мы с ними встретились впервые, разглядывал свои рыжие, из нарочито состаренной кожи ботинки. Красивые ботинки, только очень пыльные.

Жека сидел на учительском стуле, убитый нашим горем, отравленный нашим отчаянием, придавленный нашей обидой как бетонной балкой — мы даже видели ее туманные очертания на его теле: тяжелая, серая, щербатая. Он закусил губу, а в его глазах было что-то похожее на слезы, но наши слезы не давали нам рассмотреть как следует. Славная история Клуба Двух Девяток окончилась почти там же, где и началась, только гораздо глупее и скучнее.

Чуть позже мы, конечно, немного успокоились. Зашевелились, начали собираться, тыкались по комнате в поисках сумок, курток, блокнотов. Смаргивали слезы, хлопали себя по карманам, чтобы удостовериться в полной комплектности и сохранности. Кто-то начал договариваться пойти поесть, кто-то упорно отворачивался от остальных. И никто не глядел на Жеку.

— Ребята, смотрите... — Вера по-прежнему стояла у окна, ее голос сорвался. — Смотрите!

На стене второго корпуса был нарисован шар. Красный, с неизменным белым бликом на правом боку, знакомый до последнего штриха. Такой яркий и такой свежий, что краска еще стремилась вырваться за его границы и стечь вниз, к траве и битым кирпичам. Нам показалось, что мы чувствуем ее запах, хотя это было невозможно. Мы растерялись, оглянулись, за нашими спинами с трудом поднявшийся Жека разводил руками, мотал головой, открывал рот и тут же закрывал его обратно, он был удивлен не меньше нашего. Он ничего не понимал, как и мы.

А на стене уже рос второй шар, чуть меньше первого, синий. Чья-то невидимая рука рисовала его быстро и аккуратно, технично выводила контур, размашисто закрашивала объем, бережно выписывала блик, делая шар настоящим, выпуклым. Потом шаров стало три, потом — четыре, пять... один за другим они возникали прямо на наших глазах.

Жека подошел к нам, медленно, робко, как подходят дети к родителям, которые только что их наказали и которые только и могут защитить их от своего же наказания. Но мы не были ему родителями.

Мы были такими же обиженными детьми, как и он. А он был Жека, друг, брат, соучастник нашей жизни, первый самопровозглашенный президент Клуба Двух Девяток, и эти шары рисовал не он. Жека встал возле нас, и мы приняли его, балка пошла трещинами и раскололась.

Мы стояли у большого окна, мы почти не дышали, мы боялись сказать хоть слово, мы держались за руки, мы обнимали друг друга, мы плакали и смеялись, мы слушали свист почтового агента — Лара тоже была с нами, мы смотрели, как один за другим на серой стене второго корпуса, где когда-то были кабинеты истории и биологии, появляются наши шары. Девять разноцветных, разновеликих, переливающихся свежей краской шаров.

2014 г.

Полли, что приходит холодным утром

— Но Полли, что приходит холодным утром и пахнет мятой, отвечает только на один вопрос...

Люська бубнила в сторону окна, еле слышно, так что приходилось сильно напрягать слух и злиться на посторонние шумы. Посторонних шумов в машине завались, но историю про Полли я услышала почти всю.

У моей племяшки здоровские фантазии. Сказки, которые она рассказывает, сначала пугали нас, потом мы к ним привыкли и просто слушали, стараясь не мешать. Даже лишних вопросов не задавали. Люське, кстати, все равно: ей главное, чтобы рядом был хоть кто-то, обладающий ушами, а уж слышит он чего-нибудь или нет, понимает или так… если что, сам себе виноват будет потом: Людмила Владимировна два раза не повторяет.

— Умереть — не встать, — сказал Володька с переднего сиденья. Володька — муж моей систер Елизаветы и Люськин отец. Мы только что забрали Люську из школы, сейчас заберем Елизавету с работы и поедем к ним домой есть куриный суп и что там еще найдется в их большом семейном холодильнике.

Той зимой мне как-то не очень хотелось жить. Все шло наперекосяк, все было не так, не то, не затем, бессмысленно и пусто. Тело предавало меня на каждом шагу, обожаемая и лелеемая годами работа перестала приносить удовольствие и даже мужчины, последняя отрада, любили меня совсем не так, как мне того хотелось. Я в ответ не любила их вовсе.

Только драгоценный систер Елизавета и ее маленькая семья держали меня на плаву. Я проводила у них каждый второй вечер, и лишь остатки такта не давали мне переселиться к ним насовсем. А как было бы хорошо: Люськины сказки, Володькина еда, Елизаветина забота… Систер младше меня на два года, но маму дает даже лучше, чем наша с ней родная мать.

— Мара, ешь, — строго говорит она мне и я с радостью окунаюсь в горячий суп или даже какую-нибудь экспериментальную кашу. В доме у Елизаветы я готова на все, лишь бы не выставили меня в февральскую мглу моей тоски. И так неделя за неделей, той зимой я не чувствовала хода времени, а только терпеливо ждала, когда оно закончится совсем.

— Мара! Мара! Слушай, такое дело! — Володька говорил очень быстро, и это само по себе было удивительно. Спокойный как танк, временами даже слегка заторможенный в противовес нам с Елизаветой, он никогда не захлебывался словами, не частил и не

вывинчивал свой глуховатый голос до таких звенящих частот. — Мара, ты помнишь сказку про Полли? Про Полли, что приходит холодным утром?

Конечно, я помнила сказку про Полли. Я вообще помню все Люськины сказки, и регулярно клянусь, что когда-нибудь соберусь с силами, запру племяшку в чулан и не выпущу, пока она заново не расскажет их на диктофон. Но, конечно, никогда этого не сделаю.

— Короче, Мара, это все сложно объяснить словами. Я лучше сейчас тебе на почту кое-что скину, а ты почитай. Потом наберешь, — Володькин голос звенел в моей голове уже почти невыносимо и я даже почувствовала облегчение, когда телефон отключился.

Но тут же засвистел снова — принятым сообщением. Хороший гаджет, не даст остаться без информации, даже если ты не уверен, что она тебе нужна.

В письме было несколько ссылок. Все сайты, на которые они вели, создавались теми типами, которые проводят дни и ночи, по сотому кругу объясняя, каким именно образом состоится конец света и что все-таки убило группу Дятлова — инопланетяне или Сорни-Най (версии с лавиной или обычным, человеческим, убийством такие даже и не рассматривают, как недостаточно правдоподобные). Чисто клуб любителей телеканала Рен-ТВ... но вот где тот телеканал, а где мы с Володькой, люди, которых у телевизора не застанешь даже в самом плохом состоянии.

«Полли, что приходит холодным утром», — говорилось на одной из страниц, — «для всех выглядит одинаково, пахнет мятой, говорит голосом нежным, смотрит ласково, встреча с ней обещает исцеление от страданий». Обещает, ага. Не факт, что исцелит, но обещает.

«Полли, что приходит холодным утром», — вещал другой любитель страшных сказок на ночь, — «никогда не просит за исполнение желания больше, чем вы можете дать. Но вы должны дать ей ровно то, что можете — не больше и не меньше».

«Полли, что приходит холодным утром, можно задать только один вопрос. Поэтому убедитесь, что вы хорошо подумали, прежде чем спросить ее о чем-либо...»

«Полли, что приходит холодным утром, приносит с собой трепет и ужас, и прокляты будут те, кто осмелится...»

Последнюю ссылку я закрыла, даже не дочитав. Трепет и ужас, глядите. От Полли, что приходит холодным утром, пахнет мятой и выполняет желания. От Полли, которую придумала моя племянница.

Кстати, почему именно Полли? Если бы это была только Люськина история, я бы и не удивлялась, ей сейчас нравятся «не наши» имена, так что Полли, Агаты и Терезы появляются в каждом первом ее повествовании. Или, допустим, Полли была бы духом с британских островов, но так нет же. Все источники сходились во мнении, что она появляется где-то в Прикамье, или Приуралье, в общем, где-то там, где таких имен не бывает в принципе.

— Ну хорошо, — я перезвонила Володьке сразу же, как ознакомилась с этим безыскусным трэшем от лучших дятловедов страны. — Ну, допустим, есть такая городская легенда, Люська где-то ее услышала и пересказала нам… Где повод для паники?

Я врала и сама слышала это. Во-первых, где сайты, а где Люська, которая к компьютеру подходит только домашку сделать и музыку Вконтакте послушать. Во-вторых, нет такой силы, которая бы заставила Люську рассказывать чужие истории — она даже в школе за пересказы получает одновременно две оценки: двойку за безответственное отношение к предмету и пятерку за богатое воображение. В-третьих, если смотреть по whois (а я посмотрела), сайты были созданы примерно через неделю после того, как племяшка рассказала нам о Полли. Беглый пробег по гуглу, как нашему, так и англоязычному, не принес никакой более ранней информации.

— Я спросил у Люськи, где она взяла эту историю, — Володькин голос немного замедлился, но все равно был неуютно возбужден.

— Где, где… сама придумала, — ворчу я, перебивая.

— Ну, да… Ты понимаешь что-нибудь?

Я ничего не понимала, ничего. Но внутри, там, где находится пресловутая «ложечка», уже ворочался клубок змеек. Змейка Страх, змейка Любопытство и та, особенная змейка, которой невозможно противостоять и которая несет меня в самые разнообразные авантюры и никогда не дает пожалеть об этом. У этой змейки имени нет, но иногда я называю ее Чем-хуже-тем-лучше. В конце концов, подумала я, меня решительно ничего не держит. И систер с семейством от меня отдохнут немного.

— Володенька, ты можешь у Люськи спросить, где ее вообще ищут — эту Полли? — не то, чтобы я хотела задавать этот вопрос, но некоторые змейки кусаются очень больно.

— Спрошу. Через час заберу ее из школы и спрошу, — пообещал Володька и отключился.

СМС от него пришла через два часа, когда я уже сбегала заплатить за квартиру, отключила на время интернет, позвонила боссу и прикупила запас сигарет и прокладок.

Ехать предстояло долго и извилисто. Сначала поездом до Москвы, потом самолетом до Ижевска, потом автобусом до маленького поселка на краю Пермского края, а от него еще двадцать километров неизвестно на чем до места назначения — маленькой деревни с тихим названием. Почти двое суток пути, если не останавливаться.

К тому моменту, как юный таксист довольно невежливо выставил меня на окраине деревни, безымянная змейка сладко спала, а змейка Любопытство вяло зевала, наглядевшись на заснеженные пейзажи, и явно собиралась последовать за сестрой. Зато змейка по имени Страх подняла голову еще в Ижевске и за остаток пути успела залить мне внутренности ядом настоящей паники. Даже виски, верный способ растворить эту дрянь, не помогал.

Я стояла на развилке двух дорог, курила и думала о том, что, наверное, немного сошла с ума, что сейчас замерзну прям тут и никто никогда не узнает, где, собственно, это самое тут есть. И о том, что сейчас из леса, обступившего деревню и трассу со всех сторон, выйдут какие-нибудь чертовы волки или даже медведь, которого я разбудила грохотом своего сердца, и разорвут меня. Или еще вот маньяки есть... И еще я думала о том, что чем я вообще думала, когда ехала в эту глушь и даже не побеспокоилась о том, где буду ночевать... В общем, о многом я успела подумать, пока не скурила сигарету до запаха подожженной перчатки.

— Доброго утречка, — сказал кто-то сзади. Вероятно, волк, вряд ли медведи — даже медведицы — говорят такими высокими голосами. Тем более, маньяки, среди них все-таки мужчин побольше будет. Вторая, еще не подкуренная сигарета, упала из моих пальцев в снег, и я стала медленно-медленно оборачиваться. О том, что это может быть например Полли, подумать я даже и не рискнула, это было бы слишком хорошо и слишком уж страшно. Я не готова!

У меня за спиной стояла очень высокая и худая женщина с такими ярко-красными губами, словно только что слопала баночку гуаши. Одета она была не в пример теплее меня, а ее лицо выражало что-то очень странное, какую-то смесь приветливости, любопытства и легкого отвращения.

— Утро, говорю, доброе, — сказала она еще раз. — Надолго в наши края?

Радостная, что это оказался не медведь, я кивнула, потом помотала головой из стороны в сторону, еще раз кивнула и наконец промычала что-то неопределенное.

— Понятно, — женщина наконец улыбнулась. — Ждать Полли можно сколько угодно, поэтому вопрос несколько некорректен. Меня зовут Марина.

Я назвала свое имя, и через десять минут мы с моей новой знакомой уже входили в маленький домик, спрятавшийся среди двух десятков таких же. Вся деревня.

— Поживешь здесь, — сказала Марина. — Не лучший вариант, но лучших здесь днем с огнем не найдешь. Зато тепло. И газ есть.

— Скажите… — Мне было неловко, но я должна была спросить. — Полли… Вы тоже ждете Полли, что приходит холодным утром и это… пахнет мятой?..

Марина прищурилась, ухмыльнулась красными губами.

— Многие ждут. Не все дожидаются.

— Сейчас достаточно холодно, — я произнесла это, хотя хотела сказать совершенно другое.

— Холодным — это не обязательно зимним, — ласково ответила Марина. — Даже совсем-совсем не обязательно. Наши зимние утра морозные, ледяные, чудовищные, так что называть их *холодными* будет не совсем верно.

Мы с Мариной проговорили еще какое-то время, в основном обсуждая бытовые вопросы. Деревня спокойная, мирная, газ есть, работы нет, но можно ездить в поселок, до которого четыре раза в день ходит автобус. Когда Марина уходила, единственным моим желанием было допить виски, упасть и умереть. Что я и сделала, как только за ней закрылась дверь. Допила, упала и умерла почти на сутки.

Несколько дней я думала над словами Марины, и все отчетливее понимала, что влипла. Потому что если сейчас, в феврале, утра ледяные и морозные, то весной — по сравнению — они будут становиться все теплее и теплее, и разве что только к осени… Логика была, прямо скажем, нелепая, но она была, а не то, чтобы бессмысленный треп, рассчитанный на романтичных девиц. Безымянная змейка хорошо чует такие вещи.

Мне ничего не мешало в любой день уехать оттуда. Никто меня здесь не держал, сочувствия моим страданиям не высказывал, вообще здесь мало интересовались чужим состоянием дел, если это не

касалось строго физической помощи. Я отвечала своим новым соседям взаимностью, и до самого конца не удосужилась даже узнать всех имен и причин, по которым они сидят в этой глуши. Здесь это было чем-то вроде хорошего тона: не задавать лишних вопросов и принимать любую правду в тех дозах, в которых ее выдают.

Я обустроилась в маленьком доме, по субботам, как все, стала ездить в поселок за продуктами и готовила из них какую-то нехитрую еду (иногда мы с Мариной объединяли усилия, и вместо двух разных куриных супов у нас получался один и он всегда был вкуснее тех, что мы варили по отдельности, хотя готовили мы примерно одинаково, лениво стараясь минимизировать количество телодвижений).

Весной я заскучала и устроилась на работу. Пошла мыть полы в поселковой школе. Денег это не приносило почти никаких, но хоть какое-то дело, тем более, что мои, безусловно нужные в большом городе навыки системного администратора, в этих местах никому не сдались. А без дела здесь нельзя, говорила мне Марина еще в самом начале, и была права. Быть уборщицей оказалось вполне недурно, маши себе тряпками, ни о чем не беспокойся и жди. Поселковые дети звали меня по имени-отчеству.

Там же, в поселке, обнаружилась совершенно маргинального вида забегаловка, в которой наливали отвратительно пойло и сидели не самого приятного вида типы, зато имелся большой бильярдный стол. В силу совершенно других интересов, у завсегдатаев популярностью он не пользовался, поэтому мы с Мариной стали наведываться туда, сначала изредка, а потом сделали это своей пятничной традицией. Местные нас не беспокоили, считалось, что деревенских лучше не трогать.

С Мариной мы не подружились, но это не мешало нам проводить время за бильярдом, перемывать косточки бывшим и пить красное сухое. Марина научила меня разбавлять его водой, и это оказалось довольно вкусно.

Время от времени змейки поднимали головы, но утомленные моим размеренным существованием практически сразу же складывали их обратно. Самой главной новостью этих мест была перемена погоды: холодно, еще холоднее, очень холодно, пиздец и великий праздник — температура поднялась на пару градусов.

Со временем я вспоминала про Полли все чаще, и все чаще думала о том, какую глупость сделала, уехав из своего города и так

бездарно все бросив. Особенно жалко было мужчин. Ну да, любили не так, но ведь любили же! По утрам становилось все теплее и теплее.

— Марина, это ужасно, просто ужасно, — говорила я, промахиваясь мимо очередного шара. — Как тут вообще можно жить? Годами? Рождаться, воспроизводить себе подобных и умирать. Ну мы-то ладно, Марина, мы Полли ждем. Допустим, она даже когда-нибудь придет. Остальным-то зачем, Марина, зачем?

Мой пафос оправдывает то, что бутылка вина была открыта уже вторая, а вода кончилась еще на первой.

— Годами?! — Марина так поразилась моему вопросу, что чуть не взрезала кием сукно. Мы вздрогнули и мысленно пересчитали наличность. Порвись зеленая ткань, мыть нам тут посуду до конца дней наших.

Тут-то мне и открылась удивительная правда этих мест. Годами… ха! За последние пятьдесят лет в деревне не родился и не умер ни один человек. Странность эта проходила мимо всех статистических учреждений, не замечалась журналистами и властями, и уж тем более не разносилась ни самими живущими в деревне, ни теми, кто уже уехал. Дураков нет. Ну, разве что я, так и не заметившая этого за несколько месяцев.

Все, все, кто жил в деревне, ждали Полли. Некоторые, тут Марина лукавила, вполне себе годами. Скажем, сама Марина пошла на четвертый, и все еще не отчаялась. А настоящим старожилом был некто Марат, его дом стоял справа от моего и ничем от него не отличался, разве что выкрашен был в другой цвет. Марат торчал в деревне уже седьмой год, а Полли все не шла к нему и не шла. Ко всем, объясняла Марина, приходит рано или поздно, но не к нему. Марат, правда, не унывал, ездил подрабатывать в поселок и регулярно устраивал всей деревне небольшие пирушки; такие золотые руки были в цене и на отсутствие денег он не жаловался. Говорят, в поселке у него даже родился ребенок, но так то в поселке.

Здесь же население действительно прирастало исключительно теми, кто повелся на странную историю о Полли, что приходит холодным утром, пахнет мятой и отвечает всего на один вопрос. Я чувствовала себя идиоткой: прожить здесь столько времени и ничего не заметить.

К сентябрю я окончательно одурела мыть полы и гонять шары, в голове нарастало глухое раздражение. В деревне прибавилось народу, Марина говорила, что осенью это обычное дело и к новому году

большая часть сбежит, так и не дождавшись. Полли же за это время видели всего двое: старый полуслепой удмурт, почти не говорящий по-русски, и хипстерского вида чувак откуда-то из Подмосковья. Этот, по-моему, от встречи слегка тронулся головой. Уезжал он во всяком случае в таком просветленном виде, что нас с Мариной слегка подташнивало. Раздал оставшимся свое барахло и укатил на попутной машине, глазами подсвечивая трассу не хуже фар. Мне от него достался старый полосатый плед, Марине — библия на английском в тонком кожаном переплете, Марату — деревянные четки… Ни удмурта, ни хипстера никто особо не провожал, как оказалось, не принято, но после обоих отъездов вся деревня уходила в тихий недельный запой.

Ко мне Полли пришла в утро, когда я как раз твердо и окончательно решила, что с меня хватит, я так больше не могу и надо убираться отсюда. Гори эта деревня синим пламенем и вся прикамская мистика вместе с ней. Не могу больше, не могу, не могу, не буду. Мне надо домой.

Это было действительно холодное утро, третье после моего дня рождения, первые октябрьские заморозки. Ночь мне не спалось, я выкурила столько сигарет, что у меня болели легкие, и чудовищно замерзла. Обмотавшись пледами и платками, я напоминала француза из детских исторических книжек. Горестного такого француза, которому наплевать на этих русских, эту Москву и хочется к маме.

На Полли же было летнее платье, в каких-то детских цветочках, они были ей к лицу, но совершенно не гармонировали с ее мистическим образом. Она села к столу, поджала босые ноги, хотя не было похоже, чтобы она замерзла. Ей явно не было холодно этим холодным утром, и мне стало неловко за свои платки и носки. В конце концов, не крещенские морозы стоят, всего-то около ноля; а в доме-то всяко теплее.

Полли сидела и молчала, а я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и смотрела на нее. На ее волосы, на ее нос и уши, на пальцы с обгрызенными ногтями, на веснушки, на цветы на платье… В комнате остро пахло мятой, и это было приятно и мучительно одновременно. Насмотревшись, я сказала:

— Доброе утро. Один вопрос, да?

Полли кивнула. Я уже не ждала ее, я хотела уехать и все вопросы, которые я по-настоящему хотела ей задать, съела змейка по имени Тоска. Поэтому я помялась еще немного, набрала воздуха и спросила:

— Почему такое имя? Полли — это же не по-русски…

Правая бровь Полли взлетела под челку, рот приоткрылся. Мне показалось, что она удивилась или, что будет очень плохо, обиделась и самое время начинать оправдываться.

— Я в смысле… ну, это просто непривычно. Русские… ну, русскоязычные таких имен не дают же…

Я сбилась и заткнулась, будучи уверена, что испортила все и насовсем. Но, оказалось, нет. Полли вернула бровь на место и улыбнулась, и не было в этой улыбке ничего мистического, таинственного или зловещего. Обычная женщина, обычная улыбка. Может быть мы могли бы подружиться, или хотя бы просто ходить играть на бильярде и пить красное сухое, разбавляя его водой.

— А меня в честь бабки назвали, — и голос у нее тоже самый обыкновенный. Приятный, негромкий, плавный… — Ее Аполлинария звали. Но я сократила…

По-моему, я так в жизни не смеялась. От моего хриплого хохота взлетели птицы с деревьев, треснул ночной ледок на лужах, где-то над ГЭС жахнула молния и проснулась вся деревня — но тут же сделала вид, что спит крепким сном. А под ложечкой, там, где происходит вся внутренняя жизнь, издав сиплый звук, сдохла змейка по имени Страх. Товарки тут же сожрали ее, не дав ни единого шанса разложиться и отравить меня в последний раз.

Я уехала сразу же. Не дожидаясь петухов, не подумав о том, что надо бы разбудить Марину или еще кого-нибудь и хотя бы попрощаться. Закинула все, что нашла, в чемодан, попрыгала на нем для верности и рванула. Мне повезло, на трассе до поселка меня подхватил ранний дальнобойщик, а там уже было просто: автобус до Ижевска, такси в аэропорт, самолет до Москвы, аэроэкспресс, метро, поезд, маршрутка. Уцелевшие змейки внутри шипели, извивались, задевая хвостами сердце и прокусывая кожу изнутри. Я шипела в ответ и неслась через билетные кассы, турникеты, эскалаторы, туннели и переходы. Быстрее, быстрее, впереди еще столько всего, а я уже почти опоздала.

— Где ты была, господи, где ты была столько времени? — орала на меня заплаканная систер Елизавета, а ее муж смотрел тяжелым взглядом, и я явно ощущала его желание стукнуть меня посильнее. — Господи, ну почему ты даже не позвонила?!

Возможно, я бы извинилась за эти слезы, если бы не была уверена, что они в курсе. Потому что только им-то я, кажется, и

звонила несколько раз пока была в деревне. Не так часто как могла бы, но в конце концов это же систер, она всегда понимала меня. В конце концов, именно Володька прислал мне эти дурацкие ссылки, в конце концов, именно Люська рассказала нам всем сказку о Полли…

Я не стала ничего объяснять, что тут скажешь-то вообще? Прокричавшись и проплакавшись, систер велела мне оставаться у них и вообще не сметь выходить из дома минимум неделю, а Володька подкрепил гостеприимное предложение взмахом увесистого кулака из-за ее спины. Спорить я не стала бы даже в более мирных обстоятельствах.

Когда я уже лежала в постели, под одеяло ко мне забралась Люська. Весь предыдущий гранд-шкандаль она благоразумно отсиживалась у себя в комнате, но теперь, когда страсти поутихли, самое время было заглянуть к блудной тетке.

— Где ты была, Мара? — Люська засунула нос мне подмышку, и ее голос звучал глухо. — Ты ждала Полли, что приходит холодным утром?

Что ж, кому-то я должна ответить на этот вопрос честно. Пусть он и был риторическим: кто-кто, а Люська все знала наверняка и теперь всего лишь подтверждала свое знание сонным голосом, и в общем, даже не особенно ждала от меня дальнейших подробностей.

— Ждала, котенок.

— И дождалась.

— И дождалась.

Я обняла племяшку крепко-крепко, соскучилась. Змейка Нежность обвила нас колечком, и мы начали засыпать, убаюканные ее тихим шипением.

В комнате остро пахло мятой.

2014 г.

Ночь пограничника

Несмотря на то, что поселения разрастаются и меняют свои физические очертания, настоящие границы всегда остаются на своих местах. Как и пограничники.

После переезда Аня заметно воспряла духом. Гоняла мокрой тряпкой пыль из углов, распаковывала бесконечные коробки и коробочки, играла в пятнашки, расставляя их содержимое по полкам. Снова начала улыбаться.

— Представляешь, — говорила за ужином, — каких-то шестьдесят лет назад это был край города. Подумать только: наш дом был последним! А сейчас, считай, что в центре живем. Правда, здорово?

Артем улыбался ей в ответ. Конечно, здорово, когда жена приходит в себя. И возвращается к нему.

Он тогда и не заметил, как это произошло. Как-то вскользь, потихоньку. Вот она еще встречает его на пороге объятьями, но уже очень быстро от них отстраняется. Не сразу поймешь, правда? Обнимает же. Вот они еще спят в одной постели, но все чаще он засыпает обнимая подушку, а не ее. А проснувшись, долго бродит по дому в одиночестве, пока она не встанет — часа в три пополудни. И еще час будет сидеть на балконе с чашкой кофе, сигаретами и отсутствующим взглядом. Вот еще разговаривают, но она больше молчит. Вот еще гуляют перед сном, но словно по разным улицам. Вот еще, и еще, и еще...

— Граница проходила по забору — видел забор? Скажи, занятный? Так странно представлять, сейчас там магазин, а за ним дорога и дома, и еще много-много домов, и магазинов, и всего подряд. А что было? Пустыри? Лес?

Ругал себя. Он и переезд-то ускорил, чтобы хоть как-то ее расшевелить. Никто их не гнал с той квартиры, и сама квартира была неплохая, хотя и чуть дальше от центра, и можно было бы подождать, подкопить, поискать варианты. Но нет, не мог уже жить в этом уютном безмолвии. Говоришь — не слышит. Прикасаешься — отстраняется. Спрашиваешь — не отвечает. Злишься — уходит. Вроде рядом, а нет ее. И что происходит — непонятно.

И вот, оттаяла. Начала улыбаться. Обнимать сама. Заговорила. Временами еще как: вон трещит про дом, у него уже в ушах позвякивает. Как раньше. Так здорово.

Месяц после переезда Артем еле дышал, словно дикого зверька боялся спугнуть новое (старое, такое родное) Анино настроение. Теперь почти не боится, вернулась хорошая. Почти совсем вернулась.

А всего-то и надо было — переехать. Кто бы мог подумать вообще? Может, тот дом что-то вроде радиоактивного был? Ходили такие слухи по городу про некоторые старые постройки.

— А ты заметил, что они тут по вечерам во дворе тусуются? Как в детстве: бабушки на лавочках, мужики в домино играют, вот это все. Заметил? Дети гуляют! Ты давно видел, чтобы во дворах дети гуляли?

Квартиру нашли быстро, и десятка вариантов не перебрали. То есть как… перебирал он, ей было все равно. Ходила, конечно, с ним на просмотры, но смотрела больше не на потолки и стены, а в свой планшет дурацкий. Проходила по квартире, кивала равнодушно и усаживалась на первый попавшийся стул, оставляя Артему открывать краны, проверять слышимость и задавать все необходимые вопросы. Ничего-то ей не надо, все-то ей нормально.

А к этому дому пришли и заинтересовалась вдруг. Попросила риелтора подождать, обошла весь двор, потрогала деревья, покачалась на качелях, долго стояла и нюхала многочисленные цветы в палисадниках.

— Смотри, — сказала, — какой забор занятный. Мне тут нравится.

Большую часть года врата закрыты, и пройти через них можно лишь по великой нужде. Лишь недолгое время, в течение нескольких ночей, что лежат меж двух праздников, граница становится открытой для всех, имеющих желание к переходу.

К зиме все вообще устаканилось. Аня не только к Артему вернулась, но и к миру: познакомилась с соседями, с удовольствием принимала участие в домовых делах. Даже вошла в совет жильцов и исправно ходила на собрания, решала там какие-то вопросы о ремонтах, оплатах, посадках, субботниках и прочей общежитейской суете.

Однажды купила несколько банок краски и несколько дней разрисовывала подъезд наивными орнаментами. Соседи, проходя мимо испачканной Ани, восхищенно цокали языками. Через неделю второй и третий подъезды пришли к ней с просьбой сделать то же самое и у них. Жильцы даже гостям хвастались: вот какая у нас Анечка теперь живет, смотрите, какая мастерица. Артем случайно подслушал и долго гордился Аней (и немного собой — как же удачно он придумал этот переезд, как хорошо, что согласился на эту квартиру).

Вся эта домовая активность отъедала время у работы и быта, но Артем воспринимал это спокойно. У него один за другим выстреливали проекты, денег хватало и на выплаты за квартиру, и на доставку еду, если Аня была занята, и на всякие причуды, вроде

краски для подъезда. Анин крохотный фриланс и раньше погоды особо не делал. Зато всем хорошо.

На новый год никуда не поехали. Аня настояла, хотя и друзья звали на турбазу, и у родителей давно не были, и даже на маленькую поездку куда-нибудь в тепло хватило бы. Артем не стал спорить, набегался за год и вполне был готов к тишине и уюту. Купили большую елку, Аня полдня украшала дом, а потом еще полдня развешивала оставшийся дождик по подъезду и деревьям во дворе. Не одна, соседи тоже натащили всякой новогодней мелочи, кто что мог.

Украшенный двор выглядел хаотично, сумбурно и очень мило. Сразу видно: хорошие люди в доме живут, дружные, веселые, а что со вкусом не очень, так нам нравится, а до остальных и дела нет.

— Я тебе говорила, что тут и старый новый год отмечают? — Аня только что пришла со двора, где носилась с соседскими детьми — веселая, раскрасневшаяся, со сбитым дыханием. Артем валялся на диване, подъедая остатки салатов. Настроение было ленивое, расслабленное. До конца каникул еще много дней, можно себе позволить немного растительной жизни.

— По-настоящему отмечают, как новый новый год, — Аня упала рядом с Артемом и сразу же полезла к нему в салат — прямо пальцами. Выудила кусочек мяса и тут же уронила его себе на кофту. Засмеялась.

— Выходят к полуночи, считают время, фейерверки запускают, шампанское, дед мороз, гуляют до утра...

— Безработные все, что ли? — Артем укоризненно снял мясо с Аниной одежды. — Каникулы-то закончатся к тому времени.

— Ой, столько дней гуляем и ничего той работе не делается. Еще один день она точно в лес не убежит.

— Действительно!

— Мы же пойдем? Пойдем?

— Конечно, пойдем. Только не до утра все-таки, ладно?

Переход совершается в темное время, поэтому у врат всегда должен гореть огонь. Стражи полагается менять каждые три часа, так как за такое время сила пограничника иссякает и ему требуется отдых.

В ночь на четырнадцатое во дворе было светло и ярко, кажется, даже ярче, чем в «настоящий» новый год. И весь дом собрался. Вокруг

смеялись и носились подростки, мелюзга пыталась кидаться снежками — это из сухого морозного-то снега, многочисленные собаки лаяли и путались под ногами, и сразу из нескольких мест доносилась музыка — что-то очень знакомое, старое, новогоднее. Аня тоже смеялась, напевать принялась, пританцовывать, а потом унеслась куда-то, растворилась в толпе, и не видать где она.

Артем закурил, разглядывая двор и его обитателей. Все то время, что они здесь живут, он не очень-то ими интересовался. Нет, знал уже почти всех в лицо, а некоторых даже и по имени, внимательно выслушивал сплетни, которые Аня приносила в избытке, спокойно подписывал всевозможные бумажки и давал деньги на обустройство и украшательства. Но не приглядывался особо, не вникал. Своих дел полно, а Аня отлично подходила в качестве полномочного представителя их семьи.

Кто-то толкнул его в бок: сосед снизу, веселый старикан с болонкой под мышкой.

— Чего стоишь, иди открывай шампанское. Полночь скоро.

Артем послушно отправился к столам, на которых летом деды играют в домино, а сейчас накрыт фуршет — из того, что осталось после первого нового года. Осталось, надо сказать, немало: и бутерброды, и салаты, и конфеты, и бутылок на всех хватит. Впрочем, традиция же, наверняка специально припасали.

Артем открывал одну бутылку шампанского за другой, их тут же выхватывали у него из рук и уносили разливать по пластиковым стаканчикам. Напротив Артема две тетушки раскидывали салаты по тарелкам, разговаривали. Прислушался.

— Гостей-то как много в этом году, а? — говорила одна, ловко орудуя большой ложкой.

— Да уж не сильно больше, чем в прошлом, — отвечала вторая, принимая полную тарелку. — А вот туда ринулись-то все, ринулись. Словно медом им там намазано.

— А что ж не намазано, что ли? — захохотала первая.

— Так кому медом, а кому и... сама знаешь, — обе хмыкнули и вдруг уставились на Артема, который как раз сражался с очередной бутылкой, но глядел не на нее, а на тетушек, завороженный разговором.

— А вы чего сидите? — спросила первая. — Времени-то совсем не осталось.

— Не понял, простите, — Артем немного растерялся. Он все крутил пробку, пробка была совершенно невыносима. Надо запомнить: такое шампанское не брать никогда, фиг откроешь.

— На ту сторону не собираетесь почему, спрашиваю. Минут через двадцать закрывать уже будем.

Тетка махнула головой в сторону забора. Того, который так понравился Ане еще в самом начале. Четырехгранные столбики, покрашенные белым и черными полосами, металлические секции, обвитые мишурой, фонарики поверху... Н-не понял. Артем только сейчас заметил, что одна из секций — ворота. Двухчастные и распахнутые.

Служба пограничника не сложна, но требует особого внимания и умения распознать — свой ли стучится в врата или чужак, которому нечего делать на этой стороне. Ибо даже в открытые двери пройти достоин не всякий.

У ворот стояли с одной стороны юная девица с дрожащим той-терьером на руках, а с другой — тетка из третьего, кажется, подъезда. У ее ног сидел большой пес немецкая овчарка, ошейник из двухцветной мишуры делал его несколько безответственным, но, кажется, это только иллюзия. Он так свирепо смотрел на тех, кто уходит за ворота, что было ясно — лишнего не пропустит.

А уходящих много: человек двадцать выстроились в аккуратную, затылок в затылок, очередь. Все в мишуре и серпантине, в красных шапочках, с бенгальскими огнями в руках. Перетаптываются как пингвины, по одному отдают что-то тетке и проходят туда, где вообще-то глухая стена магазина всегда была. А сейчас что? Антон пригляделся.

С той стороны был туман (в минус пятнадцать?). И из этого тумана, также размеренно-пингвиньи выходили... тени. Серые, полупрозрачные, немного похожие на людей расплывающимися силуэтами. Отдавали что-то девице и проходили во двор, тут же растворяясь в толпе веселящихся соседей.

Артем вздрогнул, и пробка, которая только что не желала даже крутиться, выпрыгнула из бутылки, вызвав совершенно неприличный фонтан шампанского.

— А! Вот ты где! — Аня напрыгнула на него сзади, чуть с ног не сшибла. Он схватил ее за руки, кивнул в сторону забора — видела?

— Ну наконец-то, — она засмеялась. — Пойдем?

— Куда? Туда? А что там? Что это вообще?

— Граница же, — она обняла его, запрокинула голову, пытаясь заглянуть в глаза. Непросто, когда между вами тридцать сантиметров разницы. — Та сторона.

— Не понял.

— И не надо! Там разберемся.

Каждый пограничник сам должен хотя бы однажды пройти сквозь врата. Никто не знает, вернется ли он, когда и каким. Но если вернется, быть ему среди лучших и жить не зная беды и печали.

Оставшееся до полуночи время они спорили. Даже немного кричали друг на друга. Аня рассказывала какие-то странные сказки, он просил ее не морочить ему голову. Злился.

На себя в первую очередь. Что, сложно, что ли, поддаться любимой жене, которой приспичило поиграть, пройти с ней через эти ворота да вернуться во двор праздновать старый новый год со всеми. Но почему-то было сложно. Тени, кажется, здорово его напугали. Он даже старался не смотреть в ту сторону. А еще взрослый человек, да?

Кто-то закричал: минута осталась! Двор заметался, закружился с бокалами шампанского, бенгальскими огнями, зажигалками, тарелками.

— Извини, — Аня сделала шаг назад. — Все, извини, пожалуйста. Я пошла. Минута осталась.

— Аня, прекрати, — ему стало нехорошо. Она вдруг, в одну секунду показалась ему такой как была до переезда — отстраненной, безучастной, сухой, как снег под ногами.

— Извини, — она отходила от него спиной, маленькими шагами. — Родителям наври что-нибудь, ладно?

— Аня!

Она слабо улыбнулась, взмахнула рукой и бросилась к забору. Там уже никого не было, кроме соседок и собак, никакой очереди, никаких теней. Аня подлетела к ним, заговорила — облачка пара вырывались из ее рта один за одним. Соседки смеялись, кивали головами.

— Десять!

Обратный отсчет.

— Девять!

Немецкая овчарка потянулась носом к Аниной куртке.

— Восемь!

Ему хотелось броситься за ней, но не смог пошевелиться.

— Семь!

Аня что-то отдала тетке. Ему отсюда не видно — что.

— Шесть!

Кто-то сунул Артему в руку пластиковый стаканчик с шампанским.

— Пять!

Аня обернулась, разыскала его глазами. Снова улыбнулась — на этот раз широко, радостно, замахала руками, показала большой палец.

— Четыре!

Сзади кто-то толкнул его так, что он чуть не упал.

— Три!

Шампанское пролилось на ботинки.

— Два!

Выровнял равновесие.

— Один!

Попытался снова увидеть ее. Но Ани уже не было. Тетка с девицей с явным трудом закрывали ворота, к ним на помощь подскочили парни. Артем зажмурился.

— Урррра!

После полуночи весь двор вопил, чокался, скакал с такой силой, что земля под ногами начала ходить ходуном.

— Ну вот и отработали, — произнес чей-то голос у Артема за спиной. Открыл глаза, обернулся. Снова старик с болонкой. Протянул руку со стаканчиком — с праздником, мол.

— А ты чего такой унылый? — спросил старик. — Радоваться надо!

— Чему? — Артем и отвечать-то не хотел, само как-то.

— Как чему? — старик спустил с рук болонку и она тут же обняла Артема за ногу. — Девчонка твоя ушла, молодец. Уж думали, не рискнет.

Артем дернул ногой, пытаясь отогнать собаку.

— Да ты не боись, вернется она.

— Когда?

— Ну, уж когда-нибудь да вернется, — старик прищурился. — А там и ты пойдешь.

— Еще чего!

— Пойдешь. Все ходят и ты пойдешь, — у старика получилось «пойдеоооуушь», болонка, не отпуская Артемовой ноги, подвыла снизу — оооуууушь!

Артем снова задергал ногой и противное животное наконец-то обиженно отлепилось от него.

— А пока, чтоб не скучно было, собаку заведи. С собакой хорошо, с собакой лучше.

Старик подхватил болонку одной рукой, поклонился и ушел. На Артема тут же налетела стайка подростков. Вопили вразнобой, размахивая бенгальскими огнями. Пихнули ему один, чуть рукав не прожгли.

— Ура! Поздравляем! С праздником!

Он стоял в центре их хоровода, дурак дураком, со смятым стаканчиком в одной руке, с догорающим огоньком в другой, и очень старался ни о чем не думать. Потом, потом, хорошо?

В небе бухали фейерверки.

Окончание перехода необходимо праздновать — со всею страстью и великой радостью. Желавшие прийти — пришли, желавшие покинуть наш мир — покинули его, стража выполнила свой долг. В Ночь Пограничника следует зажигать огни, пить хмельные напитки, петь громкие песни и не печалиться ни о чем.

2015 г.

На лестнице

Я не люблю собак. Боюсь их до дрожи. Любых — тощих, толстых, больших, маленьких, породистых и дворняг. Терпеть не могу. Мама рассказывала, что когда мне было три года, меня укусила одна. Наверняка, это было тонконогое и вечно дрожащее существо,

охреневшее от собственной важности перед ребенком. С тех пор и не люблю. Как можно любить того, кто в любой момент может выгрызть из тебя кусок плоти?

Я не обижаю собак, нет. Не требую их истребить или изгнать из города. Не вижу смысла мстить. Просто обхожу стороной, кругом, самой дальней дорогой. Соседи знают о моей маленькой слабости и честно придерживают своих альф и туманов, как только я замаячу на горизонте. Я складываю ладони лодочкой и слегка кланяюсь: я заметил, спасибо, уже почти пробежал, подержите его еще немного. Среди друзей собачников у меня просто нет и в гости я хожу совершенно безбоязненно.

Со случайными бродягами дело обстоит значительно хуже. У них нет поводков, намордников и хозяев, готовых оказать любезность моей нелюбви. Поэтому у меня нет машины: гаражи и стоянки — первое прибежище хвостатых злобных тварей. Хуже того, их там никогда не одна. Еще хуже — что я никогда не могу знать, что у них в головах.

Иногда я хожу к врачам. После встречи с каким-нибудь неожиданным чудовищем без ошейника начинает сбоить сердце. К счастью, это случается пока нечасто, а участливая беседа с кардиологом и свежий рецепт, сводят на нет мои панические настроения. Я очень уважаю современную фармакологию.

Пес сидел прямо у моей двери. Гигантский, страшный, он перекрыл порог, скрыв под собой коврик. Я замер, не зная, что делать. Мне повезло, на мое появление на площадке пес отреагировал довольно холодно. Повернул ко мне морду, огромную, словно сложенную из мелких речных камней, но не встал, не зарычал, даже не дернулся. Просто повернулся и смотрел. И я — смотрел.

А потом стал осторожно отходить. Шаг за шагом, спиной, едва дыша, стараясь даже не моргать. Завернув за угол, привалился к стене и прислушался. Пес за мной не шел. Высунул нос — лежит как лежал. Только глаза прикрыл. Я зажмурился, перевел дыхание и понял, что совершил ошибку. В месте моего отступления были тупик, заваренный мусоропровод и никакой возможности пробраться ни к лестнице вниз, ни к лифту.

Примерно через час мне надоело сидеть на холодных ступеньках, но выхода я так и не нашел. Я вообще не понимал, какой тут может быть выход — вызвать полицию? МЧС? Транспортную полицию? Вот

этих сильных бравых парней, которые умеют обращаться с большими животными, а на худой конец просто пристрелят его да и дело с концом? Воображаю, как гомерически смешно это будет. Ребята, я боюсь собак, спасите меня. Мне стало стыдно.

Перед тем, как я окончательно сошел с ума и заговорил, меня еще посетила мысль позвать одну из соседок. Она всегда была особенно добра ко мне и ее два серых дога сейчас мне тоже казались вполне милыми. Во всяком случае, они никогда не паслись возле моей двери, преграждая мне путь домой. Но я, разумеется, не знал ее номер телефона.

— Эй, пес, — сказал я из-за угла. — Уходи.

Голос у меня дрожал как стекло в трамвае и я, возможно, был готов даже зареветь — как тот трехлетний мальчишка, которого когда-то покусала тонконогая дворняжка. Можно подумать, он меня послушает.

— Слышишь, пес? Уходи, пожалуйста.

Говорю же, сошел с ума. Разговаривать с собакой — мне такое и в страшном сне привидеться не могло. Я еще раз рефлекторно обругал себя. Взрослый мужик, солидный специалист, скоро на пенсию пора, а дрожит как котенок. Ну что он со мной сделает? Укусит? Куртка у меня толстая, порвет, но до тела не доберется. А лицо? Можно надвинуть капюшон. На руки — перчатки. И закрыться сумкой.

От одной мысли о том, что пес сделает хотя бы движение в мою сторону, у меня отнимались ноги и заходилось сердце. Я не могу, не могу, не хочу этого делать. Не могу, не буду. Завтра утром (уже сегодня) соседи найдут мой труп, либо окоченевший от холода, либо разорванный огромным псом. Мое воображение разрастило его до размеров льва, не меньше.

— Пес, ты хороший пес, уходи, я прошу тебя. Мне надо домой, а ты мешаешь.

Какого ответа я ждал? И, кстати, а как я пойму, что он ушел? Может быть, они ходят бесшумно — откуда мне знать? Еще минут сорок я набирался мужества, чтобы выглянуть. Бубнил одни и те же фразы по кругу, словно заклинатель. Уходи, пес, уходи. Тренировал убедительность. Ты хороший, уходи, пожалуйста.

Выглянул все-таки. Пес был на месте. Положил свою каменную морду на передние лапы и, на первый взгляд, дремал. Но наверняка бдел и вряд ли я бы смог проскочить. К этому моменту я уже дозрел и

до такой, совсем уже безумной, мысли. Но мысль — не действие, разве я бы осмелился? На часах было три ночи.

— Пес, славный пес, откуда ты взялся? — я разговаривал не с ним, с собой. Чтобы унять дрожь — от холода и страха. Чтобы как-то дожить до утра, не разрыдаться, не начать биться головой об стену, не дать сердцу разорваться, не сойти с ума *по-настоящему*.

— Как тебя зовут, пес? Ты Цербер, охраняющий вход? Так ты перепутал, там, за дверью не мир живых. Всего лишь моя квартира. Не самая лучшая, кстати.

— Или ты брат его — Орф? Но здесь нет красных быков, а я не Геракл.

— Ты друг его — Гарм? Да, здесь нынче очень холодно, это больше похоже на правду...

— Кто ты, пес? Ты Баргест, пугающий детей до немоты? Очень похоже, но я давно не ребенок, ты опоздал.

— Ты Симаргл? Но где твои крылья? Где твои крылья, пес?

Я перебирал всех мифических псов, которых мог вспомнить. Меня не смущало, что вряд ли Цербер или Баргест забредут в маленький российский город и осядут на лестничной площадке самого заштатного дома, чтобы довести меня до нервного срыва. То, что это могла бы быть самая обычная сука, мне и в голову не пришло. Я вообще не думал. На часах было четыре. Мне нужно продержаться до утра. Что будет потом — я не знал, но утром всегда все становится проще, правда?

Я не заметил, как задремал. Меня подвел пес — он был невиден, и так молчалив и недвижен, что иногда мне казалось, я разговариваю сам с собой. Меня подвел я сам — монотонные мои слова усыпили меня самого. Меня подвели холод и усталость, тело начало экономить энергию.

Во сне вокруг меня кружила целая свора — Цербер, Орф, Гарм, Баргест, Симаргл и еще добрых два десятка неведомых мне псов — многоголовых, крылатых, шипастых, полыхающих огнем, капающих слюной, переменчивых. Мне почему-то совершенно не было страшно, хотя и счастья я особого не испытывал. Был спокоен — собаки всегда радуются, когда приходит хозяин, но я сегодня очень устал, чтобы ответить им тем же. Сейчас напрыгаются и успокоятся, а там поужинаем, да и гулять пойдем. Да тихо, тихо, собаки вы этакие! Дайте хоть ботинки снять.

Кто-то шумно вздохнул рядом со мной и я проснулся. Я лежал поперек дивана, за ночь подушка уехала у меня из-под головы и теперь валялась на полу, рядом с носками и резиновой костью. И какой же пес упустит возможность примоститься на хозяйской собственности, такой запретной и желанной? Мой — не исключение. Целиком он, конечно, никогда бы там не поместился, но его морда, большая, пестрая, словно составленная из мелких речных камушков, лежала ровно посередине подушки. Засранец блаженно щурился и время от времени вздыхал, словно не мог поверить, что и ему может быть ведомо такое наслаждение.

2015 г.

Без зонта

— П-п-почему он без з-з-зонта? П-п-почему он б-без з-з-зонта? П-п-почему он без з-з-зонта?

Им пришлось выйти на следующей же остановке, задолго до конечного пункта. Хлипкое сооружение от ливня не спасало, совсем уже мокрый Адик сидел на лавочке, вцепившись в змею, сшитую из старых носков, раскачивался и бесконечно повторял один и тот же вопрос:

— П-п-почему он без з-з-зонта? П-п-почему он б-без з-з-зонта? П-п-почему он без з-з-зонта?

Женя стояла рядом и чуть не плакала: Адика опять закоротило, и она опять не понимала, как это остановить. Последние полтора года она только тем и занималась, что обходила по очереди всех городских врачей, но ни один не смог окончательно утвердиться в диагнозе и уж тем более прописать действующее лечение. Адика кормили успокоительными и ноотропами, отправляли на массажи и физиотерапию, вводили в гипноз и обвешивали электродами, пытаясь узнать, что же творится в его детском мозге. Карточка росла, но привести Адика в порядок не брался никто. Давайте подождем, мамочка, может, перерастет, тем более, что с остальным-то у него почти все в порядке, а пока попейте еще вот этот препарат, хуже точно не будет. И себе витаминчиков купите, а то что-то вид у вас уставший сильно.

— П-п-почему он без з-з-зонта? П-п-почему он б-без з-з-зонта?

Господи, а ведь утром еще все было почти хорошо! Встал сам, от завтрака не отказывался, даже на улицу вышел почти сразу, всего-то десять минут пришлось уговаривать. И вот нате вам, почему без зонта? И ведь сама виновата: вычитала где-то, что с такими детьми нужно много разговаривать, объяснять им окружающий мир подробно и в деталях. Говорят, это же от страха все, вот и снимайте страх не только лекарствами, но и разговорами. Смотри, Адичка, вот это мокрое — это дождь. Знаешь, Адичка, людям не очень нравится, когда идет дождь, поэтому они придумали вот эти красивые разноцветные купола, видишь? Это называется зонт. Вот у тети зонт фиолетовый, вот у дяди — черный, вот еще тетя с зеленым пошла, а вот этот...

— Господи, помилуй, Адик, не надо! — ...ну что же ты, мудила, без зонта-то под ливень выперся?!!

— П-п-почему он без з-з-зонта? П-п-почему он без з-з-зонта?

Соседи по остановке уже нехорошо на них посматривали. Сейчас общаться начнут, советы давать, пугать Адика дядей милиционером, а Женю стыдить плохим исполнением родительского долга, чтоб им всем манной кашей подавиться.

Родительский долг в их семье исполнялся действительно из рук вон плохо. Родная мать Адика, младшая Женина сестра и по совместительству восходящая звезда больших и малых театров вот уже три года гастролировала по стране, носа в родной город не казала и сыном, а уж тем более остальной родней, интересовалась только по большим праздникам. В амплуа матери сестры хватило лишь на то, чтобы назвать сына пафосным именем Адриан, тут же сократить его до Адика, тем самым словно определив жизнь семьи на годы вперед, и сбежать, едва мальчик научился есть из бутылочки.

Женя не сердилась на сестру, Адик был ей роднее родного, а денег на содержание Адика его мать переводила регулярно и они, даже со всеми больницами и больничными, не бедствовали.

— П-п-почему он без з-з-зонта?

В отчаянии Женя села перед Адиком на корточки, взяла его лицо в ладони и попыталась поймать глазами отсутствующий взгляд. Когда это более или менее удалось ей, начала говорить — тихо, твердо, немного монотонно, словно мантру начитывала.

— Видишь ли, Адик, когда-то у этого человека был зонт. Большой красивый красный зонт, как у тети Лены, помнишь? Человек вышел из дома, раскрыл зонт и отправился по своим делам. Ему обязательно надо было купить хлеба и зайти к портному, чтобы подшить новые брюки. Но пока он шел, поднялся ветер, такой сильный-сильный ветер, как в прошлом году, помнишь, когда с соседского балкона унесло две футболки, и они долго еще болтались в тополиных ветвях и никто не мог их достать. Сначала человек боролся с ветром, ведь ему никак нельзя было сегодня остаться без хлеба и новых брюк. Но ветер становился все сильнее и сильнее, и наконец надул зонт как парус, и человек не смог устоять на ногах и полетел. Он поднимался все выше и выше, выше тополей, выше домов, выше облаков. Он летел и смотрел то вверх, туда, где солнце и птицы, то вниз — на город, где не было видно людей, а только одни зонтики — разноцветные, яркие, такие красивые. Человек летал очень долго, может быть, час или два, но в конце концов ветер немного стих и ему удалось приземлиться. И заметь, очень удачно — прямо рядом с булочной. А когда он опустился на землю, то увидел маленького мальчика, который с восхищением смотрел на большой красный зонт. Мальчику тоже очень хотелось полетать, подняться выше тополей, домов и облаков и посмотреть на землю с высоты. И хотя дождь еще не закончился, человек отдал

мальчику свой зонт. Потому что это совершенно несправедливо, что ты летал, а кто-то — еще нет.

Пока Женя рассказывала, пришел автобус, забрав соседей по остановке, из-за туч пробились солнечные лучи, а Адик перестал раскачиваться и замолчал. Его взгляд наконец-то обрел осмысленность. Она не ожидала, прошлые попытки снять «закорот» успехом не заканчивались никогда.

— М-мам Ж-жень… м-мне… п-полетать?

Женя выдохнула и покачнулась на носках, чуть не упала: от долгого сидения на корточках ноги затекли.

— Конечно, малыш. Мы обязательно найдем этого мальчика и попросим у него зонт, чтобы ты смог немного полетать. Только вот сходим к доктору и сразу же пойдем его искать, хорошо?

Через месяц Женя научилась снимать «закороты» довольно быстро, едва услышав знакомое напряжение в вопросах Адика. П-почему она без ботинок? П-почему он без портфеля? П-почему он без хвоста? — менялись детали, но не суть, в основном Адика волновали отклонения от порядка, довольно однотипные: если идет дождь — все должны быть с зонтами, если все ходят по улице в обуви — босой человек становится нарушителем общественного спокойствия. Отвечать надо было быстро, подробно и желательно глядя Адику в глаза. Тогда получалось. Сначала не каждый раз, а потом все чаще и чаще. Врачи, узнав о Женином методе, пожимали плечами и советовали продолжать. Как будто без них она не догадалась бы!

А еще через пару недель Женя, заняв денег, повезла Адика в Москву. Один из врачей, переживавший за мальчика, как за свою личную неудачу, посоветовал обратиться к некоему светилу, профессору всевозможных медицинских наук, и даже сам позвонил ему договориться о консультации. Женя не особо надеялась на успех, но все-таки считала себя обязанной попробовать все, что возможно.

Московское светило с вялым интересом выслушало торопливый Женин рассказ, бегло просмотрело карточку и… не сказало ей ничего нового: случай не самый тяжелый, но, тем не менее, малопонятный, так что ждите, может, перерастет. А может, и нет. Но вы продолжайте делать все, что делали, продолжайте.

— П-почему он без х-халата? — спросил Адик, когда они выходили из кабинета светила.

— Видишь ли, Адик… — довольно задумчиво сказала Женя. — Когда-то у него определенно был халат.

Сдаваться Женя не собиралась. Она продолжала ходить по врачам и старательно мучила их вопросами. Она прописалась в библиотеке медицинского института и прочитала все, что нашла о детской психике и ее заболеваниях. Она познакомилась с главврачом городской психиатрической больницы и он, уважая такую настойчивость, снабжал ее свежими медицинскими журналами — в основном иностранными, из тех, что редко доходили до библиотек. И она продолжала говорить с Адиком. Каждый день, обо всем, что они видели, и обо всем, что его беспокоило.

Спустя некоторое время Адик перестал пугаться каждого куста, затем стал раскачиваться только в экстренных случаях, адовы «закороты» и вовсе прекратились, остатки обеспокоенности Женя в итоге решила принять за конструктивную особенность характера и сильно ей не тяготиться. Только с заиканием они все еще боролись, но Женя была твердо уверена, что справится и с этим.

В тот день, когда ее Адика взяли в обычную школу, Женя станцевала настоящий танец победы — несколько минут упоенно вскидывала руки и ноги и с индейским кличем трясла медкарточкой. Чем чуть было не порушила плоды своих же трудов, сильно напугав племянника, который никогда такого буйства от нее не видел. Врачи, выдававшие справки для школы, вполне искренне радовались: перерос, мы же говорили! Женя только слабо ухмылялась.

К окончанию школы главным недостатком Адика была лишь ужасающая и несколько хаотичная занудность. В глубине души Женя была уверена, что это ее рук дело: слишком уж подробно она с ним разговаривала все эти годы. Впрочем, эта черта его характера устраивала учителей и активно поддерживалась одноклассниками — выйдет обстоятельный Адик к доске, пол-урока, считай, долой. От заикания же осталась лишь привычка делать глубокий, несколько судорожный вдох перед тем, как начать говорить. Адик и Женя победили окончательно.

Вопросы же и ответы, в какой-то момент утратившие свою терапевтичность, превратились в своего рода семейную игру, в которую здорово играть в очередях, автобусе или на прогулке без цели. Всегда ведь найдется какой-нибудь «он», у которого чего-то почему-то нет, и это нужно немедленно разъяснить. Однажды Женя

решила сама задать Адику этот вопрос и с удовольствием узнала, что у Адика фантазия работает еще и получше, чем у нее.

Иногда, кстати, ее вопросы носили вполне рациональный характер: например, если в утреннем омлете ощутимо не хватало соли или на школьном пиджаке внезапно заканчивались пуговицы. Презрев скучную реальность, Адик пояснял, что омлет стал безвкусным не потому, что его банально забыли посолить, а потому что аккурат вчера у него состоялась встреча с настоящей ведьмой. А ведь каждому известно, что если уж ты встретил настоящую ведьму, то ей просто необходимо насыпать соли на хвост и тогда она исполнит любое твое желание! Пуговицы же не просто оборвались и потерялись во время футбольного матча на кубок подъезда, а спасли целую мирную деревню от самых настоящих врагов.

— Понимаешь, мам Жень, у Красной армии закончились пули и они обратились ко мне за помощью. Ты же понимаешь, что без пуль врагов не победить. Но у меня же нет ни пистолета, ни патронов, поэтому мне пришлось отдать им пуговицы, они как раз подходящего калибра!

Женя смеялась, украдкой посыпая омлет сохранившейся от встречи с темными силами солью, и обещала прикупить тройной запас пуговиц на случай, если Красная армия еще раз забежит за подмогой в их маленькую квартиру на восьмом этаже.

Выросший Адик решил стать актером, как мать. Не то чтобы Женя сильно одобряла такой выбор, ей было просто все равно — самое важное в жизни они с Адиком уже совершили, все остальное на этом фоне казалось мелким и не заслуживающим особого внимания. Какая разница, кем работать, если ты в принципе способен на это? К тому же гены у Адриана были самые что ни на есть актерские, не поспоришь.

Поступать уехал в Москву, и поступил сразу, обаяв приемную комиссию еще на этапе чтения басни. Звонил часто, поначалу даже чаще, чем требовалось, восторженно делился подробностями новой столичной жизни. Детально и привычно занудно рассказывал, по каким улицам ходил, каких людей, собак и деревья видел, какую еду ел. Евгения Андреевна слушала его рассказы и иногда — хулиганства ради — уточняла про какого-нибудь однокурсника Адика, совершившего очередную уморительную глупость: и почему он без мозгов?

— Видишь ли, мам Жень, когда-то у него определенно были мозги! — вопил в трубку Адриан. — Но в прошлый вторник он

одолжил их одной своей подружке, которой срочно надо было сдать зачет и забыл, какой именно.

— Какая безответственность! — смеялась Евгения Андреевна.

Она не помнила, когда болела в последний раз. Кажется, еще в детстве, но уж точно ни разу с тех пор, как в ее жизни появился Адик. А тут внезапно подхватила что-то вроде гриппа. От такого неожиданного коварства со стороны организма даже не сразу поняла, что происходит, и целый день провела на ногах, старательно не обращая внимания на головокружение, ватную слабость и явно поднимающуюся температуру.

Только к вечеру, добредя домой под так некстати начавшимся дождем, поняла, что дело очень плохо. Настолько, что нет сил ни раздеться, ни сделать себе чаю, ни даже дотянуться до аптечки и поискать там какое-нибудь лекарство. Упала на диван и лежала, время от времени касаясь ладонью раскаленного лица. Как неудачно-то, боже.

От температуры и беспомощности вскоре начала чувствовать себя ужасно несчастной, и почему-то вдруг обиделась на Адика: он уже довольно давно не звонил, словно и не было в его жизни родной тетки. Евгения Андреевна знала, что обида эта несправедлива, что на самом деле Адриан звонил буквально на днях. Тем более, сейчас у него репетиции, скоро курсовой спектакль, он с утра до ночи пропадает в институте и предупреждал об этом, он никак не может позвонить прямо сейчас. В конце концов он же не знает, что она заболела! А даже если и узнает — что он сможет сделать? От Москвы несколько часов езды, пока доберется, температура сама собой спадет. Но эти рациональные мысли с трудом пробивались через жар, и никак не могли успокоить Евгению Андреевну.

Дверной звонок раздался ровно в тот момент, когда она как раз решила, что если уж не способна дойти до аптечки, то надо хотя бы попробовать заснуть. Не удалось: звонили настойчиво, нетерпеливо, и звук отдавался резкой болью в голове. Евгения Андреевна тихо выругалась. Ну кто там еще? Очередная соседка с бессмысленными разговорами? Продавцы картошки? Может, просто полежать и сами отвалятся, а? Хотя соседку можно и на помощь привлечь. Уж лекарство точно найдет и чай сделает… Звонок не умолкал.

Евгения Андреевна с трудом поднялась и дошла до двери. Даже не глянув в глазок, открыла, довольно бодро для ее состояния сказав в темноту подъезда:

— Ну, кому не спится в ночь глухую?

На пороге, мокрый как мышь и смущенный как первоклашка, стоял Адриан.

— Мам Жень, привет! Прости, ключи куда-то засунул и найти не могу!

— Адик! — Евгения Андреевна охнула, покачнулась. Адриан подхватил ее, уронив большую дорожную сумку. Что-то бормоча себе под нос, осторожно довел до дивана, уложил, куда-то убежал, вернулся через несколько минут с чашкой, заставил пить. Она глотнула, улыбнулась: чай с медом.

Евгения Андреевна лежала на диване, укутанная в одеяло, пила чай маленькими глотками, разглядывала мокрого Адика, который с умным видом ковырялся в ее аптечке: сейчас, сейчас, мам Жень, я найду тебе лучшее лекарство в мире, у тебя должно быть, у тебя всегда есть все лекарства на свете, я же помню совершенно точно, а не найду — в аптеку сгоняю, там такой ливень, мам Жень, закачаешься, но аптека же недалеко, так что ты не волнуйся, я быстро и осторожно, ты же знаешь, я самый быстрый и самый осторожный чувак на свете. От самого его присутствия ей было уже значительно лучше, даже температура пошла на спад. Она очень хотела спросить, как он здесь оказался, как узнал, что ей плохо, хотела сказать что-то нежное, ласковое, но отчего-то получилось только спросить слабым строгим голосом:

— Почему ты без зонта?

Адриан замер от неожиданности, встряхнул волосами, так что брызги долетели до дивана, и заржал молодым жеребчиком. Сквозь смех сказал, протягивая ей наконец найденные таблетки:

— Видишь ли, мам Жень, когда-то у меня точно был зонт… Такой большой красивый красный зонт!

2014 г.

Ида

— А потом заведем собаку. Дворняжку. Возьмем из приюта или вообще на улице подберем. Дворняги — лучшие друзья на свете.

Ида часто так говорила. Возможно, ей казалось, что собака — вершина уюта, высшая точка всех желаний, что-то, что появляется в последнюю очередь — когда все вопросы решены, все проблемы в прошлом, все слезы высохли, а все враги мертвы и больше никогда не побеспокоят нас. К собакам я была равнодушна, но неизменно отвечала:

— Дворняги, конечно, лучшие.

Мы с Идой познакомились около года назад: в городском парке, возле пруда с двумя томными деревянными русалками. Я никогда не знакомилась на улице и вообще не представляла, как это могло бы со мной произойти. Оказалось, очень просто: привет, меня зовут Ида...

С ней вообще было просто. Она приходила и уходила, ничего не просила, ни о чем не спрашивала. Никогда не оставалась на ночь, как бы я ее ни умоляла, никогда не оставляла меня у себя. Сколько бы ни было времени, она рано или поздно говорила: «Я вызову тебе такси». И вызывала, и я уходила из ее маленькой квартиры на пятом этаже. А в общем, меня никто и не спрашивал.

Я носила ей цветы, покупала у глухой старухи на углу. Она читала мне стихи, очень любила Пушкина.

— И, как чижик в клетке тесной, дома буду горевать и Наташу вспоминать! — говорила она уходя, и обязательно добавляла. — Собаку мы назовем Наташей — в честь тебя.

Я смеялась:

— Как ты себе это представляешь? Собака Наташа!

Это было легко, смешно, нежно — и чудовищно пошло. Это было некрасиво, невыносимо, неправда — и очень хорошо. Мы носились по городу, обедали в кафе и пили вино на крышах, обменивались смс-ками и письмами, смеялись и плакали, созванивались каждые полчаса, почти не касались друг друга — и говорили, говорили, говорили.

А ночами — теми ночами, когда Иды не было рядом, — я маялась от стыда и думала, что надо бы завязать, уйти, исчезнуть. Лучше всего — без предупреждения, не оставив даже записки, перестав отвечать на звонки. И свет, свет не включать в квартире по меньшей мере неделю! Давно, усталый раб, замыслил я побег... Но где взять решимости его

совершить? Каждое утро приносило мне радость — Иду. Я не могла, я хотела быть с ней и ужасно от этого бесилась.

Бесилась и снова и снова покупала цветы у старухи на углу. Ида моя Ида, мне никогда не было так славно, как рядом с тобой. Если я не найду выход, мы обязательно заведем с тобой собаку.

Она успела сбежать первой: просто однажды не пришла и все. Мы договорились встретиться у пруда, на том же месте, где познакомились. Я просидела там несколько часов, продрогла, съела четыре гамбургера и два кокона сахарной ваты. Меня тошнило, а Ида так и не появилась.

В знакомую до последнего пятна дверь я звонила так долго, что не выдержали соседи. Дверь тамбура открылась и на меня уставилась толстая сердитая девица лет двадцати.

— Вам кого?

— Иду… соседку вашу… Из сто пятой. Вы случайно не знаете, она дома?

— Из сто пятой? — девица озадачилась и для верности ткнула пальцем в Идину дверь. — Из этой?

Я кивнула.

— Нет там никого. Давно уже, — она подозрительно прищурилась и дернула носом, принюхиваясь. Но от меня не пахло алкоголем, от меня пахло отчаянием. Из-за девициных ног выглядывали две собачьих морды. Кажется, таксы.

Две недели я ходила как во сне. Снова и снова набирала номер Иды, торчала под ее окнами, которые были темны как мое будущее, писала письма — они не возвращались, но и ответа не было. Каждый свободный день я ходила к пруду. Там-то мы и встретились.

У нее был раздутый живот и тонкие лапы, у нее гноились глаза и уши были все в болячках. В жизни не видела более жалкого создания, даже подумала, что, может, гуманнее усыпить, чем спасать. Она прижалась к моей ноге и начала сосать шнурок ботинка. Я не планировала заводить собаку.

Я назвала ее Идой. Ида Вторая. И единственная.

Таская Иду к ветеринару, промывая ей глаза, вкалывая ей лекарства, пытаясь затолкать в маленькую слюнявую пасть таблетки и вынимая из нее остатки мусора, вытирая лужи, спасая ботинки от режущихся зубов, возвращаясь бегом домой — ждет, соскучилась девочка, — я все время думала…

Собирая сбитые половики, разыскивая беглянку под чужими балконами, разнимая Иду с чужими собаками, извиняясь перед соседями за слишком звонкий лай, отказываясь ехать с приятелями в кино — меня ждут, ждут, я не могу! — я все время думала одну нехитрую мысль...

Дурак этот ваш Пушкин, думала я. Нет на свете ни покоя, ни воли. А счастье — есть. И когда оно лезет тебе на грудь, и пытается откусить тебе нос, и тянет тебя за штанину, и сжевывает дорогие очки, и скулит в шесть утра от того, что соскучилось и хочет есть, писать и играть одновременно, — это понимаешь особенно ясно. Ида моя Ида, счастье мое, отдай бяку!

Через год, когда Ида выросла и стала самой некрасивой и самой избалованной собакой на свете, Ида... та, первая Ида, Ида, которую я почти забыла, прислала мне письмо. «Пора, мой друг, пора! Приезжай, мы заведем собаку...» — вот что было написано в первой строке — той, что показывает почтовый ящик, если у письма нет заголовка.

Я стерла его не читая.

2014 г.

Лучшее платье

— А потом мой брат стянул мое лучшее платье и куда-то смылся! — Линка потрясает руками, полными других платьев, на его вкус, совершенно прекрасных. Он сидит на подоконнике и смотрит, как Линка распределяет их: те, что возьмет с собой, и те, что оставит здесь. Последние летят в разные стороны, планируя на кровать, стол и прямо на пол: красное, красное, синее, снова красное.

— Нет, ты представляешь? Лучшее платье! — Линка зарывается в шкаф, извлекать новую порцию одежды.

— Врешь ты все, — он наконец очнулся и смеется. — У тебя нет братьев.

— Как нет? — Линка высовывает острую мордочку и смеется тоже. — А ты?

— Я ненастоящий.

Он и правда ненастоящий. Хотя все-таки вроде как брат. Так заведено, его предупредили. Идиотская история, конечно, но так даже смешнее. Теперь у него есть мать и семь сестер (точнее уже почти шесть — ведь Линка уезжает), и ему придется жить с ними… долго.

— Уж какой есть, — Линка ехидно вздыхает и протягивает к нему руки: в правой что-то нежно-зеленое, в левой — опять красное. Сколько же у нее платьев? Сколько всего платьев в этом доме, где живут восемь женщин? И как он со всем этим справится?

— Какое взять? — спрашивает Линка, и он не думая тычет пальцем в зеленое. Красных она уложила уже не меньше дюжины.

Проспорил, так бывает. Уже и тема спора стерлась из памяти почти — что-то о политике, наверняка. Какие-нибудь результаты выборов. Или подобная же глупость. Если бы он выиграл, получил бы много денег, или крутой автомобиль, или участок земли в центре прекрасного города. Были, одним словом, варианты, один другого бессмысленнее. Но он продул.

За дверью что-то грохочет и кто-то недовольно кричит резким высоким голосом. Он вздрагивает, хотя уже слышал такое. Раз десять за этот день. Там, за пределами комнаты, все время что-нибудь падает, что-то разбивается и кто-то вопит. Линка хихикает:

— Не пугайся, это мама. Она добрая.

Судя по крикам, мама обещает испечь в духовке одну из сестер Линки, а также всех, кто будет защищать эту засранку, перевернувшую миску с тестом для пирогов на ужин.

От него же попросили странного. Если проиграешь, сказали, пойдешь жить в один дом, там помочь надо — бабы одни, то-се, сам понимаешь. Кормить будут, комнату дадут, в общем-то, делай, что хочешь, только руку на пульсе держи. Десять лет — и свободен. Он был так убежден, что выиграет, что даже не вник толком, чего от него хотят.

Он смотрит, как Линка небрежно скатывает оставшуюся одежду, как перекладывает ее снизками бус и пупырчатыми свертками с памятными безделушками и пахучими склянками. У нее этих склянок сто штук, не меньше. Вся комната пропахла, в одном углу лавандой, в другом — карамелью, в центре вообще все смешалось.

Когда осознал, долго-долго смеялся. Надо же было так влипнуть? И сквозь смех честно предупредил: вы понимаете, что я-то запросто, мне-то что, мне все равно, но я же больше года не протяну. Все, амба, приговор подписан и обжалованию не подлежит. Вашим дамам меня не только кормить, но и хоронить придется. Не твоя печаль, ответили.

От запахов чуть-чуть кружится голова и просыпаются желания. А ведь он и забыл как это мучительно и кайфово — смотреть на женщину и хотеть ее. Смешную, с острым носом и толстыми коленками, мечущуюся по комнате с разноцветными платьями в руках — красное, красное, лиловое, снова красное. Он слезает с подоконника и бесцеремонно ловит Линку, смутно догадываясь, что сейчас получит по лицу и проспоренные десять лет жизни полетят к черту. Потому что его просто выгонят.

У дома встречала его именно Линка. Обняла нежно, словно и впрямь была его сестрой, которую он не видел сто лет. Проводила в свою комнату, вверх по лестнице, мимо закрытых дверей, за которыми кто-то ругался, смеялся, играл на скрипке, рычал и гремел посудой. Потом познакомишься, сказала. Сначала привыкни. Он только и успел заметить бессчетное количество туфель у входной двери — разноцветных, с ремешками, пряжками и бантиками на любой вкус. Сколько же у них туфель?

— Нам нельзя, — Линка смотрит на него снизу вверх — печально и хитро. — Ты же брат.

Он понимает это так, что она бы совсем не возражала, но правила есть правила. Всегда любил их нарушать, всегда. Ну, пока мог.

— Я же ненастоящий, — шепчет он ей в макушку.

— Ну, только если так, — она тихо смеется и роняет ему под ноги красное, и лиловое, и красное.

Потом они лежат молча. Он почему-то думает о том, какое платье было ее лучшим, и еще о том, что ужасно хочется курить. Так-то он бросил еще зимой, когда все наконец прояснилось. И его смущает, что курить придется в комнате, где в воздухе лаванда, карамель и еще добрая сотня этих нежных непонятных запахов. Все платья провоняют, думает он, и это кажется ему гораздо более ужасным преступлением, чем переспать с сестрой, пусть бы и ненастоящей.

Линка сразу же объяснила, что уезжает, чтобы освободить ему комнату. Иначе ему просто негде будет жить. Нет, ничего страшного, это все равно давно пора было сделать — сколько можно под крылышком у матери сидеть. Не маленькая уже. Где буду жить? Да откуда ж я знаю, найду что-нибудь, мир большой, а из аэропорта самолеты летают в тысячу разных мест.

— Все. Теперь, кажется, точно все, — Линка крутится волчком, чтобы ничего не упустить. У нее вид торжествующий, у комнаты — разгромленный, словно туда запустили стаю одичавших от скуки третьеклассниц. Он думает, что прибираться придется ему, и это и хорошо, и плохо одновременно. Хорошо — потому что будет на что отвлечься, плохо — потому что перебирая ее вещи, он рискует захлебнуться тоской.

Еще когда они лежали в постели, он спросил, вернется ли она. Линка ответила, что уходит навсегда — так уж принято. Привыкай, в нашем доме много странных порядков. Ты мне брат, я ухожу навсегда, или от еды вот, скажем, не отказываются... И самое главное — никто и никогда не спорит с мамой. Делают, что считают нужным, но только не спорят, мало не покажется.

— Вот черт! — вопит Линка. Она уже стоит в дверях, уже поцеловала его на прощанье и выдала последние наставления. — Черт! Платье забыла!

Она хватает лиловое, которое так и лежит на полу между красным и красным, и пытается запихнуть его в карман чемодана. Ничего не выходит, и открывать чемодан уже бессмысленно — второй раз они его точно не закроют. В маленькую наплечную сумку платье тем более не влезет.

— Оставь его, — говорит он. — У тебя их там столько...

— Ты с ума сошел? — отвечает Линка. — Это же мое лучшее платье!

Она надевает лиловое прямо поверх зеленого и становится похожа на очаровательную киношную бродяжку.

В дверь громко стучат.

— Обедать пора! — судя по голосу — мама. — Сколько можно ждать?

Есть совсем не хочется, но наставления Линки еще не забыты — от еды не отказываются и не спорить, главное, не спорить.

— Господи, ну и свинарник! — мама не дожидается ответа и входит в комнату. — Ты что, здесь курила? Какого черта ты вообще здесь все разнесла? Хочешь, чтобы кошки твои платья разодрали? Почему у тебя глаза красные, ты плакала? И где, кстати, твой брат, я его с утра найти не могу?

Десять лет, боже мой. И она что, правда, ждет ответа на все эти вопросы? Нет, серьезно?

Хорошо же. Тогда так… Посильнее шмыгнуть носом, воздеть руки и проорать, глядя в потолок:

— Мама, он смылся! Он стянул мое лучшее платье и сбежал навсегда!

2014 г.

Зепп Гшвендтнер — удачливый моряк

Костику

В наш город туристы нечасто попадают, хоть и море рядом, а развлечений-то никаких. Жара и скука. Единственная достопримечательность, что достается на долю редких гостей — маленькая Сессна на берегу. Самолетик стоит прямо на камнях, глядя носом за горизонт. Рядом с ним любят назначать свидания и встречи, дети обожают играть возле него да и взрослым он тоже нравится. Наша Сессна не памятник, нет! Она самый настоящий, просто очень маленький самолет. У нее даже есть хозяин.

Зепп Гшвендтнер родился в крохотном поселке возле аэродрома. Там не то что моря, реки-то рядом не было, камни да трава. Но с самого рождения Зепп Гшвендтнер хотел стать моряком. Родители не понимали его увлечения, но не мешали мальчику фантазировать, и даже иногда помогали: мать выкрасила стены его комнаты в синий цвет, а отец где-то раздобыл большую карту мира. Как известно, воды на ней значительно больше, чем суши.

Любимым местом игр маленького Зеппа Гшвендтнера была невесть какой водой занесенная на окраину аэродрома лодка. Самая обычная лодка, ничего примечательного, на такой даже в море-то не выйдешь, разве что на тихую речку, порыбачить. Но для Зеппа Гшвендтнера она была настоящим сокровищем, убежищем, тем, что любишь всем сердцем и за что будешь сражаться, если придется, до самого конца. Но ему не пришлось, в поселке умели уважать чужие чудачества. Только качали головами: «Куда денется, будет летать», да и все.

Конечно, он полетел. Все, кто жил в поселке, так или иначе были связаны с небом. «Наше море — небо», смеялись старшие. Зепп Гшвендтнер только морщился: в небе было хуже, чем в море, хотя все-таки и лучше, чем на земле. К восемнадцати годам Зепп Гшвендтнер знал про море все, на шее у него висел куриный бог, а в сердце шумели шторма. Он стал отличным пилотом, чертовски везучим.

Зепп Гшвендтнер не интересовался женщинами. Он считал, что настоящему моряку женщины ни к чему — они отнимают удачу. Но женщины интересовались красивым пилотом Зеппом Гшвендтнером и часто дарили ему свою любовь. Иногда от этой любви оставались

дети. Подрастая, они начинали пускать кораблики в лужах и вязать морские узлы на шнурках.

Несколько раз Зепп Гшвендтнер подбирался к морю довольно близко. Если можно назвать близостью высоту в несколько тысяч метров над поверхностью. Однажды, совершая ночной перелет над побережьем, Зепп Гшвендтнер взмолился, отчаянно и неистово: пусть мы сейчас упадем, пусть последние секунды своей жизни я проведу в море. Но тут же испугался — ведь в самолете были люди — и так же отчаянно попросил отменить предыдущую просьбу. Зепп Гшвендтнер был хорошим человеком и не желал никому смерти.

Зепп Гшвендтнер злился, когда его спрашивали, почему он не возьмет отпуск и не махнет на курорт. Если уж так любишь море, то будешь любить его и не будучи настоящим моряком. Можно же просто искупаться, взять пару уроков серфинга или дайвинга, в конце концов есть морские круизы — плыви. «Ничего-то вы не понимаете», отвечал Зепп Гшвендтнер и замолкал. Валяться на берегу или жариться на палубе круизного корабля казалось ему предательством. Он был моряком, а не туристом.

Зепп Гшвендтнер редко напивался, но если это случалось, шутил, что он, возможно, самый удачливый моряк на свете: ни разу не попадал в шторм, не тонул, не вялился под солнцем недельного штиля, дурея от скуки, акулы не преследовали его, а в ангаре с самолетами даже не водилось крыс. В этой шутке было столько тоски, что любая вечеринка оканчивалась после нее в пять минут.

К сорока годам Зепп Гшвендтнер немного остепенился и даже нашел себе жену. Добрую женщину, родившуюся в далеком поселке у моря. Ее увезли оттуда, когда ей было три года, и она больше туда не возвращалась. Но Зепп Гшвендтнер говорил, что ее волосы пахнут солью и ветром, а, значит, она идеально ему подходит. На обед у семьи Гшвендтнер часто была рыба. Дочь они назвали Мариной.

В сорок пять Зепп Гшвендтнер перестал быть пилотом и начал учить тех, кто станет пилотом потом. Написал несколько книг. Небо не оставил, поднимался туда на маленькой двухместной Сессне, которая, впрочем, вряд ли могла донести его до моря. Все хотели попасть в класс к Зеппу Гшвендтнеру, он был удачливым пилотом и его удачливость передавалась его ученикам.

Когда Зеппу Гшвендтнеру исполнилось шестьдесят, он оставил преподавание. После шумной прощальной вечеринки, бывший пилот заперся дома и не выходил оттуда около недели. Еще через сутки была

обнаружена пропажа старенькой Сессны. Той самой, на которой так любил подниматься в небо Зепп Гшвендтнер. Сам Зепп Гшвендтнер тоже исчез.

Много дней не утихал поселок. Коллеги облетали окрестности в поисках разбившегося Зеппа Гшвендтнера, «Практическая дальность самолета — 850 километров», кричали они друг другу, «он не мог далеко улететь, он просто где-то упал». Но ведь улетел.

Домыслы о том, что случилось, не строили разве что младенцы. Жену и дочь Зеппа Гшвендтнера несколько раз вызывали на допрос в полицию. Жена слабо улыбалась и пожимала плечами, дочь вовсе отмалчивалась. Улетел и все, кому же знать?

Через год успокоились. Отслужили поминальную службу, выпили по стаканчику за упокой души пилота, мечтавшего о море, и разошлись. Отъезд жены и дочери Зеппа Гшвендтнера уже совсем никто не заметил, кроме парочки ближайших соседей. Впрочем, кассирша, продававшая билеты фрау Гшвендтнер, рассказывала товаркам, что последним пунктом назначения у семьи пропавшего пилота, был далекий маленький город у моря: «Она ведь оттуда родом, вы знали?».

В наш город туристы нечасто попадают, хоть и море рядом, а развлечений-то никаких. Жара и скука. Единственная достопримечательность, что достается на долю редких гостей — маленькая Сессна на берегу. Самолетик стоит прямо на камнях, глядя носом за горизонт. Рядом с ним любят назначать свидания и встречи, дети обожают играть возле него да и взрослым он тоже нравится. Наша Сессна не памятник, нет! Она самый настоящий, просто очень маленький самолет. У нее даже есть хозяин — Зепп Гшвендтнер, капитан одного из наших рыболовных судов. Говорят, раньше он был пилотом.

Мы тут все ловим рыбу, и я тоже когда-нибудь буду. Возможно, даже под началом Зеппа Гшвендтнера, мама говорит, это было бы хорошо. У нас тут считается, что Зепп Гшвендтнер — отличный капитан и удачливый моряк, и ходить с ним на одном судне — лучше и не придумаешь.

Но я надеюсь, что мне все же удастся уговорить господина Гшвендтнера научить меня летать. Пока он не поддается на мои просьбы, хотя про небо я знаю уже очень-очень много. Я не отчаиваюсь, госпожа Гшвендтнер, его жена, говорит, что рано или

поздно Зепп Гшвендтнер обязательно смягчится, согласится и пустит меня в самолет. И я поднимусь в небо.

2014 г.

Кто сможет проплыть под мостом

— Кто сможет проплыть под мостом?

— Кто-кто проплывет под мостом?

— Кто первый, тот смелый!

— А я трус — я не возьмусь...

— Эй, городская, давай! Вы ж там смелые все!

— Эй, городская!..

Городская (ее зовут Инка) сидела вместе со всеми на камнях у самой воды. На вид и не скажешь, что неместная — такие же босые грязные ноги, такие же выгоревшие под ярким солнцем волосы и брови, такие же карие глаза как у всех в поселке. Кроме Вовки, конечно, но с ним-то все ясно, он все равно свой, несмотря на то, что за очками у него серая хмарь. А Инка нет, чужая, непонятная.

Инка приехала два месяца назад, в конце мая. Жила у тетки Натальи, но не была ей родней (об этом быстро стало известно). Брать с собой ее сразу не хотели, но она все равно ходила со всеми, тихо и упорно. Вроде не мешала, но и неинтересно с ней было. Молчит да молчит, иногда скажет что-нибудь дурацкое, а потом снова молчит.

Привыкли, конечно. Звали городской, делились бутербродами, спрашивали иногда про то, как в Городе что устроено (она почти ничего не знала), подкалывали по мелочам.

— Ну чего, городская, проплывешь под мостом?

Под мост лезть нельзя, это даже самые маленькие знают. В реке вообще не купаются, холодная, течение быстрое. Но уж под мост соваться — совсем гиблое дело. Даже рыбаки не рискуют: вытаскивают лодки на берег и два десятка метров волокут их сушей, со всем барахлом и уловом. Потому что знают: влетишь под деревянные сваи — и не будет у тебя больше ни улова, ни радости, а то и самого тебя не будет уже. И это еще если повезет.

Говорили разное. Что под мостом живет сом величиной с медведя, который питается человечьими глазами, а вместе с глазами съедает все, что человек видел когда-то. Что воронка там глубиной в пятьдесят метров от немецкого снаряда, затянет, даже труп не найдут. Про водяного говорили, и про трех подруг, прыгнувших вниз еще сто лет назад назло своим родителям... Много чего рассказывали, но и самые рассудительные, те, которые даже домовому блюдечко на ночь не ставят, все равно под мост не лезли.

— Ну что, городская?..

Инка, конечно, знала, что нельзя. И слова эти слышала не первый раз. Эй, городская… Нормальные люди на такое и не реагируют. Но она встала и начала раздеваться. Полетела на камни линялая футболка, за ней шорты. Звякнул браслетик. Инка осталась в одних трусах, поежилась, обхватила себя руками и пошла тихонько к воде.

— Эй, городская, с ума сошла?

Она медленно шла по камешкам, покачиваясь, словно в полусне. На облезлых плечах мурашки, ноги ставила криво — больно босиком.

— Гляди чо, смелая…

— А я трус — я не возьмусь!

— Эй, городская, совсем ку-ку?

— Эй!.. Дура совсем?!

Когда они все-таки кинулись за ней, Инка была уже в воде. Не стала примеряться, привыкать к холоду. Бросилась с размаху и поплыла. Они бежали за ней по берегу, оскальзываясь на камнях, кричали, чтобы не дурила и вылезала, пока не поздно. Но уже было поздно, течение ей помогало, и до моста она добралась очень быстро. На мгновение задержалась перед первой сваей, а потом нырнула.

Когда они обогнули мост, по дорожке-волокуше, где рыбаки тянут лодки на ту сторону, Инки уже не было. Минут пять они молча вглядывались в реку, пытались разглядеть голову чокнутой городской, а потом со слезами и воем рванули в поселок.

Как искали и нашли Инку, они не видели. Перепуганные родители разогнали всех по домам, заперли двери снаружи, взяли клятвы не высовываться. Никому и не хотелось. Информацию собирали по обрывкам разговоров старших, подслушивали, подглядывали — поселок не утихал еще неделю, даже после того, как Инку увезли. Слухи, домыслы и правда мешались в их головах.

Говорили, что нашли ее часа через три в маленькой заводи километром ниже моста. Городская лежала на воде раскинув руки, лицом вверх. Живая. Но вытащивший ее дядя Коля участковый запил на три дня, и даже не смог составить протокол, как ему полагалось (а потом и вовсе спустил дело на тормозах, благо, никто и не настаивал).

Пока Инку несли до дома, тетка Наташа голосила так, что слышно было на всех концах поселка, и это была чистая правда. И все видели, как ее старший сын Виталик, напился в ту ночь, стянул отцовскую двустволку и палил с моста в воду, пока не кончились патроны и его братьям не удалось увести его оттуда.

Говорили, что городская улыбалась, когда ее доставали. Говорили, глаза у нее из карих стали белесо-голубыми и не закрывались даже во сне. А когда родители забирали ее, приехав из Города на большой машине через двое суток после произошедшего, волосы Инки по-прежнему были мокрыми. Вовка, чей дом окнами выходил на дом тетки Наташи, божился, что видел своими глазами, как с ее головы капала вода. Но кто ему поверит, очкарику? Говорили, что на много километров вниз по течению отродясь не было заводей…

До конца лета к мосту не ходили.

2015 г.

Шаровое скопление

(говорит)

Теперь-то уж можно признать: мы все поняли правильно и все сделали правильно. Может быть, кто-то смог бы сделать лучше, но дело в том, что никого кроме нас не было. Никто ничего не видел, не знал.

(говорит)

Сейчас уже не вспомнить, кто первым увидел *чудовище* и рассказал о *нем* остальным. Барашек? Он всегда был мелким пронырой, первым узнал про стройку, первым нашел дыру в заборе — отличную такую дыру, достаточно мелкую, чтобы ее долго не замечали, и достаточно большую, чтобы туда могли пролезть пятеро детей. Так что думаю, и *чудовище* мы встретили благодаря ему. И ничего такого, что Барашек боялся больше всех. Мы все сначала испугались.

(перебивает)

Еще бы! Попробуй не испугаться, когда вместо котлована — пропасть без дна. Сунешься — и никто никогда не найдет. А над пропастью — *чудовище!* И мы все *его* видим!

(говорит)

Вообще-то, мы все видели *его* по-разному. Но это мы потом сообразили, лет через пять. Когда решили накормить *чудовище* рассказом о *нем* самом. Почему-то до тех пор нам это и в голову не приходило. А когда пришло — мы сильно удивились.

(перебивает)

Это еще мягко сказано — удивились! Чуть с ума не сошли, пытаясь понять, что же мы видим на самом деле.

(говорят вместе)

Множество глаз...

...слепые и слезятся...

...закрученные рога, как у горных козлов...

...огромный хвост толщиной с целое бревно...

...с добрый десяток бревен...

...грязная черная длинная шерсть, местами свалявшаяся...

...абсолютно лысое, *кожистое* как землеройка...

...крылья, тень от которых накрывала всю стройку...

...от него несло могильным холодом...

...все вокруг было выжжено его горячим дыханием...

...похожее на динозавра...
...на тысячекратно увеличенную летучую мышь...
...как в клипах тех исландских чуваков...
...словно дьявол из старинных книг...
...вспомните свой самый ужасный ночной кошмар...
гигантское
огромное
ЧУДОВИЩНО ОГРОМНОЕ

(говорит)

Удивительно, но мы *его* почти не боялись. *Чудовище* сразу же дало понять, что *ему* от нас нужно, пояснило, чем грозит отказ, и мы честно выполняли свой долг. Когда у тебя есть долг, бояться уже как-то не хватает времени. Что *ему* было нужно? Информация! Новые знания, любые знания. Чем грозило? Животным ужасом и пустотой... Во всяком случае, *оно* так сказало.

(перебивает)

Не то чтобы сказало, просто дало... на секундочку увидеть. Почувствовать, что будет с нами — со всем миром — если мы не будем *его* кормить.

(говорит)

Мы приняли это как должное. В том возрасте все воспринимаешь как должное — монстров под кроватью, *чудовищ* над котлованом. Если мы не приходили вовремя, *оно* напоминало нам о себе — звенящей пустотой во всем теле, от которой хотелось умереть, лишь бы закончилась.

(говорит)

Лишь бы закончилась... Мы кормили *его* все большим и большим количеством информации. Приходили два раз в неделю и бросали в *него* все, что смогли раздобыть. Бросали почти не глядя, как камни в реку. *Оно* заглатывало и просило еще. К счастью, иногда насыщалось и отпускало нас.

(говорит)

Со временем становилось все сложнее. Скормить *чудовищу* информацию повторно — было немыслимо. *Оно* жрало только новое. И большая удача, что за новое для *него* вполне сходило новое и для нас. В дело шло все: от прочитанных книг до подслушанных разговоров. Сначала мы все записывали, казалось, так мы ничего не

упустим. Только Барашек мучился: письмо в те годы давалось ему с трудом…

(перебивает)

Ну, не с таким уж и трудом!

(перебивает)

Зато он научился рисовать! Пока мы записывали, он — зарисовывал.

(говорит)

Мы записывали, зарисовывали и запоминали. Потом научились печатать. Потом поняли, что *чудовищу* можно отдавать информацию, лишь едва пропустив через себя. И тут нам очень помогли новые технологии. Появился интернет, добывать знания стало значительно проще. Их количество росло в геометрической прогрессии, помогая нам кормить ненасытное *чудовище*.

(говорит)

Оно стало наедаться сильнее и оставалось в покое гораздо дольше, чем раньше. Мы начали покидать город. Потом кое-кто рискнул даже переехать совсем, лишь нанося визиты на стройку в свой черед. Но мы ни разу не пропустили кормежку *чудовища*. Мы были уверены, что последствия могут быть необратимы.

(перебивает)

Кто мог подумать, как все обернется…

(перебивает)

Откуда нам было знать!

(перебивает)

Мы даже не могли кому-либо о *нем* рассказать.

(перебивает)

Да и кто бы нам поверил!

(говорит)

Вообще, всевозможные *энциклопедии* — от Вики до Лурка — вот было отличное изобретение. Потоки информации росли в немыслимой прогрессии. Мы изымали ее кусками, гигабайтами… терабайтами! Мы подстегивали мир делиться и делились сами, одних статей написали тысячу, наверное…

(перебивает)

Не меньше трех!

(говорит)

Или три тысячи. А блоги? Лучше мы и представить ничего не могли. Потому что одно дело — научная информация, как ни старайся,

но она когда-нибудь закончится. И совсем другое — частный взгляд, всегда разный даже на одно и то же событие. Мы отдавали *чудовищу* все: чьих-то котят, чьих-то детей, первую любовь и последние свидания, цвет обоев в чужих спальнях и тайный смысл послания президента. Чувства, сны, рефлексии, фанфики, фантазии, скандалы и спекуляции на любой теме — чем страннее, чем необычнее, чем *новее* — тем лучше.

(говорит)

В какой-то момент мы задумались о том, что скрыто: за паролями, под замками, в частной переписке — сколько новой информации могло бы там быть! Но нет, мы ничего не предпринимали, считали неправильным...

(перебивает)

Не хотел бы я думать, что у Сноудена тоже было свое *чудовище*.

(говорит)

Когда все закончилось? Мне-то сейчас кажется, что совсем недавно. Но по логическому размышлению...

(перебивает)

Это если мы еще способны размышлять логически.

(перебивает)

А что бы могло нам помешать?!

(говорит)

Как бы то ни было, все закончилось. И вовсе не так, как мы ожидали. Это были зимние каникулы, мы были взрослые, толстые, умные, напичканные новыми знаниями. Собрались на стройке. Мы уже говорили, что там ничего не изменилось за эти годы? Разве что наша дыра стала нам тесновата, но что за задача для опытных людей — пробраться на заброшенную стройку? *Чудовище* ждало нас. Как всегда. На том же месте. То же самое, что и пять, десять, двадцать лет назад. Неизменно голодное, ждущее новой информации...

(перебивает)

И тут кто-то заметил, что *оно* чихает. Чихает! До сих пор никаких признаков жизни *чудовище* не подавало. Если не считать того, первого, сообщения — ничего. А тут вдруг — *чихает*!

(перебивает)

Это было смешно, между прочим. Как слепой котенок — ти-и-и-хонько, не-е-ежненько...

(говорит)

Это привело нас в ужас. Скала заговорила, земля заколебалась, *чудовище* зачихало. Мы стояли перед *ним* и не знали, что делать. Продолжать бросать в *него* информацию? Бежать? Предложить *ему* носовой платок? Мы растерялись!

(говорит)

А что бы мы могли сделать? Да, мы были взрослые и жутко эрудированные. Но ни в одной книге, ни в одной энциклопедии, ни в одном блоге на свете нам не рассказывали о *чудовищах*. Все, что мы о *нем* знали — знали только мы.

(говорит)

Поэтому мы просто стояли и ждали, пока *оно* не прочихается. А *оно* не прочихивалось, только все сильнее морщило то, что у *него* могло быть носом и все громче и громче...

(перебивает)

Это было так нелепо! И *чудовище,* и то, что все *так* закончилось.

(перебивает)

Строго говоря, ничего же не закончилось?

(говорит)

Закончилось и еще как! О том, что после каждого конца начинается новое начало, мы узнали только потом — после того, как конец все-таки *настал*. А еще считали себя умными! В общем, если не вдаваться в ужасающие подробности, то дело было так. *Чудовище* продолжало чихать, мы продолжали стоять. А потом *оно* чихнуло в последний раз, выпустив наружу все, что мы приносили *ему*. Абсолютно все — начиная от наших детских наблюдений и заканчивая последними достижениями науки.

(говорит)

Информация выплескивалась из *него,* как вода из прорвавшейся трубы, с немыслимой скоростью затопляя окрестности — вперед, вперед, выше и вперед! Нас поднимало и опускало, мы утрачивали способность дышать и теряли сознание. Нас несло, ломало, выкручивало, а поток все не останавливался. Слишком много всего поднесли мы *чудовищу* за эти годы. Не могу и представить, как это выглядело со стороны — хаос, цунами, торнадо, большой взрыв... О, если бы мы знали!

(говорит)

Хаос, цунами, торнадо, большой взрыв... Прошло *чудовищно* много времени прежде, чем все остановилось. Закончилось. Закончилось все. Закончилась информация, закончились мы,

закончился мир. Осталась одна темнота. Одна пустота. Одна тишина. И мы были в ней, закончившиеся — и начавшиеся сначала. Это было больно...

(перебивает)

Это было потрясно!

(все молчат)

(говорит)

Вокруг была пустота, тишина и темнота. Но были и мы. А с нами — вся информация, которую мы успели в себя вместить. Немало, хочу вам заметить. Совсем не так уж и мало. Сначала мы пришли в себя, потом ощутили себя, потом начали разговаривать...

(говорит)

Вряд ли это можно назвать разговором в том смысле, к которому мы привыкли. У нас не осталось языка, и глотки, и зубов, никакого тебе речевого аппарата, даже мимики, даже пальцев, которые могли бы помочь в отсутствие всего остального. Честно говоря, я и за наличие мозга не поручился бы.

(перебивает)

Но потоки информации шли и, следовательно, это можно называть разговором! Так что мы разговаривали и вспоминали!

(говорит)

А самое крутое, знаете что? Мы помнили все. Вообще все, что когда-либо услышали, увидели и заметили. Мы помнили, в какую сторону закручиваются рукава Млечного Пути и какого цвета были глаза у нашей первой учительницы. Законы Ньютона и правила стихосложения, количество ступенек до квартиры Барашка и как правильно пишется слово «престидижитация»... Абсолютно все, что хотя бы краешком попало в поле нашего внимания.

(перебивает)

Поэтому так было легко освоиться в новом состоянии. Дышать было нечем, но нам было и не надо. Говорить мы не могли, но это было и не важно.

(перебивает)

Мы обнаружили не только пространство себя, но и других.

(говорит)

Других было неожиданно много, больше, чем мы могли себе вообразить. И у них тоже была информация — много-много новой

информации. В том числе, и о том, что со всеми нами произошло. Единственное, чего мы так никогда и не узнаем: что, собственно, случилось с *чудовищем*.

(говорит)

Оно, кстати, нашлось… к тому же и не одно. Здесь теперь целое стадо *чудовищ*. Болтаются неподалеку, все также поглощая информацию. К счастью, здесь в ней недостатка нет совсем и *чудовища* пока обходятся даже без нашей помощи.

(говорит)

Кое-кто боялся, что будет скучно…

(перебивает)

Никто не боялся, я просто пыталась понять, чем мы тут можем заняться!

(говорит)

Кое-кто боялся, что будет скучно, но скучно нам не было. Мир вокруг был прекрасен и полон открытий. Мы обжили его, мы познакомились с ним, мы наполнили его информацией и светом. Он теперь полностью наш и кто знает, что ждет нас впереди…

(говорят вместе)

…Нас ждет новая жизнь. Та, которую породим мы. Пыль собирается, притягивает к себе газ и другую пыль…

…частицы сталкиваются, разрушаясь и образовывая новые, более крупные…

…они поглощают наш свет и передают его дальше…

…они нагреваются и излучают…

…они растут и превращаются в планеты…

…планеты меняются…

…когда-нибудь мы станем свидетелями чуда…

…не так-то часто они случаются — чудеса…

…но мы будем надеяться…

…надеяться и ждать!

==========

от: **Татьяна Е.**
<tania.australis@yandex.ru>
Кому: Мой любимый режиссер
<coolblackhole@mail.ru >
дата: 24 сентября 2016 г., 02:01
тема: тысяча идей!!!

ну, хорошо, не тысяча, а всего одна, но очень важная))) я знаю, что у тебя всегда на все свое видение-шмидение, но я на него и не посягаю. просто по-моему, так будет круто. в конце концов автор имеет право на свое мнение о том КАК должна выглядеть ЕГО пьеса на сцене)))
смотри, начинать надо с того, что в зале должно быть очень много света. просто ОЧЕНЬ МНОГО. так чтобы даже видно толком ничего не было и глаза болели (Ромчик - отличный осветитель, он справится, если что Котенька обещала подогнать оборудование), а потом он понемногу гаснет, очень плавно, чтобы сразу не понятно было, что происходит. а в момент "большого взрыва" все накрывает ПОЛНАЯ ТЕМНОТА. и последняя перед переходом, реплика Барашека (да, я все-таки настаиваю, что это ЕГО реплика, а не кого-то иного, как бы правильным тебе это ни казалось) — та, что "просто потрясно!" - звучит в ПОЛНОЙ ТЕМНОТЕ.
а когда герои начинают говорить дальше, то каждый начинает свою реплику с того, что зажигает фанарик - вверх, подсвечивая лицо (по очереди). дальше я еще пока не придуала, но кажется, это уже ГЕНИАЛЬНО))).
обдумай, пожалуйста.
и да, я послушала музыкальные темы. та, что про чудовище - бесподобна!
надеюсь, завтра смогу заскочить на репетицию, обсудим.
целую, Т.

==========

Продолжаются поиски таинственно пропавших после премьеры актеров

(185 оценок, среднее: **3,5** из 5)
13.01.2017
2770 просмотров

Поиски пятерых актеров экспериментального театра "Квазар" пока не дали результатов. Полиция продолжает расследование.

9 января в экспериментальном театре "Квазар" состоялась премьера нового спектакля, после которой сотрудники обнаружили исчезновение всех пятерых актеров, занятых в постановке. Ольга Добрянская, Анна Ирцева, Евгения Желткова, Игорь Стеклов и Алексей Фонарщиков не вышли на поклоны. По рассказам очевидцев, их также не оказалось ни в гримерке, ни в других помещениях театра. Телефоны актеров находились на месте, как и верхняя одежда. В течение суток молодые люди не появились ни дома, ни в театре. Родственники актеров обратились в полицию.

Пресс-служба городского МВД сообщила, что поиски пропавших ведутся со всей возможной тщательностью, привлечены силы МЧС и поисковики-добровольцы. Однако, на сегодняшний день расследование успехом не увенчалось. Полиция проверяет различные версии произошедшего, в том числе самые неожиданные.

"Пока мы не можем исключить ни одного варианта развития событий. Слишком странным является исчезновение сразу пятерых людей, без одежды, без мобильных телефонов", пояснила пресс-секретарь городского МВД Инга Сердечная.

Директор театра Ярослав Добрянский сообщил сегодня, что если актеров не найдут в течение ближайших дней, он привлечет к поискам экстрасенсов.

"Мы готовы на все, лишь бы найти наших ребят", подчеркнул он.

Если вам известно что-либо о местонахождении и судьбе актеров, пишите на адрес news@allmystery.ru или сообщайте по телефонам городского МВД: **(089) 218-18-40 и 218-18-41**. Мы будем внимательно следить за ходом поисков.

Театр "Квазар" существует с 2014 года и уже успел подарить горожанам несколько интересных и по-своему оригинальных постановок. Спектакль "Шаровое скопление", в котором были заняты

пропавшие актеры, поставлен молодым режиссером Антоном Коробчинским по пьесе Татьяны Егоровой.

Читать по теме:
Перевал Дятлова: новые подробности старой тайны
Установлена личность загадочного трупа на горной тропе
Похищения инопланетянами на Аляске: факты и домыслы

==========

Астрономы обнаружили новую галактику

(18 оценок, среднее: **5** из 5)
20.01.2017
985 просмотров

Английские астрономы из университета Суррея обнаружили новую галактику. Карликовая галактика M218 находится на расстоянии 250 тысяч световых лет от Земли, расположена в созвездии Дракона и является одним из спутников Млечного Пути.

На данный момент вокруг Млечного Пути вращается более 50 галактик. Полностью M218 невозможно разглядеть невооруженным взглядом, однако некоторые ее звезды можно увидеть и с Земли. Как сообщает New Scientist, ученые вычислили новую галактику еще в сентябре прошлого года. Диаметр M218 составляет пять тысяч световых лет. Рядом с галактикой астрономам также удалось обнаружить необычное скопление черных дыр.

Как сообщают исследователи, M218 прошла сквозь Млечный Путь более 100 миллионов лет назад и сейчас удаляется от нашей галактики со скоростью около 200 километров в секунду.

Читать по теме:
Астрономы обнаружили следы цивилизации

Астрономы нашли сверхмассивную черную дыру недалеко от Млечного Пути

==========

(говорит)

И опять первым стал Барашек. Жизнь появилась на его планете! Пока мы обменивались восторженными наблюдениями и получали поздравления от других, она завершила этап одноклеточного существования, обросла псевдоподиями, а потом уже заполучила и зачатки настоящих ног, крыльев и плавников, частично выбралась на сушу и сумела окончательно разделиться на несколько примитивных, но очевидно разных видов...

(перебивает)

Ребята, ребята! Посмотрите же на них — такие хорошенькие!

2017 г.

В конце света, на краю земли

Пока сердце твое не остынет —
этот мир, где бы он ни был,
из чего бы ни был сотворен,
этот мир — твой.
Аше Гарридо «В сердце роза»

— А моя бабушка не умеет вязать, — сказала Лея. Тут же поправилась: — Не умела.

— Так не бывает, — удивился Род. — Чтобы бабушка и не умела вязать!

— Бывает, честно! — Лея немного обиделась. — Зато она умеет паять, чинить розетки и вкручивать лампочки!

— Вкручивать лампочки все умеют, — Род приподнялся на локте и насмешливо посмотрел на Лею.

— Я не умею, — призналась она. — Ну, я никогда не пробовала.

— Я тебя научу, — Род вернулся в исходное положение. — Это просто.

Они лежали на крыше двухэтажного особняка и смотрели в небо. Небо было синим с розовыми прожилками, солнце уже почти село и становилось прохладно. Но уходить в дом не хотелось, хотя там были и еда, и одеяла, и Xbox, и еще не смотренный фильм с Брюсом Уиллисом. Куча дел, когда нечем заняться.

Род нашел Лею месяц назад. На самом деле долго искать не пришлось, она лежала в той же больнице, что и он, только в другом корпусе. Просто он обходил корпуса методично, начиная со своего, один за другим, с последнего этажа до первого, и не сразу дошел до ее изолятора. К этому времени Лея чуть не сошла с ума, пытаясь вынести дверь, и даже была готова лезть из окна, только не понимала, хватит ли ей двух простыней, чтобы спуститься с четвертого этажа.

Когда Род открыл дверь снаружи, Лея выглядела ужасно: всклокоченная, глаза красные и запавшие, руки разбиты в кровь. В изоляторе дурно пахло, несмотря на выбитое окно: вода прекратила идти практически сразу после *этого*. От неожиданности она чуть не бросилась на него с кулаками, но вовремя опомнилась и только взмахнула руками у него перед лицом. Потом заплакала.

Честно говоря, Род немного растерялся. Когда он услышал, с какой силой она бьется о дверь, то почему-то представил себе взрослого парня, и, пока бежал на четвертый этаж, успел

обрадоваться: теперь будет не так страшно. А оказалось, что в изоляторе сидит ополоумевшая девчонка, да еще и младше него — ей лет пятнадцать, наверное, не больше. Еще и ревет теперь, и что с ней делать? От растерянности сунул ей шоколадку, лежавшую в кармане пижамы, подумал, что если она два дня тут сидит за закрытой дверью, то наверное ужасно хочет есть.

Это было удачное решение: шоколадка исчезала с космической скоростью, а плакать его новая знакомая перестала. Есть и лить слезы одновременно оказалось не очень удобно.

— Меня зовут Род Уокер.

Девчонка прекратила жевать, шмыгнула носом:

— Это не твое настоящее имя.

— А какая разница? Все равно никого нет, настоящие имена не имеют никакого смысла. Хотя в них и раньше его было немного.

— И правда! — она почему-то развеселилась. — Тогда меня зовут Лея!

Потом снова погрустнела, засунула остаток плитки в рот одним куском, спросила еле слышно:

— Чего, совсем никого?

— Ну… Честно говоря, надеюсь, что не совсем. Но я пока кроме тебя больше никого не нашел… В смысле, живым… — он смутился, закашлялся даже, затем сбивчиво и невпопад добавил: — Лея — крутое имя.

Вдвоем они прочесали оставшиеся корпуса больницы за сутки. Никого. Только мертвецы — в койках и на полу, за конторками, на кушетках и операционных столах, люди умирали прямо там, где их застало *это*. Особенно внимательно они изучили изоляторы, но, видимо, других таких неудачников, подхвативших грипп посреди лета, в больнице не нашлось.

— Что это было? Почему они все умерли? А почему мы не умерли? — первое время Лея раз за разом спрашивала Рода об *этом*. Потом перестала. У него все равно не было ответа, не могло быть: во время *этого* он был в точно таком же изоляторе, как и она. Просто ему повезло больше, и он был немного сильнее, и дверь оказалась немного хлипче.

Город был пуст и молчалив. Почему-то на улицах мертвецов не было (Род и Лея, не сговариваясь, избегали слово «трупы»), но зато они массово находились в магазинах, торговых центрах, офисных

зданиях и автомобилях, стоявших теперь как попало, — и пройти-то иногда было сложно. Все так же, как и в больнице: где были, там и умирали.

Они быстро привыкли к мертвым, те стали привычной частью мира. Род и Лея старались не беспокоить их попусту, но если было нужно, не смущались отодвинуть тело с дороги или позаимствовать что-нибудь. Лишнего не брали, но пистолеты с двух полицейских сняли без стеснения. Это Лея придумала.

— Вдруг они все станут зомби? Или просто кто-то живой остался, а мы ему не понравимся.

Род признал ее доводы разумными, но оба раза, снимая кобуру, извинился перед полицейскими. Шепотом, чтобы Лея не слышала, а то глуповато как-то.

Когда проходили мимо зоомагазинов, Лея отворачивалась: аквариумы и клетки, выставленные на витринах и полные мертвых хомяков, шиншилл, попугайчиков и рыбок, почему-то приводили ее в большее отчаяние, чем умершие люди в супермаркетах и офисах.

Особняк они нашли на третьи сутки блуждания по городу. Сначала как обычно долго звонили и стучали в слабой надежде, что кто-нибудь откликнется. Потом перебрались через забор. Слезая с высоты, Лея неудачно повернулась и разодрала правую руку о декоративный шип — от запястья до локтя, и пару минут сидела на корточках зализывая кровоточащую царапину. Пока Род соображал, чем ей помочь, кровь остановилась, и Лея унеслась в дом. Оттуда немедленно раздались ее восторженные вопли.

Дом действительно был крут: два этажа, спиральные лестницы, много комнат, большой подвал, разделенный пополам — в одной половине тренажерный зал, в другой — что-то вроде котельной. Род крутанул какой-то рычажок и в трубах зашумела вода.

— Останемся здесь? — спросила Лея. — Ночевать в больнице мне надоело.

Род не разделял ее энтузиазма, особняк казался ему слишком роскошным для них. Он чувствовал себя неуютно, заглядывая во все эти комнаты и комнатки, рассматривая ковры, диваны, телевизионные панели, зеркала в золоченых рамах и книжные шкафы из темного дерева. Они препирались около часа, пока Лее не удалось найти совсем уж сокрушительные аргументы.

— Во-первых, здесь никого не было и до *этого,* — сказала она, подводя Рода к огромному серебристому холодильнику. Они как раз дошли до кухни, напичканной всем, что только может понадобиться сумасшедшей богатой хозяйке: от микроволновки с грилем до целой коллекции ножей. Это не считая кучи вещей, о которых ни Род, ни Лея не имели ни малейшего представления. — Смотри, холодильник абсолютно пуст — значит, отсюда уехали гораздо раньше.

— Да они просто не успели его загрузить, — отбивался Род.

— Ага, или сидели на строгой диете, — Лея покрутила пальцем у виска. — Во-вторых, все обесточено. Ну, посмотри же!

Она пощелкала выключателем, потом поочередно нажала на кнопку чайника и микроволновки, даже вытянула из ящика блендер и попыталась запустить его. Техника на ее движения не реагировала, Род начал уступать.

— А в-третьих… — Лея сделала многозначительную паузу и хитро посмотрела на Рода. — Здесь есть Xbox!

— И как же мы его запустим, если все обесточено? — Род еще сопротивлялся, хотя и знал, что проиграл битву. Не из-за приставки, конечно, а просто Лея была права — здесь явно никто не жил уже давно, а ночевать в больнице действительно уже смертельно надоело. К тому же там мертвецы. И воды нет.

— Пф! — Лея даже возмутилась. — Найти рубильник и включить его — дело пяти минут. К тому же в подвале я видела генератор, а значит, мы совершенно независимы от того, что происходит вокруг.

— Тебе-то откуда знать, как он выглядит?

— А мне бабушка показывала! Она, между прочим, физик!

Род признал поражение. Но чтобы это было не так заметно, выставил несколько условий: не брать то, что не нужно для жизни, не свинячить и не… Третье «не» он придумать не успел, а Лея уже охотно приняла его правила.

Они договорились пользоваться кухней, гостиной с низким огромным диваном и большой ТВ-панелью на стене (Xbox прилагался) и двумя спальнями. С последними, впрочем, вышел неожиданный облом, когда в первую же ночь они столкнулись в дверях гостиной. У Леи в руках были подушка и одеяло, Род ограничился пледом. Даже объяснять ничего друг другу не стали, молча устроились по разным концам дивана, и в других комнатах спать уже не пытались. Через пару дней Лея нашла новогоднюю гирлянду и навесила ее на стену над телевизором. Для этого ей

пришлось вбить около десятка гвоздей, и Род, хмуро наблюдающий за ее действиями, сделал попытку придраться:

— Мы же договаривались: брать только то, что нужно для жизни.

— Это просто *необходимо* для жизни, — твердо сказал Лея, и он не стал спорить, а ночью в очередной раз признал ее правоту: с разноцветными фонариками засыпать оказалось гораздо спокойнее.

Они продолжали обыскивать город, каждое утро выходили на охоту, ближе к вечеру возвращались ни с чем (и дважды в совсем уж дурном расположении духа: когда добрались до небольшого частного дома, в котором, как сказала Лея, она когда-то жила, и до пятиэтажки в спальном районе, который Род неуклюже окрестил своей «малой родиной»). Для удобства передвижений даже подрезали два велосипеда в магазине спорттоваров: конечно, не мегаполис, но и маленьким назвать их город было нельзя. На колесах всяко быстрее.

В глубине души они оба были уверены, что кроме них уже точно никого не осталось, особенно сейчас, когда прошло столько времени: выжившие должны были или показаться, или все равно умереть; но признаться в этом друг другу и даже себе было немыслимо. Тень надежды держала их на плаву, заставляла просыпаться по утрам, принимать душ, выходить на улицу, мыть полы в гостиной и убирать посуду со стола, искать еду в магазинах, стрелять по зомби на экране и по бутылкам на заднем дворе, делать хоть что-то, чтобы только поменьше думать о происходящем.

Об *этом* они вообще старались не говорить. Что тут обсуждать? Все умерли непонятно, почему, они остались — непонятно, зачем. Лучше уж играть в приставку и вспоминать, какая была жизнь до того, как *это* случилось.

— У нас большая семья была, — рассказывала Лея. — Мама, папа, старшая сестра, она в музыкальном училище учится… училась. Красивая — обалдеть! И каждый день на пианино играла, классно так! Двое братьев младших, они у нас близнецы. Но они совсем еще дураки были, маленькие, только все ломали, даже говорить почти не умели. Я их в свою комнату не пускала никогда. И бабушка…

— А у меня ни братьев, ни сестер, — говорил Род. — Только мама с папой. Ну, и бабушка тоже. Знаешь, какие она пироги пе…кла! Каждый день по два пирога: один соленый, с мясом или картошкой, а второй — сладкий. Я больше всего с клубникой любил.

— Я бы съела, — вздыхала Лея. Пицца ей ужасно надоела.

— А еще бабушка любила вязать, она нам все вязала. У меня даже шарф как у Гарри Поттера был, полосатый такой. Я когда маленький был, все время его таскал.

— Здорово! Я тоже хотела такой, только моя бабушка вязать не умела.

— Зато она умела чинить розетки. Это круто!

— Ага. Только шарф все равно хотелось.

— Если бы все было… в порядке, я бы попросил бабушку связать тебе шарф.

Как-то случайно у них установился режим. Утром уходили искать живых, вернувшись домой, лезли на крышу и валялись там до заката, разговаривали, читали или просто смотрели в небо. Когда солнце садилось, а вокруг воцарялась кромешная тьма, уходили вниз: играть в приставку, ужинать, смотреть кино (недалеко от дома обнаружился прокат фильмов, и они заходили туда через день — взять новый диск и вернуть старый на место, Род настаивал на этом). Даже спать ложились почти в одно и то же время, не позже полуночи, кто бы мог такое представить *тогда*, когда они еще были обыкновенными подростками.

— А я когда-то читала одну книгу, — сказала Лея. Они как раз закончили очередной тур по экранному подземелью и переместились на кухню. Целиком замороженная пицца в микроволновку не лезла, и Род привычно пилил мерзлое тесто ножом. Нож от ежедневных упражнений немного затупился и двигался с трудом, больше разламывая пиццу, чем разрезая. Можно было бы взять другой, но Род решил, что испортить один — уже достаточно разрушений для чужого дома.

— Какую?

— Там, короче, все умерли от какой-то болезни. Остался только один чувак. И он очень переживал, сам чуть не умер от горя, а потом у него как-то так получилось, что все стало обратно как было.

— Не понял. Все ожили, что ли?— спросил Род, с усилием нажимая на нож.

— Не ожили, а он просто типа взял и отменил и болезнь эту, и смерть. Даже не отменил, а ну… как параллельную линию провел, — Лея, кажется, сама немного запуталась. — То есть, как бы получилось, что мира два. Один, в котором все умерли, второй — в котором все

живы и здоровы и ничего про то, что они умерли, не знают. Только он знает, и видит иногда, что ничего нет.

— Это как он так смог?

— А он их всех очень любил.

— И что? — все-таки это была какая-то очень мерзкая пицца, и на вкус, стопудово, тоже дерьмо окажется.

— Может, мы так же могли бы?

— Как — так? — Род, почти домучил будущий ужин и на радостях немного перестал улавливать смысл Леиных слов.

— Вернуть все обратно! Ты вообще слушаешь, что я говорю?

Род поднял голову и внимательно посмотрел на Лею. Она сидела на столе, в руке — стакан с томатным соком, лицо сосредоточено, словно речь шла о спасении мира. Хотя почему «словно»? Кажется, именно так она и воспринимала эту фантазию из книги.

— Если мы будем любить своих родных очень сильно, и желать, чтобы все вернулось обратно, то все может получиться. Только надо очень-очень сильно. И всерьез!

— Это невозможно, — сказал Род, кладя нож.

— Это еще почему? — Лея дернулась, будто ее стукнуло током, даже расплескала сок.

— Потому что смерть нельзя отменить, — Род нашел тарелку, положил на нее половинку пиццы, сунул в микроволновку. Все делал очень аккуратно, чтобы Лея не увидела, что у него задрожали руки. — Это фантастика.

— Почему это фантастика? — Лея спрыгнула со стола, ткнула пальцем в сторону окна. — Вот *это*, значит, было возможно? Все умерли не пойми почему — это, значит, ништяк и по правде. А обратно — значит, фантастика?

— Да, фантастика, — Род пожал плечами. — Умерших воскресить невозможно. Даже зомби не существует, если ты внезапно не заметила.

Лея закусила губу, стараясь не расплакаться. Вспомнив ту старую книгу, она далеко не сразу рискнула рассказать о ней Роду, боялась, что он будет смеяться. А он вот, еще хуже. Просто сразу отмел ее идею, как несостоятельную, и даже слушать не желает. А ведь она не просто языком потрепать о ней заговорила, у нее был план.

— Ты бы еще про живую и мертвую воду вспомнила, — Род внимательно смотрел, как крутится тарелка с пиццей. — Примерно то же самое. Дурацкая идея.

— Сам ты дурак! А еще Род Уокер! — она смела со стола стакан и выбежала из кухни.

Род вздохнул, поискал тряпку, чтобы вытереть неприятную томатную кляксу с пола, не нашел, махнул рукой — надоело этот идиотский порядок наводить без конца. Все равно ничего не изменится, хоть по уши грязью зарасти.

Ужинать Лея не пришла.

Когда Род вернулся в гостиную, она уже спала, или делала вид, что спит: лежала на диване с закрытыми глазами. Род устроился на своей стороне, постаравшись сделать это как можно осторожнее.

Некого мне так любить, шептал он, глядя в потолок, подсвеченный фонариками. Некого, поняла? Это у тебя и родители были, и близнецы, и сестра, и даже бабушка еще. А у меня — никого. Даже если бы твоя идея и могла бы сработать, она бы не сработала все равно. Интернатских я, что ли, так любить должен? Воспиталок? Училок? Или доктора в больнице? Дура!

— Бесполезно, — произнесла Лея, и Род чуть не подпрыгнул — от неожиданности. Вытянул шею, вгляделся нее, глаза закрыты. Интересно, слышала, что он бормотал?

— Чего — бесполезно? — спросил наконец.

— Любить бесполезно, ты прав. Потому что некого.

Все-таки слышала… А, может, и правда спит? Голос у нее был слишком уж тихий и какой-то ненатурально ровный. В интернате многие болтали во сне. Если подкараулить момент, можно было задавать вопросы, а они отвечали. Иногда получалось очень смешно. А иногда — страшно.

— Да ладно! — он не поверил. — А предки? А близнецы твои? Бабушка?.. Ты их что не любишь, что ли?

— Нет никаких близнецов. И бабушки нет. Никого нет, я все придумала, — ответила Лея, перевернулась на бок и больше на вопросы Рода не отвечала.

Утром Род решил не напоминать Лее о ночном разговоре. Дождался, пока она проснется, сунул ей под нос тарелку с двумя кусками холодной пиццы и стакан с соком, и ушел.

— Я до супера, — сказал от двери. — Я быстро.

Вернулся, правда, еще быстрее, чем предполагал. Ворвался в дом, напугав Лею, которая все еще сидела в пижаме над завтраком:

— Пошли!

— Куда? Что случилось?

— Пошли же, сама увидишь, — он дернул ее за рукав, и Лея подчинилась. Пошла за ним как была: в пижаме и с куском пиццы в руке. Только ботинки надела и пояс с кобурой; она, если бы могла, спать с пистолетом ложилась, но Род сильно ворчал.

До супермаркета бежали бегом. Когда ворвались внутрь, Лея чуть не споткнулась о мужчину, лежащего прямо у порога.

— Смотри! — Род присел на корточки возле мертвеца, взял его руку и поднял повыше, чтобы было лучше видно. Лея охнула: у мужчины не было кисти, но ее не оторвали, не отрезали — ее словно стерли ластиком, немного неровно. Все внутренности видны — сосуды, кости, застывшая кровь, но никаких следов повреждения. Вот стерли и все тут.

— Как это? — Лея внимательно разглядывала место, где когда-то начиналась кисть.

— Сам хотел бы знать, — ответил Род, бросая руку. Обвел ладонью холл магазина, наполненный мертвецами. — У многих так. У кого-то ухо исчезло, у кого-то нос. Можешь не проверять, если противно, я многих осмотрел.

Откуда-то издалека раздался грохот. Род вскочил, Лея тревожно заозиралась. До сих пор единственными звуками нового мира были только те, что они издавали сами. Стояли, прислушивались, обоим казалось, что вокруг что-то здорово изменилось, но что — еще непонятно.

— Ты, кстати, заметил, что они не пахнут? — спросила Лея. — Мертвецы, в смысле.

— А должны? — Род почему-то ни разу об этом не задумывался.

— Конечно, балда. Они мертвые, а на улице лето. — Лея помолчала и призналась: — Правда, я только сейчас это поняла.

— Я вообще не понял, — Род знал, как ободрить ее.

Несколько дней они не выходили из дома. Делали вид, что не хотелось, хотя на самом деле были изрядно напуганы. Сидели в гостиной или на крыше, прислушивались и следили за окрестностями. Ничего, впрочем, не происходило. Мертвецов в поле зрения не было, поэтому понять, продолжают ли они растворяться,

было невозможно. Грохот, который они слышали в супермаркете, не повторялся.

— Может, это просто что-то упало? — спрашивала Лея. — Ну, знаешь, без людей все ветшает, потом отваливается.

— Так быстро?

— Мало ли. Закрепили плохо. Были бы живые, уже поправили бы, а так...

— Отвалилось... Ну да, — Род вздохнул. — Слушай, я так больше не могу. Давай куда-нибудь пойдем. Ну, растворяются, ну чего теперь. Они все равно мертвые.

Лея обрадовалась.

— Пойдем. Только знаешь, поехали уже за город? Здесь все равно никого нет, а там...

Она не договорила, но и так было понятно. Почему они раньше об этом не подумали?

На всякий случай загрузили рюкзаки кучей полезного: карта, ножи, пледы, запасные носки, маленькая аптечкой из йода, пластыря и обезболивающего, два термоса с горячим чаем, несколько пачек с печеньем и огромная шоколадка, которой при должной бережливости могло хватить очень надолго. Пока Род мотался в супер за недостающим, Лея подтянула болты на велосипедах и заменила батарейки во всех четырех фарах, почистила и смазала цепи. Пистолеты у нее были в порядке всегда.

Выехали около десяти, сразу взяли хороший темп и уже через час доехали до шоссе, ведущего на Москву. Когда объезжали перекрывшие въезд в город машины, снова услышали грохот. Только теперь звук был гораздо ближе, громче и шел словно бы из нескольких точек сразу. Немного подумав, все же решили ехать дальше. Возвращаться, нассав в штаны, как неизящно выразился Род, казалось им гораздо худшим вариантом, чем все остальное на свете.

Но далеко уехать не удалось. Через несколько километров все внезапно закончилось, причем в буквальном смысле: пропасть, разорвавшая шоссе, простирался направо и налево докуда хватало глаз. А впереди и вовсе ничего не было: если где-то шоссе и вообще земля и начинались снова, то отсюда этого было не видно. Спешившись, Род и Лея смотрели на обрыв.

— Край земли. Конца света нам, конечно, мало было, — шепотом сказал Род и сделал шаг вперед. Лея дернула его за руку: не лезь.

— Я осторожно, — пообещал он, продолжая двигаться. Метров за пять до того места, где земля заканчивалась, не выдержал, встал сначала на четвереньки, а потом и вовсе лег на живот, к краю подползал по-пластунски. Несколько секунд вглядывался вниз и вперед, пытаясь увидеть хоть что-нибудь кроме молочной пустоты. Потом нащупал рукой небольшой камень, кинул вниз. Надеялся по звуку определить, насколько там глубоко, но, как ни прислушивался, ничего не услышал.

Неподалеку грохнуло. Вздрогнула земля, взвизгнула Лея, Род дернулся и, испугавшись, чуть не вскочил на ноги, но все-таки удержался. Сделал три глубоких вдоха и быстро-быстро отполз назад.

— Там ничего нет, — сказал он, немного придя в себя. — Вообще ничего. Совсем.

Они ехали вдоль обрыва на почтительном расстоянии, справа виднелся город, слева была пустота. То сзади, то спереди, то дальше, то ближе раздавался грохот, через неравные промежутки времени землю потряхивало, это нервировало и сбивало с толку.

— Все, — сказал Род, останавливая велосипед и разворачиваясь спиной к пропасти. — Хватит. Поехали домой, дальше все то же самое.

К этому моменту они двигались уже часа два. Шли перпендикулярно шоссе по полям и узким грунтовкам, кое-где приходилось давать круг, объезжая пустые дома, заборы, посадки и даже целое настоящее болото, такое же мертвое как и все остальное.

— Мы должны ехать до конца, — упрямо сказала Лея. Она очень устала, но держалась молодцом. — Не может быть, чтобы это было везде. Где-то есть еще дорога, не знаю, переход какой-нибудь... Должен быть!

Род собрался ей что-то возразить, но в этот момент загрохотало прямо рядом с ними. Под ногами закачалось, задергалось, они едва устояли.

— Род! — Лея в ужасе смотрела туда, где начиналась пропасть. Она приблизился к ним. Только что до обрыва было не менее ста метров, теперь осталось меньше десяти: кусок земли просто исчез, словно его стерли ластиком — вот только ластики не издают таких громких и страшных звуков. Вниз падали камни и исчезали в никуда.

Они мчались оттуда, выжимая из велосипедов все, на что эти железки только были способны. Не разбирая дороги, почти ничего не видя вокруг. Сил и концентрации хватало только на то, чтобы удержать руль и удержаться самим.

Остановились только в городе. Бросили велосипеды, сами обрушились на газон. Лежали, тяжело дыша, вслушиваясь: грохота не было слышно, или он просто прекратился, но вряд ли надолго.

— Все, — сказала Лея и заплакала. — Это все.

— Подожди. Может, еще не все так страшно...

— Не так?! — Лея закричала на него. — А как должно быть еще страшнее? Все остальные хотя бы просто взяли и умерли, а нам... а нас такое вот ждет!!! Вот это вот хрясь...

Она зарыдала еще сильнее. Род растерянно смотрел на нее, понимая, что шоколадкой тут не обойдешься, и ему тоже захотелось зареветь. Просто до ужаса захотелось.

Домой так и не пошли. Сидели на газоне, укутавшись каждый в свой плед, пили чай — термосы хорошо выдержали путешествие. Лея уже почти не плакала, только время от времени судорожно всхлипывала. Род грыз ногти и думал, что не проще ли будет взять и застрелиться сразу. То есть, сначала ее застрелить, потом себя. Два раза нажать на курок и все, и не надо мучиться. Время от времени касался кобуры и отдергивал руку: не смогу.

— Моя бабушка не умеет вязать и печь пироги, — сказала вдруг Лея. — Зато она умеет паять, чинить розетки и вкручивать лампочки. Я ее очень люблю.

Ее голос дрожал, она глотала окончания на выдохах и запиналась.

— А моя сестра — самая красивая девчонка на свете. Она учится в музыкальном училище и очень круто играет на фортепиано. Я ее очень люблю.

Род со свистом втянул в себя воздух.

— А моя бабушка... — сказал он. — Моя бабушка каждый день печет два пирога — один соленый, а другой — сладкий. Я больше всего люблю с клубникой. И очень-очень люблю бабушку.

— А мои братья еще совсем маленькие и еще не умеют разговаривать. Но они близнецы и понимают друг друга без слов. Они ужасно смешные и я их очень люблю.

— А мой отец разбирается во всех автомобилях на свете и может починить даже самую убитую тачку. Он крутой и я… я его очень люблю.

— А моя мама знает два языка. Она преподает в колледже и ее все очень уважают. Я ее очень-очень люблю и скучаю по ней.

— А моя мама — медсестра, она умеет снимать любую боль даже просто руками. Я тоже очень-очень люблю ее.

— А мой папа — инженер. Он может построить любой дом, он наш построил. И еще он очень смешно рассказывает про что угодно. Я его очень люблю.

Они говорили и говорили, и две никогда не существовавших семьи обрастали характерами, повадками и привычками. Род и Лея не перебивали друг друга, но когда запинался один, второй подхватывал. Бабушки готовили обеды и ремонтировали плееры, отцы учили водить автомобиль и разбирались с обидчиками, мамы утешали и распекали за двойки, близнецы болтали на птичьем языке и ломали все до чего могли дотянуться, а старшая сестра все играла и играла своего обожаемого Брамса и никак не могла остановиться.

Вставшее солнце нашло их спящими прямо на том же газоне. Род свернулся калачиком, Лея разметалась морской звездой, скинув плед. Они оба улыбались.

***

— Доброе утро, засоня!

Оля открыла глаза, с трудом соображая, где она находится. Огляделась: вокруг была родная комната, уютная, привычная. Рядом с кроватью стояла бабушка, от ее очков по комнате прыгали солнечные зайчики.

— И долго спать будем? — бабушка не выглядела сердитой, она просто всегда немного ворчала. Так, считала она, порядка будет больше. В одной руке у бабушки был паяльник, что-то чинить опять собралась. За стеной верещали близнецы, сверху доносились звуки

осточертевшего всем Брамса — Ленка специально вставала рано, чтобы успеть поиграть подольше.

— Надеюсь, это не для меня? — спросила Оля, показывая подбородком на паяльник. — Я уже встаю!

— Еще чего! — возмутилась бабушка. — У твоей сестры наушники опять сломались. Что она с ними делает, ума не приложу!

Оля потянулась, сладко зевнула и снова закрыла глаза, мысленно буркнув на бабушку: и зачем надо будить в каникулы-то? Сон такой странный снился, хоть и страшноватый, а теперь иди вспомни, одни ощущения остались и ни одной картинки.

— Кстати, — сказала бабушка, развернувшись к выходу. — Там пришел какой-то очень странный молодой человек и потребовал девушку, живущую в нашем доме. Назвал, правда, вроде как Леной, поэтому сначала я выдала ему твою сестру, но она его почему-то не устроила. Так что теперь ты иди, он уже полчаса под калиткой топчется. Пока тебя добудишься!

Мозг спросонья плохо обрабатывал информацию, медленно. Молодой человек? Леной? Бабуля, конечно, как всегда — все самое важное говорит в последнюю очередь. А почему Леной назвал, а Лена ему не подошла?.. Оля снова начала засыпать, где-то под веками заметались разноцветные огоньки.

— Кстати, — бабушка снова появилась в дверях. — У него шарф, как ты хотела, как у этого твоего Гарри Поттера. Спроси, где взял, я тебе подарю, раз уж связать не получилось.

Оля резко открыла глаза. Перед ними пронеслись мертвецы, Xbox, замороженная пицца, крыша особняка, велосипеды, шоссе, пропасть... Такой странный сон. На правой руке резко заныла длинная, от запястья до локтя, царапина. Сон?! Род!! Мамочки!!!

Она вскочила, бросилась к двери, на пороге замерла на секунду, глупо задумавшись, не стоит ли переодеться. Потом плюнула, вылетела на улицу, как была — в пижаме и босиком. Род стоял у калитки в длинном полосатом шарфе, вытанцовывал ногами нетерпеливую чечетку. Увидев ее, несмело улыбнулся, одними губами сказал «Привет».

Совсем рядом загрохотало, и ей понадобилось целых несколько секунд, чтобы понять: это сердце, это всего лишь ее сердце.

2014 г.

Где белое-белое небо по ночам

Девочку принесла из Леса группа Зеленского. Чуть не опоздали к поднятию купола. Дежурная вахта сидела как на иголках. Еще пара минут — и пришлось бы докладывать коммандеру о чрезвычайном происшествии.

Хотя и так же пришлось. Появление местных в поселке само по себе могло стать причиной серьезных разборок с Центром, а тут мало того, что сами притащили, так еще и ребенка. Без сознания! Поэтому как только на мониторах появилась тройка Зеленского, старший по

вахте рванул к коммандеру. Не забыв, конечно, по дороге оповестить всех заинтересованных.

На потрясающие новости коммандер Павлов отреагировал сухо. Кивком отослал вахту на место и тут же засунул правую руку в рот. Годы учебных заведений и службы в дальнем космосе так и не смогли отучить его грызть ногти, когда надо было подумать, что делать дальше. Разведчики когда-нибудь в гроб вгонят коммандера.

Когда ногти сточились под корень, коммандер тяжело вздохнул и вышел во двор. Большой купол уже закрылся и под тусклым светом ночных фонарей собрался весь поселок. Не хватало только ученых, которых происходящее за пределами малого купола никогда особенно не интересовало, вахты, жадно следившей за происходящим с мониторов, и Дока, который ногтей не грыз и горестных мыслей не думал, а быстро-быстро утащил девчонку к себе в медчасть — изучать и исследовать.

— Да у дерева нашли, знаете, большое такое, у болот растет, — возбужденно рассказывал Зеленский. — Там, кто видел, дыра огроменная, не то, что ребенка — Гордея вон спрятать можно...

Собравшиеся закивали: дерево приметное, все, кто в Лес ходил, видели. И Гордей — в миру сержант Эван Гордон, громила шоколадного цвета и временами несладкого характера — действительно с легкостью поместился бы под его корнями.

— Я заглянул-то случайно, сам не понял, чего меня туда понесло! — встрепанный Зеленский был похож на курсанта-первогодка, впервые вышедшего в тренировочный полет. — А потом смотрю — лежит. И живая вроде, только без сознания. Вытащили и сюда... Ой, добрый вечер, коммандер! Видали, что у нас?

Павлов хмуро кивнул. Лучше бы, конечно, не видал. Как он будет это завтра Центру объяснять? А этим что говорить? Отнесите, где взяли? Да весь поселок на уши встанет: коммандер ребенка в Лес вышвырнул! А что этот ребенок, может, сам порождение Леса — об этом бравые спасители, конечно, подумать просто не успели... А если она?..

Из медчасти вышел Док, кивнул собравшимся и молча поманил к себе коммандера.

— Что там? — Павлов старался держать себя в руках.

— Ребенок, — ответил Док. — Самый обычный человеческий ребенок. Ну, местный, понятно, но обычный.

— Уверен?

— Абсолютно, — Док слегка усмехнулся. — Тройной биохимический анализ крови, кожа, волосы… все, в общем. Обработал. Проверил. Не лесная она.

В принципе, Доку можно было верить. Это сейчас, когда все исследования прибрала к рукам Корпорация, он простой медработник на зарплате. А так-то Док был одним из первых, кто вообще появился на этой планете. Даже сидящая в малом куполе компания ученых меньше знала о химии и физиологии местных, чем он. Док даже в деревне успел пожить, вспомнил коммандер, пока запрет не вышел. Лечил их там чего-то, контакты налаживал… ну и тройные биохимические брал, конечно.

— А что с ней?

— Ничего, с чем бы не справилась современная медицина в моем лице. Сильное истощение, глубокий обморок. Я вколол ей парочку лекарств, пусть отходит. Diagnosis bona — curatio bona.

— Чего?

— Нормально, говорю, все будет. Не волнуйся.

Не волнуйся! Как все просто! А объясняться за эту находку кто будет? Доктор будет? Зеленский будет? Коммандер Павлов будет, вот кто.

— Я посмотрю? — Павлов изо всех сил держал себя в руках.

Доктор легко махнул рукой в сторону двери: смотри, коммандер. Не замечая, что снова грызет ногти, Павлов вошел в медчасть.

Девочка была крохотная. Лет шести, на первый взгляд. Худенькое тельце, заботливо укрытое одеялом, коротко стриженные серые — почти что седые — кудряшки, широко расставленные глаза. Настолько широко, что коммандер еще раз усомнился в ее человеческом происхождении, пусть и местном. Надо посмотреть еще на эти анализы, лесные твари хитрые… Может, пока Док тут нас от порезов лечит, они себе новую биохимию отрастили.

— Через пару деньков придет в себя, — сказал Док. — Можно будет к народу выпускать.

Павлов вздрогнул и вынул палец изо рта.

К тому моменту, когда Док выполнил свое обещание и выпустил девочку во двор, поселок успел разделиться на два

противоборствующих лагеря. Большая часть считала, что ребенок никакой угрозы не представляет, меньшая нервничала и требовала отправить ее, откуда взяли. На худой конец, отвести в деревню, пусть местные с ней и разбираются.

Противников было меньше: группа Жукова, известная своей непримиримой идиосинкразией ко всему местному, да еще несколько человек обслуживающего персонала — людей гражданских и, в целом, довольно нервных. В основном разведчики были рады. Последние полгода их работа сводилась к дежурным вылазкам в Лес и ночным бдениям за вахтенными мониторами. Поселок изнывал от скуки, а появление живого ребенка эту скуку сводило к нулю.

Самыми преданными поклонниками малышки из Леса стала, конечно же, группа Зеленского. Это они дежурили у медчасти, первыми встретили девочку во дворе, дали ей имя и придумали для нее добрый десяток игр. По вечерам, когда купол закрывал поселок от белой ночи с ее кошмарами, территория не пустела, как раньше. Теперь здесь носились разведчики с мячиками из носков и воздушными змеями из старого пластика во главе с маленькой девочкой из леса.

— Как дети, — ухмылялся Док, глядя на них из окна медчасти.

Коммандер Павлов угрюмо кивал. Он так до сих пор и не передал информацию о найденном ребенке в Центр. Просто не смог.

— Расслабься, коммандер, — говорил Док, подливая Павлову в стаканчик розовый коктейль из спирта и витаминов. Хороший коктейль, Док сам придумал. И забирает как надо, и голова по утрам не болит. Расслабляешься.

Больше всех с девочкой возился Гордей. Молодой и красивый разведчик, он уже несколько лет страдал от того, что его жена никак не может родить ребенка. Уж каждый свой приезд Гордей старается, а все никак.

— Вот ее и заберу, — говорил Гордей, плетя из остатков проводов очередную игрушку для своей любимицы. — Увезу домой, удочерим...

— Жена-то обрадуется? — смеялись разведчики.

— Обрадуется, — отрезал Гордей и уходил учить свою будущую дочь разговаривать или бить чечетку. В Академии Эван Гордон был первым танцором и мечтал когда-нибудь создать группу из

собственных детей. Наконец-то у него появилась первая ученица. К Гордону малышка привязалась намертво, а к танцам оказалась значительно способней, чем к языкам. Зеленский, которому досталась почетная роль аккомпаниатора, уверял, что Гордей уже может выводить свою подопечную на столичные сцены.

— Да она круче, чем Ширли Темпл! — уверял Зеленский, большой любитель допотопного кино. — Вся Галактика обрыдается.

Через пару недель к девочке привыкли окончательно, даже группа Жукова смягчилась и перестала за каждым ужином шипеть о том, что надо бы еще проверить... Коммандер Павлов вроде как тоже привык, во всяком случае, позавчера, после очередной стычки с малым куполом, он обнаружил, что снова может грызть ногти — отросли. И во время сеансов связи с Центром уже не обливался холодным потом от мысли, что полковник Энгер увидит в его глазах отражение лесного ребенка и преступной халатности.

Только малый купол до сих пор жил в неведении. Ученые не очень-то часто выбирались наружу, что их тут может заинтересовать, а новые трофеи из Леса, если таковые случались, им приносили прямо к порогу, в герметичных контейнерах. Впрочем, оно и к лучшему, соглашались разведчики. А то заберут малышку и начнут исследовать. А они не Док, тройным анализом крови не обойдутся, разберут на кусочки и поминай, как звали.

Старшина Жуков ненавидел все и всех. Планету, лесных тварей, разведчиков, ученых, коммандера, даже безобидного Дока. Он был уверен, что попал на эту идиотскую службу по ошибке. Его ждал дальний космос, большие корабли, новые звезды, а не этот отвратительный кусок камня, по недоразумению оказавшийся обитаемым. Сцепив зубы он ждал, когда закончится его смена на планете, ждал, когда придет катер и увезет его сначала на орбитальную базу, а потом домой. А пока ждал — ненавидел.

В последние дни ненависть Жукова сконцентрировалась в лесной девчонке. Он был уверен, что ее нужно вышвырнуть обратно в Лес или хотя бы отдать ученым — пусть рассматривают ее под своими микроскопами. Ему было противно даже быть рядом с этой кудрявой пигалицей, он боялся, что однажды она превратится в одну из этих тварей, что бьются в купол по ночам, он убеждал себя и других, что она опасна и отвратительна.

Однажды Жуков попытался сдать девчонку ученым, но, к счастью, они его не поняли.

— Новый объект? — рассеянно сказала старшая смены, худая и нервозная Ингрид Свонсон. — Но мы не заказывали новых объектов.

Жукову не хватило слов объяснить ученым, что в поселке появилась лесная тварь. Это просто не укладывалось в их высокообразованные головы — такое нарушение всевозможных инструкций. При коммандере Павлове? Да никогда!

Когда же коммандер Павлов решился нарушить еще одну инструкцию и отправил группу в деревню, Жуков с замиранием сердца ждал ее возвращения. Обыскались там, небось, своей ляльки. Пусть забирают. Только поскорее.

Надежды коммандера и мечты Жукова не сбылись. Группа опоздала: деревня уже ушла, сезонная миграция началась раньше, чем обычно. Так что, если и их ребенок, то ждать теперь до самой весны. А это другая смена, а это, значит, все полгода до отбытия Жукову придется жить в одном поселке с тварью. К этому моменту старшина уже уверил себя, что девчонка — из Леса. Не могли же местные ее совсем бросить, если она с ними, верно?

Ненависть разъедала Жукова, но поделиться ею он ни с кем уже не мог. Даже его собственная группа постепенно перестала согласно кивать, когда он заводил разговор о девчонке. И все чаще вечерами собиралась там, где Эван Гордон и лесная малышка танцевали под губную гармошку Зеленского.

Когда группа Зеленского уходила в Лес, девочка замирала — словно переставала существовать. Залезала на высокий забор и смотрела, не отрываясь в ту сторону, откуда должны вернуться разведчики. Сначала ее оттуда сманивали, потом сгоняли, пытались отвлечь игрушками или обедом, но все без толку. Нет Гордея — сидит на заборе. Потом плюнули. Присматривали, чтобы не свалилась да и все. Дождется, пока группа дезинфекцию пройдет, сама слезет и уже на Гордее висеть будет. Пусть себе.

Этот день ничем не отличался от других. Ученые с утра затребовали болотной воды и черных мхов для новой проверки очередной безумной идеи. Группа Зеленского ушла в Лес. Вахтенные несли вахту. Повара готовили обед. Док дремал в медчасти. Девчонка

сидела на заборе. Коммандер готовился к еженедельному отчету в Центр. Все как обычно.

И только Жуков болтался по поселку, не зная, куда деться от очередного приступа ненависти. Он уже успел сцепиться со старшиной Кимом, наорать на свою группу, как следует попинать забор в дальнем углу поселка, но ничего не помогало. Ненависть заливала его, сжимала голову обручами, заставляла руки дрожать от бессилия.

К закату Жуков накрутил немыслимое кругов и остановился возле ворот. Девчонка сидела на заборе, смотрела на Лес.

— Чего сидишь, коза? — злобно сказал Жуков. — Пришла твоя группа уже, в дезинфекторе сидит. Слепая, что ли?

Лесная тварь оглянулась на него, хитро оскалившись. Во всяком случае, Жукову так показалось.

— Чего скалишься? Сожрешь нас как-нибудь, тварюга.

Жуков говорил негромко, немного боялся, что услышит кто-нибудь. Даже оглянулся кругом — нет ли рядом разведчиков. Но двор был на удивление пуст. Из будки, где группа Зеленского снимала с себя лесную грязь и паковала находки в контейнеры, доносился смех — вряд ли там расслышат его бормотания.

О том, что девчонка нажалуется кому-нибудь на его хамство, Жуков не думал. Как ни бились разведчики, она до сих пор плохо говорила по-человечески, больше рассчитывая на сообразительность окружающих и свою богатую мимику. Вон рожи какие корчит, коза драная. Вот бы толкнуть, пусть летит за забор.

Эта случайная злая мысль вдруг так заворожила Жукова, что он на несколько минут забыл о своей ненависти. Могла же она сама упасть? Могла, вон как сидит неуклюже. А могло это случится, когда купол поднимается?.. Жуков посмотрел на часы — минуты две осталось. Тут же коротко взвыла сирена, предупреждающая о переходе на ночной режим. Девчонка сидела, словно не замечая предупреждения. Сиди, сиди, тварюка.

Жуков подошел ближе. Еще ближе. Еще немножко. Забор был не слишком высок для взрослого человека. Только руку протяни и она полетит вниз. Еще полминутки, главное не упустить момент, главное — не упустить… Щелкнули ворота, закрываясь. Еще чуть-чуть. Жуков вытянул руку и чуть было не отдернул ее назад — девчонка обернулась. Смотрела в упор серыми глазами.

— Что смотришь, тварь?! — он взвизгнул и резким движением толкнул ее. Вторая сирена перекрыла ее птичий крик, купол начал подниматься. Жуков быстро огляделся по сторонам и трусцой побежал к своему домику. Впервые за последние несколько недель он чувствовал себя спокойным, почти счастливым.

Первые годы своей жизни она не умела бояться. Потом научили: страшными сказками, ночными тенями, резкими звуками. Когда деревня кочевала, старухи заворачивали детей в одеяла и не спускали с рук, на стоянках запрещали выходить за пределы первых костров. Не двигайся, не шуми, молчи и слушай. Но как ни учили, Лес, дающий и отбирающий жизнь, все равно брал свое. Взял и ее, она даже не заметила, как осталась одна. Она кричала и плакала, но деревня уже ушла далеко. Они никогда не возвращались за потерями.

Ей повезло пережить несколько ночей — кто бы смел рассчитывать на большее? Огромное дерево скрыло ее своими корнями от тварей, что выходят на белый ночной свет. А потом ее нашла чужая деревня. Доброе, веселое, непонятное племя, рядом с которым она почти забыла, что такое страх. Она не понимала их языка, но улавливала движения их глаз и губ и была уверена, что пока они рядом — Лес не придет за ней.

Не надо было даже и смотреть на него, но удержаться было невозможно. Когда семья скрывалась за ветвями, ее охватывал ужас и она, подчиняясь ему, лезла на большие столбы, защищающие племя, и смотрела им вслед. Она думала так будет всегда, пока не пришел этот. Почему она не почувствовала его злости? Ни в одной деревне, говорили старухи, не обижают детей, даже чужих. Дети — это жизнь, кто посмеет поднять на них руку?

Когда она поняла, что назад, в деревню, не вернуться, страх вернулся к ней. Он заставил бежать. Она даже не думала, просто летела через стремительно просыпающийся лес — туда, к дереву, которое однажды спасло ее и могло спасти снова. А завтра семья найдет ее, обязательно найдет.

Белая ночь светла, но в лесу все равно сумрачно. Огоньки с болот сбивали с толку — туда не надо, не надо. Чьи-то глаза внимательно смотрели за бегущей добычей. Чье-то дыхание преследовало ее. Кто-то визжал, ухал, стонал, смеялся.

Она бежала, а ветви хватали ее за волосы и руки, обрывали одежду, черная трава вставала на пути, обвивая, сбивая с ног. Она падала, вставала, бежала снова. Кто-то тихонько засмеялся у нее за плечом, даже не оглянулась. Кто-то запустил тонкие пальцы за шиворот, перекатилась кубарем, придавила и дальше. Кто-то шевелился у нее в волосах, проникая острыми жалами под кожу, она не чувствовала. Дальше, дальше, только бы добежать до дерева. Только бы найти его.

Бежать было все труднее, сначала она перешла на шаг, потом почти ползла на четвереньках — лишь бы двигаться, не останавливаться, не сдаваться. Дерево уже стояло впереди, видно дыру, в которой она провела те ночи, совсем же немного осталось, несколько шагов. Из последних сил она рванула вперед, так что кто-то висящий на ногах оторвался с воем, оставив три глубоких царапины на правой лодыжке.

Рванула — и упала прямо на ствол, врезавшись в него головой и грудью. Спаслась! Дерево удовлетворенно вздохнуло, чавкнуло и всосало ее вместе с листьями черной травы и жгучими насекомыми в волосах.

Мониторы как обычно были развернуты лицом в стену. Ночная вахта предпочитает смотреть кино на портавизоре, что-нибудь не такое страшное. Например, фильмы ужасов, где монстры картонные, а кровь томатная. Устав не одобряет, но коммандер закрывает глаза. Куполу лесные твари не повредят, а психика у разведчиков не железная.

Но сегодня смотреть придется. Вздохнув, коммандер Павлов потребовал вернуть мониторы на место и отмотать снятое к закату. Нет, звук можно не включать. Пока старшина Ким копался в файлах, Павлов думал, что надо будет потом зайти к Доку — пусть капнет своего коктейля. Сил никаких не осталось.

— Нам смотреть? — спросил Ким, голос его немного подвел. Его вахта должна была увидеть, как девочка осталась снаружи, не поднимать купол, вернуть ее назад. Должна была — и не смогла. Киму очень хотелось прямо сейчас уйти в Лес и пропасть там навсегда.

— Как хотите, — буркнул коммандер.

На экранах ничего не происходит, до того, как небо станет белым, не меньше десяти минут. Просто Лес — такой мирный и красивый днем, просто солнечный свет понемногу уходит, уступая место белесым облакам, просто немного дрожит земля — начинает подниматься купол. Коммандер вздрагивает: с неба кто-то упал темным клубком.

— Малышка! — ахнул кто-то у Павлова за спиной.

На пару секунд девчонка пропала из поля зрения камер, затем появилась снова — растерянная, взъерошенная. Мечется, размахивая руками, пытается зацепится за гладкую поверхность уходящего вверх купола. Она не кричит, только кривится в беззвучном плаче.

— Господи, — сзади уже не ахают, сзади шепчут сквозь сжатые зубы.

— Не смотрите, — Павлов сам бы хотел отвернуться. Но если он поддастся, какой он после этого коммандер? И он смотрит.

Поняв, что положение безнадежное, купол ушел и ее даже не слышат, девочка перестает плакать и прыгать, а разворачивается и со всех ног бежит к Лесу. Так, словно там можно спрятаться, можно спастись... Свет вокруг становится все белее и белее.

— Зачем? — вздохнул Ким. — Чтобы быстрее умереть?

— Чтобы мы не видели. Наверное... — не очень-то веря в то, что говорит, ответил коммандер. — Покажи-ка внутренние камеры.

— Да, коммандер.

Коммандер пулей вылетел во двор, только бы не опоздать. Но опоздал. Старшина Жуков весь в крови сидел на земле, рядом суетился Док, размахивал склянками и пластырями. Гордея держали трое и явно не справлялись. Сам Эван Гордон был похож на берсерка, если представить, что они могли быть такого цвета и носили форму разведчиков дальнего флота.

— Стоять! — рявкнул коммандер Павлов, но действия его крик не возымел. Гордей настроился убивать и с его плеч и спины уже скатывались разведчики, не способные удержать взбешенного друга.

— Гордон, твою мать! Стой! Стрелять буду!

Проклиная все на свете, коммандер Павлов выдернул пистолет. Он стоял напротив одного из лучших своих разведчиков, прицелившись и едва дыша. Потом говорили, что Гордею повезло —

коммандер едва не выстрелил. Только сам коммандер знал, что не смог бы сделать этого никогда. Проще было дать Гордею прикончить Жукова, а потом застрелиться самому.

— Эван, успокойся… Его смерть нам не поможет… Слышишь, Эван? Мы завтра пойдем ее искать, ты пойдешь, все пойдут, — поселок отозвался еле слышным гулом согласия на слова коммандера.

Гордей издал тяжелый рык. Жуков застонал под руками Дока, сам Док утешительно зацокал языком. У Павлова закончились слова, он просто ждал. Как ждал весь поселок.

Спустя долгие пять минут Гордон опустился на землю и зарыдал как младенец. Док тут же бросил все еще стонущего Жукова и подскочил к Гордею со шприцем, полным какой-то успокоительной гадости. Вколов, вопросительно глянул на Павлова. Коммандер мотнул головой — обойдусь.

Пока Гордея не увели, коммандер Павлов со спускового крючка палец не снимал.

Следующий день облегчения не принес. Группы разведчиков возвращались из Леса одна за другой, и с полным отсутствием новостей. Последней явилась группа Зеленского, и уж у нее-то новости были — дурнее не придумаешь.

— Я не должен был брать его с собой, — чуть не плакал Зеленский, съежившись на диване у коммандера в комнате. — И вы не должны были его отпускать! Не должны!

Коммандер Павлов грыз отсутствующие ногти, уже не смущаясь подчиненных. И он знал, и Зеленский знал, и весь поселок, что удержать Гордея было невозможно. Немыслимо просто, даже запирать не помогло: с утра он просто вышел сквозь дверь домика, не заметив замка, и стоял у ворот столбом, пока купол не стал опускаться.

Группа дошла до дерева, и смела его к чертовой матери, вывернув часть корней. Группа развинтила прилегающие кусты по веточке, распугав дневную живность — мелкую, безобидную. Зеленский и Гордон буквальным образом рыли землю, пытались найти хотя бы следы. Но их не было. Ничего не было, кроме полумертвого вялого дневного леса.

— Ее здесь не было, — устало сказал Зеленский. День шел к концу, пора было возвращаться.

— Надо искать, — ответил Гордей.

— Надо уходить. Скоро ночь.

— Я не пойду.

— Он не пошел, коммандер, — Зеленский все-таки расплакался, слезы текли по его щекам, но он даже не замечал. — Я угрожал. Я умолял. А он...

Эван Гордон был хорошим разведчиком, исполнительным, честным. Он ни разу в жизни не нарушал приказов командира. Но сейчас был готов. Он чувствовал, что его малышка, его доченька, его крохотная сероглазая радость была где-то рядом. Совсем рядом. Здесь не одно дерево, вон еще огромное, рядом с ним не смотрели, и вон еще... А за ними болота, может, она туда убежала? Сидит там по нос в бурой жиже, плачет. А он же вот, совсем-совсем рядом.

Гордей сделал шаг в сторону, потом еще один и еще. Потом побежал. Он не слышал, как кричал ему в спину Зеленский, не видел, как бросилась за ним группа, не чувствовал как бьют по лицу ветки, а земля под ногами становится все мягче. Ему вдруг почудилось, что он слышит детский крик — совсем рядом, вон за теми кустами. Ноги вязли, все глубже уход вниз при каждом шаге, в ушах бился звук ее голоса, горло рвалось от вони, исходящей от болот — чем дальше, тем сильнее. Он кричал, чтобы стояла на месте, чтобы не двигалась, что он сейчас придет. Совсем немного осталось, я уже рядом! Рядом!

— Я не мог за ним бежать, коммандер! — кричал Зеленский. — Ночь наступала, у меня группа! Я принял решение!

— Все правильно, Костик, — коммандер легко коснулся плеча Зеленского и велел позвать Дока.

Через сутки коммандер свернул все поиски и временно отстранил группу Зеленского от всех дежурств, потребовав от Дока затолкать в них как можно больше успокоительных. Если они, конечно, еще остались от попыток привести в чувство Жукова. Тот третьи сутки лежал в закрытом отсеке медчасти, пытаясь пробить головой стену, если ему не успевали вовремя вколоть очередную дозу.

В Центре никто никогда не узнал, что случилось на самом деле. Ни тогда, ни потом. Коммандер Павлов принял свою долю проблем

за пропавшего Эвана Гордона («несоблюдение инструкций») и сошедшего с ума Андрея Жукова («недобросовестный контроль за состоянием наличного состава»), и сдал смену досрочно, лишив половины гонорара и премиальных весь корпус. Никто не роптал, несмотря на то, что многим эти деньги были нужны.

— Смотри-смотри! — молодой разведчик Луке Батиста впервые отбывал смену, ему еще было интересно разглядывать Лес, пусть даже на мониторах. И закат, несмотря на все предупреждения, его пока не пугал. Подумаешь, монстры, что он в игрушки не играл и на тренажерах не сидел? Ладно бы еще лицом к лицу, а то купол всех закрывает, делов-то.

Его напарник по ночной вахте был более опытным, и всякой нечисти успел навидаться вживую, поэтому энтузиазма Батисты не разделял. Смотрел вполглаза на мониторы, а второй половиной — на портавизор, где красотка Анна как раз стянула с себя пиджак и останавливаться, кажется, не собиралась.

— Купол поднимается, поднима-а-ается, — мурлыкал Батиста себе под нос. — Город засыпа-а-ает, просыпается ма-а-афия.

Небо белело, опушку Леса накрыло легким туманом. Ветви деревьев начали причудливо изгибаться, раздвигаясь, выпуская на открытое пространство всех ночных тварей. Над верхними камерами замелькали тени, нижние смотрели, как земля ходит буграми прямо перед куполом.

— Твою мать! –Батиста подпрыгнул, напугав напарника. К этому моменту тот уже смотрел только на красотку Анну, на которой осталось совсем немного одежды.

— Рехнулся?! — злой от испуга напарник дернулся отвесить молодому балбесу подзатыльник, но так и замер с поднятой рукой.

Прямо перед воротами, среди беснующихся тварей, грызущих и царапающих купол и друг друга, среди тянущейся из земли черной травы, среди теней, падающих и взмывающих в белое небо, стояли двое, которых здесь быть не должно. Огромный темнокожий парень в оборванной форме разведчика и маленькая кудрявая девчонка. Словно почуяв, что на них смотрят, они подняли головы к камере и задвигались. Батиста потерял сознание, его напарник нажал кнопку тревоги.

Странно, уродливо, как две сломанные игрушки, разведчик и девочка били чечетку. Всего несколько движений — вперед, назад, разворот. И снова, и снова, и снова. Вперед, назад, разворот. До самого утра.

2016 г.

Ночная смена

До смены еще два с половиной часа, Юлия как всегда пришла заранее. Поболтала о погоде с дружелюбными охранниками, без спешки настроила под себя мониторы и кресло, запустила чистильщиков, застелила кровать в дальней комнате. Всю следующую неделю она проведет здесь, на двадцать первом этаже Службы Кляйнов, так что лучше все подготовить как следует.

Последним Юлия заварила чай в самой большой из оставшихся кружек — чтобы хватило хотя бы до полуночи и наконец зависла у панорамного окна: как следует насмотреться на вечерний Витус, прежде, чем нужно будет закрывать шторы. Упершись лбом в толстое ледяное стекло, в который уже раз вознесла хвалу богам и самой себе: что когда-то рискнула, наплевав на истерики семьи, смылась из своего глухого (хотя и весьма комфортного, не отнять) угла сначала в

армию, а потом и на Вангеру — свободную, опасную и веселую, особенно здесь в портовом городе Витусе. Она ни разу об этом не пожалела.

— База, прием! Кто спит на посту?!

Юлия охнула — засмотрелась! — и прыгнула к столу, едва не расплескав чай. Грохнула чашкой, схватила наушники, подкрутила колесико виртуального монитора, чтобы навести фокус и немного сместить картинку вправо — так удобнее следить за всем сразу. В наушниках с веселым раздражением повторили:

— База, мать твою за ногу! Группа Шини, Ирис на связи! Подъем, алло!

— Ирис, прием! — завопила Юлия. — Юла на связи, слышу вас.

Мониторы запищали, выстраивая изображения: Ирис, Бета, Лингва и еще кто-то в тени. О. Четвертого взяли, хорошо, давно пора. Четвертый всегда нужен, группа Шини после потери Киры уже полгода ходит усеченным составом. Кляйны орут, конечно, что техника безопасности и все такое, да только даже Кляйны группе Шини не указ. Самые крутые охотницы на всей Вангере, чего уж тут. И самые большие засранки, конечно. Но Юлии нравится работать с Ирис и ее командой, хотя, когда дело доходит до чего-то действительно интересного, плевали они на ее приказы. Но она все равно их любит.

— О, Юла, здорово! — Ирис машет рукой в монитор. — А у нас новенький, знакомься. Крутой парень, говорят. Иди сюда, Джо-Джо, Юла должна тебя рассмотреть как следует. Она — диспетчер и ее слово — закон. После моего, разумеется.

Ирис засмеялась и вытолкнула новичка под свет уличной камеры. Юлия вздрогнула и понадеялась, что на мониторах охотниц ее не видно (не должно бы). Новичок, конечно, был крут, как и считала Ирис, но еще он был и бывшим Юлии. Не самым последним и, к счастью, далеко не самым паршивым, но все-таки она немного занервничала.

— Кхм… привет, Джо-Джо, рада тебя видеть, кхм… снова.

— О, Юла, а вы чего, знакомы? — Лингва не смогла сдержать любопытства.

— Да, пересекались… Давно уже, — Юлия взяла себя в руки, восстановила дыхание. Ну, бывший, что ж теперь. Главное, чтобы слушался ее и Ирис, и ворон не ловил.

— Привет, Юл… ла, — кажется, Джо-Джо тоже не знал с кем будет иметь дело, его растерянность подбодрила Юлию. — Мой позывной — Робин.

— Поняла, Робин. Добро пожаловать в Службу.

Последние наставления (кого тут наставлять? они сами кому хочешь чего хочешь наставят, женщины из группы Шини), последние проверки, последние договоренности — традиционные перед сменой: а потом в «Красную кружку» по пивку, а? Ага, ну это… если доживем до этого «потом».

И наконец в наушниках раздалось веселое, раскатистое.

— Девочки, впер-р-ред! Зададим срани жару!

Группа ответила хоровым воплем, в котором Юлия едва-едва различила (и предпочла не заметить) ворчание Джо-Джо: и мальчики…

Группа неслась по ночному городу, управляемая собственным чутьем, навигаторами и голосом Юлии, перед которой весь Витус был как на ладони — на десяти внешних мониторах и одном виртуальном.

— Ирис, три часа, второй сектор, вышка.

— Есть, Юла, берем!

— Робин, окна.

— Есть… Юла.

Джо-Джо похорошел, подкачался. Когда они только начали встречаться, почти сразу же после того боя, ей даже ноги еще не успели новые прикрутить, Джо-Джо выглядел как звезда лунного баскетбола — худой, тощий и бледный. И не скажешь, что офицер и ветеран. А сейчас вон мышцы какие. Красавчик прямо. Самое то для ловца. А опыт дело наживное.

— Лингва, Ирис, двое, парковка, пятый сектор.

— Есссссть!

В наушниках било и громыхало. Юлия даже чувствовала запах гари и тухляка — как будто сама была там, на улице. И вот почему, думала Юлия, прочищая нос, почему на Баллатерре с местной флорой и фауной договориться удалось, на Штроуссе удалось, а здесь

не получилось? Лезет эта срань и лезет, и хорошим людям приходится проводить свои ночи не на танцах, а в боях. И ведь не мы первые начали… Мы их вообще не трогали. Их тут и не было даже, а как начали Витус строить, так и полезли.

— Бета, шесть часов, мамка.

Бум! Бета со сранью не церемонится, а уж мамку прибить ей вообще за радость — считай, сразу десяток хлопнула. А ведь Бета когда-то тихая была, Юлия ее помнит: только-только сама мамой стала, чудо практически для вояки, а после Черной Ночи враз осталась одинокой сиротой. Всю семью, включая новорожденного, срань повыела. Другая бы в петлю полезла, а Бета вот — ловит. Теперь стараниями ее и других охотников все ночи черные — только не для нас, а для срани.

Бум! Бум! Бум!

Иногда выдавались передышки и можно было глотнуть чая, откашляться и проморгаться. Тот, кто считает, что у диспетчера легкая работа (а чего там, бегать не надо, стрелять не надо, пахнет хорошо опять же), тот ничего не знает о рези в глазах, хронически сорванном горле и головокружениях после смены.

— Слышь, Юла, хорошая ночка, да? Понавылазило…

— Не то слово, Ирис, справа!

— Есссть!

Бум!

К середине ночи Юлия настолько вошла в ритм, что позволила себе встать и немного размяться. Прошлась по комнате, стараясь, чтобы внешние мониторы оставались хотя бы в боковом поле зрения. С виртуальным удобно, но начеку надо быть всегда. Поставила чайник, немного попрыгала и помахала руками — кресла сколько ни настраивай, а все равно все затечет и начнет ныть.

— Лингва, три часа, двое, уходи!

— Есть!

Бум. Бум. Бум. Юлия замерла: что-то не так. Звук шел не из наушников, источник был где-то здесь, рядом. Что за?.. Кому придет в голову лезть в диспетчерскую во время смены? Бум.

Железная дверь диспетчерской выгнулась от удара. Бум.

— Твою ма… — Юлия прикусила язык, чтобы не сбивать группу с толку. Инструкции четко говорят: все, что происходит в

диспетчерской, охотников касаться не должно. Хоть тебя там заживо жрут.

Дверь тряслась. Юлия отошла к консоли и попыталась вызвать охрану. Тишина. Она жала и жала на тревожную кнопку, но реакции так и не дождалась.

Бум. Да мать твою. Еще и в мониторах возня какая-то нездоровая.

— Группа Шини, гнездо в семнадцатом секторе! Уходите. Ирис, прием.

— Юла, поняла тебя. Какая удача! Девочки, все слышали? Сектор семнадцать, выдвигаемся.

— Ирис! Уходите!

— Ну уж нет, Юла, ну уж нет! Мы тебе подарочек принесем. Тебе башку или чего поинтереснее?

Да твою мать, Ирис! Вот за это Кляйны и грозятся каждую вторую неделю разогнать ее группу к чертовой бабушке, а диспетчеры успокоительное пьют горстями. Ладно, ну ладно. Гнездо это конечно так себе развлечение в первую ночь дежурства, но ведь Шини не просто так свой хлеб едят. Да и сама Юлия уже этих гнезд навидалась, они все по одному принципу живут. Справимся. Все равно Ирис не переубедить. За это и любим, да?

Бум.

Вот только с этой херней, которая в дверь долбится, бы еще разобраться, а. Где охрана?!

Бум. Хрустнули петли, дверь выгнулась и легла на пол вместе с частью стены. В диспетчерской тяжело запахло. Так на этой планете пахнет только всякая… срань. Да твою-то!

Юлия замерла, судорожно соображая, что делать. Жирная срань, ворочающаяся в дверном проеме, ее пока не видела. В диспетчерской светло, срань на свету медленно соображает: мониторы, огоньки консоли, лампы сбивают ее с толку. Но Юлию она все равно учует, увидит и скоро найдет.

И чего теперь? В диспетчерской даже оружия нет. Не положено. У охраны есть, у ученых есть, а диспетчер, считается, самый защищенный и без того — периметры, посты, охрана… говна пирога! Где ваша охрана, а? А? Выживу, всех урою, разведу анархию. Кляйны лично базуку сюда приволокут и под консолью положат.

Только бы выжить. Юлия глянула на часы. Половина пятого. Через час начнет светать, срань должна заснуть. Но за этот час она Юлию сожрет вместе с протезами и наушниками. А Юлии еще группу до гнезда вести.

Группа!

— Робин, 9 часов, сверху! — Юлия дала команду почти шепотом, надеясь, что ее услышит Джо-Джо и не засечет срань.

Джо-Джо услышал, но и срань засекла. Заворчала, заухала, зашаталась. Мммммать!

Юлия дернула консоль, разворачивая мониторы на стены. Метод так себе, не поощряется, но что бы ни происходило, она должна видеть группу. А происходить здесь сейчас будет. Юлия отпрыгнула за стеллажи, к чайному столику.

— Группа Шини, внимание, вступаете. Ориентир — дом с флюгером. Прием.

— Принято. Юла, можешь определить количество?

— Дайте время.

Одним глазом в виртуальный монитор — пересчитывать сраней, которыми займется группа. Вторым — на срань свою, персональную. Откуда же ты здесь взялась-то только? Ученые прохлопали? Убью паскуд.

Срань продолжала шататься на пороге, воняя и подвывая. Заторможенная она какая-то. Сытая, что ли. Ну, если от ученых, то должно быть сытая. И еще накачанная чем-нибудь, они ж там опыты ставят. Ладно, это к лучшему.

Пункт первый: объект плохо реагирует на свет. Отставить, больше света, чем есть, из диспетчерской не выжать.

Срань начала двигаться в сторону Юлии. Делала она это медленно (точно накачали), но менее опасной от этого не становилась.

Пункт второй: не давайте объекту приближаться к вам, уклоняйтесь от прямого контакта.

Юлия бросила в срань чайником. Срань ухнула и замотала башкой. Чайник в диспетчерской хороший, кипяток долго держит. Юлия переместилась за консоль, лихорадочно соображая, чем отбиваться дальше.

На мониторах Шини шли цепочкой по темной улице, подбираясь к гнезду.

— Бета, четыре часа! Ирис, вверх, двое! Робин, пригнись!

Срань прыгнула на консоль и свесилась над Юлией через мониторы. Юлия съехала на пол и выскочила с другой стороны консоли. Рывком схватила кресло и обрушила его на срань сзади. Двух мониторов как не бывало, а срани хоть бы что — перекосилась слегка, да заухала сильнее.

В ушах загрохотало. Шини зашли в гнездо. Это хорошо, им сейчас диспетчер не очень нужен, сами отлично справляются. Юлия снова отпрыгнула к стеллажам и не отводя глаз от твари начала швырять в нее все, что под руку подвернется: коробки с дисками, папки с отчетами, чашки, какой-то адский металлолом, не разбирая.

Срань ухала, шаталась, скалила оба ротовых отверстия, но почему-то не приближалась. Юлия пригляделась: ого, она поймала несколько осколков от мониторов в нижние лапы и теперь пыталась вытащить их, чтобы не мешали. Из ступней срани сочилась темная жижа. Воняло так, что слезились глаза. Юлия зашарила рукой на стеллажах. На виртуальном мониторе скакали огоньки и цифры, на внешних — крутился бой.

— Лингва, сзади! Робин, отходи! — Юлия наконец нащупала что-то тяжелое и металлическое. Трубный ключ! Какого хрена он делал в диспетчерской было неясно, но Юлия обрадовалась ему как родному. Не базука, конечно, но и не чашки с папками.

— Ирис, на двенадцать!

Перехватив ключ двумя руками, Юлия ждала, когда срань закончит вытаскивать осколки. Пункт третий: максимально уязвимые места объекта — глаза, шея, подбрюшье, ступни. По ступням, сволочь, ты уже получила, сейчас в подбрюшье залепим. Только подойди.

— Бета, окна!

Удар получился хорошим, но срань успела дернуться и отпрыгнуть спиной вперед. Ключ вошел ей в ребра, а в искомое подбрюшье влетела уже сама Юлия — прямо головой. Заверещав, срань полоснула ей лапой по лицу, а потом отшвырнула. Юлия упала на спину, врезалась головой в стену. Затылок рвануло огнем. Из правого глаза потекло.

Встала, шатаясь, еще один удар — и снова неудачно. Срань только раззадоривается, похоже.

— Ирис, вверх! Робин, вверх!

Удар. Попала! Еще разок, ну-ка. Срань ухала, отскакивала, а потом снова надвигалась — огромная, вонючая, бешеная срань. С одним глазом и болью в затылке драться и следить за группой было еще сложнее. Юлия не сдавалась, но после того, как третий раз влетела головой в стену, решила пересмотреть тактику. Например, полежать пару минут, нужно же немного отдохнуть. А срань… подождет… Сейчас, сейчас… всего-то пару минут.

Юлия очнулась от того, что в наушниках взревело на четыре голоса:

— База! Юлька! Мы их взяли! 30 особей, две мамки. Иииха! Утро!

— Утро… — традиционная формула окончания смены немного подбодрила Юлию. Теперь можно было орать в полную силу, нужно было — чтобы они услышали, пришли. Только не получалось что-то. Хрип один.

— База?! База, прием! Юла, прием! Твою мать, Юла, спишь, что ли?

Срань подходила, не торопясь, уверенно, пофыркивала. Что ей тот ключ, подумала Юлька. А потом подумала еще — хрен тебе, сука. Снова сжала ключ в ладонях и попыталась встать.

— Ладно, Юла, хрен тебе, а не подарочек. Отдыхай, а мы пиво пить пошли. Отбой.

Все, что могла теперь Юлия — увертываться от срани. Даже под лекарствами, та была все время чуть быстрее, сильнее, изворотливей раненной Юлии. Она роняла Юлию, рвалась к ее животу, махала лапами и редким уханьем отмечала пропущенные удары. И не пускала ее к двери, вот что обидно. Крутила, выкруживала, не давала выйти. Юлия не заметила, как потеряла ключ, и снова отбивалась от срани всем, что подвернется. Из десяти мониторов живым остался один, он показывал прекрасный рассвет над пустынным Витусом. Вместо стеллажей по диспетчерской валялась груда деревяшек. Наушники срань сорвала одной левой, теперь даже похрипеть не во что.

Когда срань снова повалила Юлию и оторвала ей левый протез, получилась небольшая, хотя и болезненная передышка. Срань увлеклась углепластиковой ногой, дав Юлии шанс отползти в угол к окну. Бессмысленный шанс, честно говоря. Сейчас срань поймет, что протез несъедобен, и бросит его, и пойдет за остальной Юлией — мясной, кровяной, вкууусной.

— Хрен тебе, сука, — всхлипнула Юлия, глядя, как срань размалывает протез на мелкие осколки, недовольно трясется, отплевываясь. — Вот хрен тебе.

Живой она точно не дастся. Срани любят живых, едят живых, а мертвых они не жрут, невкусно. Жаль, до окна не добраться — солнце спугнуло бы срань, но ночные шторы его не пропускают. Но на одной ноге не доскачешь, а ползти — долго. Еще можно устроить пожар, да? Но спичек нет, а все, из чего можно раздобыть искру, тоже далеко… На одной ноге… На одной…

Юлия взвыла, стиснула зубы и принялась отламывать от себя вторую ногу. Это было непросто, протез хороший, армейский, а сил у Юлии почти не осталось. К тому же больно. Не так, конечно, как отрывает настоящие ноги, но тоже удовольствие ниже среднего.

Срань закончила отплевываться и пошла к Юлии. Ну же, ну! Юлия дернула, захрипела и со всей силы врезала ногой срани по морде. И еще раз, и еще, и еще… Срань воняла и вякала, полосовала Юлию когтями, но зубы в ход пускать у нее пока не получалось, мешала мельтешащая нога. Ну, еще раз, нннна!

Но срань все-таки подмяла под себя Юлию. Все-таки вцепилась зубами в живот и грудь. Юлия пыталась еще отбиваться, но это было уже все. Совсем все… Сколько ни размахивай ногой…

Бум.

Срань вдруг стала мягкой, словно потеряла все кости разом, оплыла, совсем придавив Юлию к полу. Юлия со свистом выпустила воздух сквозь зубы и приготовилась умирать. Твою мать…

— Ну, ни хрена себе, — сказал кто-то от дверного проема. — Вечеринка была?

Один глаз, да еще залитый кровью, сфокусировать сложно. Юлия моргнула раз, другой, третий и наконец разглядела группу Шини: нервно ухмыляющуюся Ирис, озадаченных Бету и Лингву, испуганного Джо-Джо.

— Я же говорил, — сказал он. — Говорил, что что-то не так!

Хорошенький какой, подумала Юлия. Может, пригласить его на свидание? Попробуем… еще разочек…

И отрубилась.

2018 г.

Белая планета

1.

— Привет, мам.

…

— Да, все хорошо… Ну как… нормально. Лежит, ест, пьет, телевизор смотрит… Не знаю, что она там понимает, но смотрит. Я ей какой-то научный канал нашла, там хорошо, спокойно, не галдит никто и сплошной космос.

…

— Нет, мамуль, все нормально, правда. Я справляюсь. Связь только фиговая, интернет не ловится и кокос тоже… не того. Так что я граблю бабушкину библиотеку и, страшно сказать, само-обра-зо-вы-ваюсь.

…

— Коты отличные. Умные и наглые как черти. Белого приходится кормить прямо на бабушкиной кровати, представляешь? Он от нее только поссать отходит...

...

— Ну, прости, прости: *отлучается только пописать*. А серый зато за мной таскается постоянно. Подозревает в чем-нибудь, поди. Важный такой, хозяин.

...

— Хорошо, хорошо, обязательно позвоню. Не переживай.

от: **Ever Whatever** <legantino@gmail.com>
Кому: Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com>
дата: 24 апреля 2017 г., 14:23
тема: Письмо далёкому другу ;)

Обещала -- пишу. Но на сильно длинные письма всё равно не рассчитывай, интернета в этом захолустье днём с огнём, даже твой хвалёный оператор не спасает -- не тянет, не тянет, не тя-а-анет. Поэтому раз в день бросаю бабулю под честное соседское слово и бегу сначала в магазин, а потом в местную библиотеку, чтобы за 50 ре в час выйти в мировую сеть на доисторическом компьютере (тебе-то он, конечно, понравился бы, но как по мне -- рухлядь рухлядью), быстренько (ха-ха!) отправить материалы редактору, накропать пару строк разного там пояснялова и -- вот -- успеть написать и тебе.

И никаких фейсбучеков и твиттеров, заметь! Отстану от мировой повестки, будешь меня потом заново учить отличать правых от левых и белых от красных. А я тебе в обмен расскажу всё, что пойму, из бабушкиных книг. Я говорила? -- у неё сумасшедшая совершенно библиотека. Особенно по всякой там физике-химии-астрономии, ни слова непонятно, но та-а-ак увлекательно. Прямо чувствую, как умнею на глазах. Жаль только, не на твоих :)
Целую, целую, целую!

от: **Ever Whatever** <legantino@gmail.com>
Кому: Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com>

дата: 27 апреля 2017 г., 14:42
тема: Re: Письмо далёкому другу ;)

Бабушка ничего, спасибо, что спрашиваешь. Разговаривать она, конечно, не способна, но мне кажется -- всё равно всё понимает. И пусть сколько угодно мои драгоценные родственнички (в частности, тётя Лена -- ба-а-альшой специалист по бабушкиной психике) утверждают, что она ничего не слышит и не видит, но я-то, я-то -- и слышу, и вижу! Вижу, как она реагирует на новости (плохо), а как -- на документалку, например, про чёрные дыры (отлично!). И как волнуется, когда Белый отходит, и что понимает, когда я к ней обращаюсь. Ну и вообще…
Короче, я решила ей читать. Только не смейся, я где-то слышала, что чтение вслух положительно сказывается на когнитивных функциях даже тех людей, которые в коме лежат, то есть самых-самых тяжёлых пациентов. А бабуля, слава богу, не самый-самый (ну, я надеюсь). Поэтому -- буду читать. Только решу, с чего начать -- с "Введения в релятивистскую квантовую теорию поля" или с "Межзвёздной газодинамики". Мне-то "Введение…", конечно, больше по душе (и есть шансы, что пойму хоть что-нибудь), но боюсь, бабушке будет скучновато.
Позвони мне как-нибудь, а? Я умираю, хочу услышать твой голос.

26 апреля 2017 г., 21:22 пользователь Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com> написал(а):
…

от: **Ever Whatever** <legantino@gmail.com>
Кому: Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com>
дата: 28 апреля 2017 г., 15:40
тема: Re: Письмо далёкому другу ;)

Как хорошо, что мы с тобой вчера поговорили. Пусть и с таким… неоднозначным итогом. Я в любом случае ещё раз

прошу прощения за возможную резкость. Я не хотела тебя обидеть...

Вчера два часа читала бабушке "Введение…", а потом мы ещё смотрели передачу про космос. На моменте, когда ведущий рассказывал про планеты-сироты, я чуть не расплакалась, ей-богу. Представила, как они летают там -- одинокие, никому не нужные. И никакого тепла кроме внутреннего. Да и то -- на пределе… Как это похоже на некоторые человеческие жизни, правда?

Из-за этих планет непрерывно пою теперь странную песенку… точнее две строчки из нее: "только белая планета, мчится, мчится в вышине, в серебристой тишине", и никак не могу вспомнить, что это и откуда взялось. Ты не знаешь?

Целую. Не сердись на меня, пожалуйста.

26 апреля 2017 г., 21:22 пользователь Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com> написал(а):
…

от: **Ever Whatever** <legantino@gmail.com>
Кому: Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com>
дата: 29 апреля 2017 г., 16:04
тема: Re: Письмо далёкому другу ;)

Хорошо, хорошо, я всё поняла, осознала, отчаялась. Давай уже хватит? Сижу тут с полумёртвой бабушкой, живую речь слышу только по телефону -- и, заметим, в основном не от тебя, а от всевозможных тётьлен и тётьгаль, которые только и умеют, что раздавать ЦУ, не терпящими возражения голосами. Конечно, я несколько одичала, кто бы спорил. Поэтому прекращай читать мне нотации и обними покрепче (пусть бы и виртуально).

А ты видел, что творит почта? Погляди в данных письма: жёлтый ярлычок и занимательная подпись: "Отмечено как

важное потому, что так решил волшебный кролик". Очень мило, правда? Волшебный кролик за нами присматривает! :))

28 апреля 2017 г., 23:34 пользователь Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com> написал(а):
…

от: **Ever Whatever** <legantino@gmail.com>
Кому: Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com>
дата: 1 мая 2017 г., 14:14
тема: Re: Письмо далёкому другу ;)

Прости, вчерашние полчаса я потратила на то, чтобы найти бабушке что-нибудь увлекательное -- и новенькое! -- про космос, так что на письмо тебе просто не осталось времени. Не знаю, оценила ли бабушка всю ту кучу фактов, которую мне удалось нарыть за столь малое время, но лично я -- впечатлена!

Центр нашей галактики пахнет малиной и ромом (ммм!), солнце вовсе не жёлтого цвета (NASA раскрашивает фотографии, подумайте, какая низость!), а к Земле приближается страшная-престрашная планета Нибиру, от которой нам всем настанет кирдык (кто сказал, "Меланхолия"?! Фу, фу!)… Хотя про Нибиру я бабушке, конечно, не стала рассказывать. :)

Или вот, посмотри, как круто было бы, если бы вместо луны мы видели другие планеты:
http://www.boredpanda.com/moon-replaced-with-planets/

Правда, здорово? Я -- фанат Нептуна!

28 апреля 2017 г., 23:34 пользователь Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com> написал(а):
…

2 мая 2017
От **Колсанова Л.**
+70203159292
Бабушка умерла
18:05
Доставлено

от: **Ever Whatever** <legantino@gmail.com>
Кому: Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com>
дата: 4 мая 2017 г., 11:06
тема: Re: Письмо далёкому другу ;)

Вот и всё. Спасибо, что позвонил тогда, мне было очень важно…

Знаешь, ничего ТАКОГО я определённо не чувствую. Жалко, да, но она столько лет уже была не в себе, не вставала, не говорила, что чувствовать тут можно разве что облегчение. И даже -- как бы цинично это ни звучало -- радость. До определённых пределов, конечно. Она свободна и не мучается, мы свободны и можем заняться своими делами… Такое, понимаешь? Знаю, что понимаешь, иначе бы не писала.

Мне ещё нужно пробыть здесь какое-то время, похороны, уборка, котам справки выправить, чтобы в поезд пустили (ещё раз -- спасибо, спасибо!). Словом, хлопоты и всё такое. А потом я приеду… Напишу смс, встретишь?

Слушай, а поехали потом куда-нибудь? На море? В горы? Я хочу долго-долго сидеть на каких-нибудь камнях и смотреть на звёздное небо. Несколько дней без тебя проживут даже ваши суперважные эксперименты. И ничего не взорвётся, я гарантирую. Пожалуйста!

28 апреля 2017 г., 23:34 пользователь Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com> написал(а):
…

— Да, мам. Уже на вокзале, да.

...

— Не волнуйся, я вижу свой вагон, а до отправления еще целых полчаса.

...

— Да, разъехались все уже. Я последняя.

...

— Взяла, мамуль.

...

— Ох... пирожки от тети Лены, булочки от тети Гали, кусок сала от дяди Миши и двухлитровую банку соленых огурцов от соседки как-ее-там... Но не уверена, что я буду их есть, хочешь тебе привезу потом?

...

— О, слушай, мам, погоди. Ты не помнишь такую детскую песенку... Там что-то вроде «только белая планета мчится в вышине» или вроде того. Который день в голове вертится, а вспомнить не могу!

...

— Точно! Конечно же, и карета, и зеленая! Вот спасибо!

...

— Хорошо, мамуль. Буду. Обязательно буду — с каждой-прекаждой станции. Обещаю!

2.

Утро было прекрасным. Вадим выпрыгнул из постели, против своего обыкновения не пролежав даже лишней минуточки. Сегодня он поедет в Город! Сам, один! Если повезет — даже на «Проколе».

Тетка Лидия предлагала забрать книги из библиотеки, ей недалеко от работы, но Вадим отказался. Он теперь взрослый и самостоятельный, через десять дней начнется новая жизнь: в июне он блестяще прошел вступительные экзамены и был зачислен в инженерный колледж. Так что, разумеется, он должен сам забирать свои книги, сам ездить в Город, сам разбираться со своими проблемами. Он взрослый, студент, ему почти тринадцать лет, и тетка Лидия может больше не беспокоиться о том, как он справляется.

Вадим ловко заправил постель, выполнил несколько асан (он принял решение заниматься ежедневно и не сдавался уже вторую

неделю, хотя нетренированные мышцы не хотели тянуться так, как должны бы, и ныли потом часами), покормил кота и приготовил завтрак себе и Люське. Яичница с помидорами и поджаренными кусочками хлеба выглядела настоящим произведением искусства, а чай заварился не хуже, чем у тетки Лидии. Ну пусть только Люська начнет капризничать, он ей быстро объяснит, кто тут старший и кого надо слушаться.

Но не стала, слопала яичницу целиком и целых две чашки чая выдула. «Спасибо», понятно, сказать забыла и вилку три раза роняла, но это ничего, маленькая еще, научится. От того, что все так хорошо складывалось, Вадим был великодушен.

До детского сада почти бежали, Люська, которую он крепко держал левой рукой, пыталась еще и скакать, время от времени спотыкалась о собственные же ноги и что-то без конца тараторила. Вадим, занятый размышлениями о поездке, ее не слушал.

— Вадь, а Вадь, а правда, что Белая на нас скоро упадет? И случится ка-та-стро-фа. Мы все свернемся в точку и кол-лап-си-ру-ем.

Вадим наконец вник в Люськин щебет и от возмущения резко затормозил. Люська пролетела вперед и тоже встала, неестественно вывернув локоть. Ойкнула, высвободилась из Вадимовой руки.

— Совсем уже? Кто это тебе сказал?! — кричать на Люську было нельзя, испугается и разревется, но голос он все равно повысил.

— Катька, а Катьке — Нинка, а Нинке — ее сестра, а ей — ее дедушка... — Люська терла локоть, приплясывая на одном месте.

— Стоп! — С такими перечислениями можно далеко зайти. — Никуда она не упадет, понятно? Твои Катьки и Нинки все врут!

— А дедушка?

Вадим поколебался. Ронять авторитет чужого дедушки, наверное, не очень хорошо, но и поощрять всякие глупости тоже не следует.

— А дедушка, наверное, что-нибудь не так понял.

Люська фыркнула. Вадим снова ухватил ее за ладонь и потащил дальше: до детского сада еще десять минут ходу, а у него сегодня столько дел!

— Двенадцать лет не падала и сейчас не упадет, — продолжал втолковывать он на ходу. — А если ты чего-то услышала, то сначала умных людей спроси. Тетку Лидию, или воспитательницу, или меня... хотя бы.

Пропихнув Люську через дыру в заборе (так было ближе, чем идти до ворот), Вадим все же не удержался и кинул быстрый взгляд на

небо. Планета была на месте, фантомные корабли тоже, а Люська балда и разносчица слухов. Вечером надо будет тетке Лидии сказать, пусть ее поправит уже.

Он несся к остановке «Прокола», надеясь, что и здесь ему повезет. Пусть в два раза дороже, зато быстро и можно что-нибудь новое заметить. Окна в «Проколах» заклеены черной пленкой, но Вадим, как все нормальные люди, знает, куда надо сесть, чтобы безопасно оттянуть уголок липкого полотна и не попасться при этом кондуктору или слишком бдительным пассажирам.

Но «Проколы» ходили редко, по странному графику, понятному только диспетчерской (его объявляют в семь часов по радио, а Вадим за утренними хлопотами пропустил), и остановка была пуста — он все-таки опоздал. Пришлось тащиться на станцию. Обычные поезда не зависят от времени, идут по рельсам, медленно и упорно преодолевая десятки километров пути там, где «Прокол» пробивается через разломы и выходит напрямую. Смотреть в окно поезда при этом интересно только первые несколько раз, потом вереница одинаковых домов, одинаковых станций, высоких заборов и чахлых лесопосадок приедается. Только малышня, вроде Люськи, может без конца радоваться: «Ой, собачка побежала! Ой, какой домик красивый!». Чего там красивого-то? То ли дело — Город!

Поэтому за все два часа поездки Вадим только однажды глянул в окно: на ту волну, которая когда-то встала сразу за их поселком и обрубила старые рельсы, оставив с этой стороны половину идущего поезда, а вторую — вывернув в другое пространство. Кто-то из соседок однажды сболтнул, что в том поезде ехала тетка Лидия и волна отрезала ее от всех близких, которые остались на той стороне. Тетка Лидия все отрицала, но с тех пор он почему-то всегда на эту волну смотрел.

Остальное время Вадим потратил на чтение Швебера, тонким карандашом подчеркивая места, про которые надо будет потом спросить тетку или уточнить в энциклопедии.

Тетка Лидия рассказывала, что до Разрыва в мире существовала огромная супер-сеть из компьютеров, который мог воспользоваться любой человек и узнать любую информацию. Но Белая планета заглушила почти все радиоволны и уничтожила электронные приборы. Несколько лет Земля находилась в информационном вакууме, пока люди заново не научились запускать электро— и радиостанции и ловить хотя бы длинные волны. Тетка Лидия

говорила, что это ничего, они разберутся и дальше прогресс пойдет быстрее, но Вадим, глядя как печально она сидит по вечерам со своими заметками и как яростно рвет неудачные расчеты на мелкие клочки, не очень-то верил. Но все равно мечтал, что однажды ученым удастся вернуть к жизни все, что существовало до Разрыва, все эти замечательные приборы, о которых он читал в старых книгах, — от крохотных магнитофонов до космических кораблей. И супер-сеть, конечно, тоже, и хорошо бы в ней сохранилась вся информация!

Центральный вокзал Вадим любил: большой, чистый, полный яркого света и торопящихся людей, он обещал путешествия и приключения, пусть поезда и ходят только по открытому сектору, который можно объехать всего за несколько дней. Он медленно прошелся по верхней галерее, осмотрел Город с высоты, скатился, под укоризненные взгляды взрослых, по перилам и с полминуты молча постоял у мемориальной плиты Всем, не пережившим. Когда-нибудь на привокзальной площади поставят памятник, но пока есть дела поважнее.

Идти до библиотеки было недалеко, минут пятнадцать самое большое. Времени еще полно и, конечно, Вадим не удержался и завернул к волне. Это самая большая волна в их части Земли, даже не сильно мутная, и если плотно прижаться к ней лицом, то увидишь тени живущих на той стороне.

На первый взгляд, они просто стоят, замерев в причудливых позах. Но если смотреть долго-долго, то движение можно заметить — только очень медленное. Такое медленное, что поднять руку у них займет больше месяца. Увы, ему никогда не удавалось провести возле волны больше двадцати минут кряду, а за такое время тень даже пальцем пошевелить не успевала.

Тетка Лидия как-то объяснила еще маленькому Вадиму, что за волной — такие же люди как мы. И двигаются они нормально, просто из-за искривления пространства-времени мы воспринимаем их так, словно кино, когда пленку крутят по одному кадру в несколько часов.

— А мы, вероятно, движемся для них слишком быстро, даже хаотично. И в этом смысле, нам, конечно, полезнее за ними наблюдать — хоть какая-то определенность.

Несколько недель назад, когда Вадим приходил к волне, ближайшая тень, небольшая, ростом с него самого, начинала вроде как наклоняться (Вадиму почему-то казалось, что у нее развязался шнурок и она хочет исправить положение), сегодня она выглядела

совсем уж комично: ноги еще прямые, а тело уже скрючилось и руки висят, как у гориллы.

Вадим как обычно прилип к гладкой поверхности волны, силясь рассмотреть подробности и хотя бы зачатки движения. В какой-то момент ему показалось, что он что-то заметил, но это от долгого смотрения просто заслезились глаза. Вадим с сожалением отошел от волны и стал тереть лицо кулаками.

Мимо прошли девчонки-курсантки. Веселые, шумные, в зеленой форме Академии прикладной физики. У одних яркие нашивки будущих многомерщиц, у других — нелинейного факультета. Их предводительница — рыжая, веснушчатая, чем-то неуловимо похожая на Люську — и вовсе носила на рукаве шеврон с символом квантового противостояния: два кружочка соединены короткой линией. Такие же девчонки, только старше, когда-то нашли разломы и изобрели «Прокол», а теперь пробиваются через волны... Вадим проводил их завистливым и немного неодобрительным взглядом: курсантки хохотали, толкались, трещали как сороки, словно им было совсем и не важно, что на них надеется весь мир!

Потом вздохнул. Ему-то Академия не светила ни при каких раскладах, инженерный колледж — его потолок и он об этом знает. Его даже за управление «Проколом» никогда не пустят, туда парней только на диспетчерские должности берут и то очередь на сто лет вперед...

Но колледж — это тоже неплохо: может, именно его будущие изобретения и решения помогут этим (или другим) девчонкам наконец разобраться в искривлениях континуума, преодолеть волны или даже долететь до Белой и увести ее с орбиты, чтобы Земля наконец вернулась к своему привычному состоянию, а не была разделена на сотни недостижимых миров... А, может быть, он станет самым первым курсантом, почему нет? Или разберется с фантомными кораблями. Тетка Лидия говорит, что все реально, если сильно постараться. У нее же получилось!

На другой стороне улицы зашумели и Вадим с любопытством вытянул шею, перестав сокрушаться своей невезучести. Прибывший! Там новый прибывший! Он тут же забыл об Академии и рванул через дорогу, рискуя попасть под колеса многочисленных мопедов и велосипедов. Кто-то сердито загудел, сразу несколько голосов пообещали отправить Вадима в детский сад, в бок с силой толкнулся

чей-то руль — Вадим едва не упал, но удержал равновесие и одним движением выпрыгнул на тротуар, где уже собирались люди.

Вадим ввинтился в толпу, представляя, как завтра расскажет всему двору, что видел прибывшего сразу после появления. До сих пор из его знакомых это еще никому не удавалось. Только Максон врал, что видел аж двоих, но кто ж верит Максону?

Прибывший Вадима разочаровал: человек как человек, ничего особенного. Не то чтобы Вадим и раньше об этом не знал — газеты обычно подробно писали о каждом новичке, — и все же смутно надеялся на... он и сам не знал, на что. Но явно на что-то большее, чем тетенька средних лет самого обыкновенного вида: смуглая кожа, светлые джинсы, клетчатая рубашка, стоптанные пыльные ботинки. Как будто здесь таких мало! Бормочет только на непонятном языке, но так на то лингвисты есть (тут Вадима на секунду кольнуло сожалением: может, все-таки зря он не выбрал филологический?).

Прибывшей было неуютно, она испуганно кружилась на месте, прижимая к себе видавший виды городской рюкзак. Люди говорили все одновременно, но вместо того, чтобы утешить, только больше пугали новенькую. Какие-то мелкие девчонки подобрались поближе и начали тянуть ее за рукава. Сердитый мужчина с бородой шикнул их, потом прикрыл собой женщину от зевак.

Сквозь толпу уже шел нелинейный патруль: они отведут новенькую в Лаборатории, где ей все объяснят и во всем разберутся. Может, хотя бы она наконец расскажет, как это они попадают в наш сектор. Надо будет завтра новости послушать: обязательно будут про нее передавать.

Провожая взглядом патруль, бережно ведущий прибывшую через дорогу, Вадим опять почувствовал легкую зависть. Вот ведь жизнь у людей!

Его взгляд упал на большие часы, висевшие на здании, и он испугался: опаздывает! Библиотека закроется в полдень, а второй раз за здорово живешь ему в Город прокатиться тетка Лидия не даст. Еще и задвинет что-нибудь про разных там несознательных. Вадим подтянул рюкзак и рванул.

В здании колледжа было пусто: до учебы еще далеко, студенты сюда заходят только за учебниками. Он нашел библиотеку по указателям и, зайдя внутрь, несколько секунд стоял задержав дыхание. У них дома было много книг и тетка Лидия еженедельно приносила новые (а потом сама же жаловалась, что ставить некуда),

но здесь их было немыслимое, бесконечное, ошеломляющее количество. Вадим тут же решил, что надо будет напроситься сюда добровольцем, наверняка же нужно что-нибудь сортировать, штамповать, раскладывать. А в промежутках можно будет читать сколько влезет.

— Добрый день, молодой человек. Слушаю вас, — библиотекарь, молодой, похожий скорее на старшекурсника, чем на хранителя важных знаний, появился из-за полок так бесшумно, что Вадим даже подпрыгнул от неожиданности.

— Здравствуйте! Студент первого курса Вадим Колсанов! Пришел за научной литературой! — он выпалил заранее заготовленные слова и тут же растерялся: а вдруг его сейчас спросят, какие конкретно учебники ему нужны? Список у него был, но наизусть он все пятнадцать позиций, конечно, не выучил.

Библиотекарь не стал ничего спрашивать, а просто выдал книги, сверившись с одной толстой тетрадью у себя на столе и заставив Вадима расписаться в другой. Дрожащей от ответственности рукой Вадим нацарапал свою фамилию в ведомости и только после этого немного расслабился.

— Удачной учебы, студент Колсанов, — отдав последнюю книгу, библиотекарь (его, как выяснилось, звали Михаилом Михайловичем) пожал Вадиму руку, будто принимая его в ряды своих, равных.

— Спасибо! — Вадим чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Он шел по большому проспекту, ощущая за спиной груз новых книг, и жалел, что не может засесть за них прямо здесь, сейчас. Счастливыми глазами Вадим смотрел на дома, на людей, на деревья, даже на Белую планету и фантомные корабли, и весь мир казался ему красивым и добрым. Сейчас он дойдет до Центрального вокзала, купит билет, а уж в поезде будет достаточно времени, чтобы прояснить, что интересного приготовил ему первый курс.

То, что у него начала кружиться голова, Вадим понял не сразу. А когда осознал, дело было уже совсем плохо: в глазах заплясали черные мушки, а из глубины живота к горлу начали подниматься остатки завтрака, и только усилием воли удавалось удержать их внутри. Несколько минут Вадим шарил по карманам и рюкзаку, пока не убедился наверняка, что таблетки остались дома. Тетка Лидия убьет его, если узнает, что он ушел, не взяв их. Как же не вовремя начинается этот дурацкий приступ.

Со слабой надеждой, что обойдется, он доковылял до лавочки, сел, тяжело дыша. Пытался успокоиться, твердил как заклинание: мне хорошо, я чувствую себя хорошо, сейчас только немного посижу и пойду дальше. Мне еще Люську из детского сада забирать, сегодня можно пораньше, она обрадуется...

— Эй, мальчик, что с тобой? Тебе плохо? — две молодых женщины в белоснежной форме нелинейного патруля наклонились к нему, с тревогой вглядываясь в посеревшее лицо Вадима. Он покачал головой: еще не хватало, чтобы они отвезли его в больницу или — того хуже! — вызвали тетку Лидию.

Вадим попытался собраться, сесть прямо или даже, может быть, встать, чтобы показать патрульным, что он в порядке, в полном порядке. Но тело стало ватным, не держало и он снова сполз на лавочку, слушая сквозь шум в ушах, как нелинейщицы щелкают клавишами портативной радиостанции, передают в диспетчерскую вызов: мальчик, около двенадцати лет (почти тринадцать, хотел поправить Вадим, но не смог), в полубессознательном состоянии, адрес...

Домой ехали на служебном «Проколе», у всех, кто работал в Лабораториях, была такая привилегия. Тут, конечно, нечего было и думать отклеить черную пленку, но Вадим не расстроился. Чего уж тут расстраиваться, если повел себя как болван и огреб все последствия. Зато есть сорок минут и можно поспрашивать тетку Лидию о непонятных местах из Швебера и, если получится, отвлечь ее от ворчания по поводу таблеток и той суматохи, которую он устроил. Но голова была такая тяжелая, что Вадим задремал, как только «Прокол» двинулся с места.

То засыпая, то просыпаясь, он слышал, как тетка Лидия тихонько разговаривает с теткой Анной — коллегой и соседкой по дому. Сначала они жаловались друг другу, что опять откладывается строительство какой-то третьей очереди и что Бурдина ставит палки в колеса, а сделать с ней ничего нельзя, потому что... Тут Вадим провалился в сон и прослушал, почему. А когда снова очнулся, тетка Лидия говорила о чем-то совсем странном.

— По нему уже прогнозы делать можно: стало плохо, жди смещения. Небольшого совсем, но ощутимого и, главное, быстрого. Меня и вызвали-то ровно в тот момент, как эхо пошло...

Вадим догадался, что речь о нем, но что конкретно тетка Лидия имеет в виду, не понял. И не спросишь ведь, подслушивать — ужасный поступок, признаться в нем, так лучше сразу идти о волну головой биться. За такое даже глупой Люське прощения не будет. Ему стало неловко и он демонстративно заворочался, показывая, что уже не совсем спит. Тетка Лидия и тетка Анна быстро перевели разговор на безопасную тему: начали обсуждать, что в выходные надо бы все-таки выйти прибрать двор, а то дворничиха Валентина приболела и не справляется. Как будто у них вообще бывают выходные, выдумщицы…

По дороге с остановки забрали Люську, которая до самого подъезда гордо рассказывала, что сказала Катьке и Нинке перестать болтать глупости про Белую, и что воспитательница ее поддержала, только велела не говорить слова «болтать» и «глупости», потому что они злые, а как надо сказать — не объяснила.

— Говори, «пользоваться непроверенной информацией»! — хохотала тетка Лидия. Вадиму стало легче и она пришла в бодрое состояние духа.

После ужина Вадим перемыл посуду и думал было все-таки хотя бы полистать полученные учебники, но голова была еще туманной, поэтому он отправился спать. Даже отказался слушать новую детективную радиопьесу, чем снова встревожил тетку, и еще добрых пятнадцать минут уверял ее, что все в порядке и он просто устал.

Когда погас свет, пришел Серый, устроился у Вадима под боком, затарахтел тихонько. Серый очень старый, плохо видит и с мячиком уже не играет, но все равно Вадим его любит. И Белого любил, и даже плакал тихонько, когда он умер. Вадим аккуратно погладил Серого по теплой спинке и подтянул одеяло, чтобы прикрыть кота от сквозняков. Уже совсем засыпая, услышал через полуоткрытую дверь, как тетка Лидия, засевшая за расчеты, начала напевать свою любимую песенку, как всегда только один куплет — по кругу:

— Все уснуло до рассвета.
Только белая планета
Мчится, мчится в вышине —
В серебристой тишине…[1*]

2017 г.

[1*] Использованы строчки из стихотворения Овсея Дриза «Зеленая карета».

Из цикла «Лучшие штуки на свете»

Локхид Мартин F-22 Раптор

Братишки бросили нам вызов раньше, чем мы придумали, как их задеть. Семеро пришли к городской стене, когда Като писал на ней буквы, и начали кричать.

— Эй, вы! Механики! Будем гоняться! На асфальтоукладчиках! На пустыре! Через месяц!

Нас было четверо —Като, я, Марека и Туна, и еще двое младенцев — младенец Лия трех лет от роду и младенец Лия-2 — шести. Так что просто так подраться с братишками не вышло. Поэтому мы приняли

вызов, бросили уголь и ушли в город. Надо было срочно узнать, что такое асфальтоукладчики.

Бабушка Рю, к которой мы пришли с вопросом, сначала долго смеялась. Потом еще смеялась. А потом сказала, что *совершенно* не помнит, как выглядели асфальтоукладчики, для чего они были нужны и как их делать.

Мы приуныли. Если бабушка Рю, которая сто лет жила еще до Известных Событий, не знает, то и никто не знает. Кроме братишек, наверное, раз уж они придумали на этом гоняться.

— Где только они его раздобыли? — спрашивали мы друг друга. — Как только они его придумали? Как нам придумать то же самое, только еще лучше и быстрее?

За два дня мы перелопатили всю городскую библиотеку, нашли несколько важных чертежей, которых нам с Марекой не хватало для строительства нашего первого самолета и еще схему генератора. Но ничего про асфальтоукладчики. Просто ни словечка.

Младенец Лия-2, посланная шпионом к братишкам, тоже ничего не узнала. Грохот стоит в большом ангаре и пахнет болотным газом на весь город — и все. Сказала, что чуть не попалась, и принесла два яблока, которые плохо лежали у кого-то на окне.

— Болотный газ? — сказала Марека. — Да они с ума сошли!

Бабушка Синь, которая каждую неделю ходит в город братишек к тетушке Свен на массаж, смогла узнать немного больше. Она сказала, что, конечно, тоже ничего не знает про асфальтоукладчики, но ей *кажется*, что они все-таки должны выглядеть немного по-другому. А не как то, что строят братишки с таким грохотом.

Немного подумав, мы решили, что будем строить свой асфальтоукладчик. У братишек всегда было плохо с механикой, у них и книг почти что нету, и чертежей. Поэтому они *наверняка* тоже не знают, как построить настоящий асфальтоукладчик. Они до сих пор не придумали даже лигерад, хотя мы их младенцев-шпионов постоянно гоняем от ангаров и стоянок. А, значит, и нас не спалят. Бабушка Рю сказала, что это разумное решение, потому что асфальтоукладчикам *определенно* не требовался болотный газ и столько шума.

На ворота ангара мы повесили объявление: «Мы не работаем до большой гонки на асфальтоукладчиках с братишками. Потерпите. Через месяц на пустыре мы им покажем!!!».

У нас с Марекой очень большой ангар. Мы собираем, и чиним, и придумываем кучу техники. Като ничего не понимает в железе, но

зато знает, как писать буквы, а Туна умеет делать младенцев. Она сделала уже целых двух — Лию и Лию-2. Так что мы нашли работу и им. Потому что ее было очень много и вдвоем с Марекой мы бы не справились.

Мы даже самих младенцев пристроили разбирать и сортировать болты, шпильки, шплинты, гроверы и прочую мелкую дребедень. Месяц — это совсем немного, чтобы придумать асфальтоукладчик и сделать его. Наш первый самолет мы с Марекой собираем уже полгода.

Бабушку Рю Като уговорил быть нашим радио. Она садилась на верстак, доставала спицы и новый флаг, который вязала ко Дню Большого переезда, и рассказывала нам истории. Чтобы ее было слышно в каждом углу ангара, мы приладили к ней усилитель звука. Бабушка Рю знает очень много историй.

Когда бабушка Рю уставала, ее место занимала бабушка Синь. Но ее истории были хуже. Бабушка Синь до Известных Событий была врачом, а не инженером, как бабушка Рю.

Когда первые чертежи были готовы, мы начали добывать материалы. Сначала сняли колеса со всех своих велосипедов, потом немного разобрали самолет, потом совсем разобрали насосную машину, которую у нас очень давно просил мэр. Позже мы все вернем на место, все равно самолет пока взлететь не может, а мэр отлично понимает, что победить братишек важнее всего, и не будет протестовать. Он и не стал.

Но нам все равно не хватало. Колес было мало, броня у нашего асфальтоукладчика выглядела слабовато, а платформ не хватало для всей команды. Поэтому пришлось отправляться к болотным людям. Они живут за Зелеными Топями и умеют добывать из болот старую технику и всякие другие нужные вещи. Механики и братишки часто торгуют с болотными людьми. Несмотря на то, что с едой уже давно у всех все в порядке, болотным нравятся яблоки, которые мы выращиваем. А у нас и у братишек яблок много, нам не жалко.

Пока мы ходили к болотным людям за железом, в городе появились чужаки. Они пришли со стороны моря и, как это у них водится, сразу стали совать везде свои носы. В ангар мы их не пустили, но бабушка Рю целых два дня таскалась с ними по городу и все рассказывала, и все выспрашивала.

Мы любим чужаков, хотя они и смеются над тем, как мы живем. Зато у них всегда есть свежие новости и новые *интерпретации*

Известных Событий. Когда бабушка Рю вернулась на верстак, мы спросили у нее, спросила ли она у чужаков про асфальтоукладчики. Бабушка Рю сказала, что даже и не собиралась.

— Откуда им знать? Бесполезные совсем. «Мы изучаем коренные малочисленные народности южной стороны», — бабушка Рю сплюнула. — *Этнографы*, подумайте только!

Мы подумали, что надо бы чужаков съесть, чтобы не раздражали бабушку Рю. Но решили пока отложить это. Сначала надо победить братишек в гонках на асфальтоукладчиках. Ну и Като хотел еще немного поговорить с чужаками — вдруг они знают новые буквы. Мы даже отпустили его ненадолго. На всякий случай он украл у них две тетрадки с записями, но потом даже сплевывать не стал.

Туна старалась чужакам на глаза вовсе не показываться. Сказала, что двух младенцев ей пока хватит за глаза. Поэтому последние дни перед великой гонкой она не выходила из ангара. Дошивала накладки на сиденья и отгоняла младенцев от Като, который писал буквы.

Мы назвали наш асфальтоукладчик Локхид Мартин F-22 Раптор. Сначала мы берегли это имя для нашего первого самолета, но в такое время жадничать не было смысла. Потом другое придумаем.

Когда мы выгнали Локхид Мартин F-22 Раптор за ворота ангара, нас встретили так, словно мы уже победили. Мы с Марекой, сидели в рулевом отсеке асфальтоукладчика, рулили в четыре руки и старались не очень гордиться собой. Хотя и распирало.

Мареке, как самой старшей, досталась должность командира асфальтоукладчика, мне — командира пулеметной башни. Пулемета у нас, конечно, не было, но башня-то была и еще какая! Для устрашения братишек мы навесили на нее три рога и нарисовали большие глаза. Като последнюю краску на них извел.

Внутри асфальтоукладчика, прямо в брюхе, рядом с движком, расположились Като и Туна. Мы назначили их механиками-водителями — старшим-младшим и младшим-старшим. В их обязанности входило подкидывать уголь в топку. С болотным газом пусть братишки возятся, вчерашний день.

Бабушку Рю и младенцев мы устроили в хвостовой части: наблюдать за врагом и окружающей обстановкой и гудеть в трубы. Сначала мы вообще не хотели их брать, но Лия и Лия-2 развели ужасный вой, а бабушка Рю сказала, что больше *никогда* не расскажет нам ни одной истории. Это была опасная угроза.

По дороге на пустырь Локхид Мартин F-22 Раптор гудел, пыхал черным дымом и развивал потрясающую скорость. Целых пятнадцать километров в час! Братишкам такого никогда не добиться! Горожане орали от восторга. Не помню, чтобы какое-нибудь из наших с Марекой изобретений вызывало столько восторга.

На пустыре собралось много народа. Все наши пришли, все братишки и даже пара десятков болотных людей — те, что посмелее. Чужаки-*этнографы* тоже притащились, стояли прямо рядом с трассой для гонки и смеялись.

— Боже мой, какой восхитительный ужас! — крикнул тот, что помоложе, тому, что постарше.

— При таком примитивном уровне развития — такие технологии! — крикнул в ответ тот, что постарше. — Мы озолотимся, коллега! Одних стат...

Последние его слова расслышать нам не удалось, слишком шумно было на пустыре. Наши кричали, братишки кричали и кидали в Локхид Мартин F-22 Раптор яблоками. Яблоки попадали в красные буквы и рога Локхида Мартина F-22 Раптора. Мне даже показалось, что мы их немного плохо приварили и они сейчас отвалятся. Но не отвалились!

— Съесть бы этих дураков, — шепнула Марека мне прямо в шлем. — Или задавить совсем!

Она, конечно, пошутила. Перед боем есть нельзя ни в коем случае. И давить их тоже глупо. Но вот плюнуть-то можно в любой ситуации. Что мы и сделали, прямо через смотровую щель. Марека попала в того, который постарше, я — в того, который моложе. Младенцы в задней части заверещали от восторга. Мы чувствовали, что уже победили.

А через пять минут нам пришлось сдуться. Потому что на пустырь выехал асфальтоукладчик братишек. Он был раза в три больше нашего. Не знаю, как им удалось его собрать и завести, но надо смотреть правде в лицо. Их асфальтоукладчик был *нечеловечески крут*.

Он был размером с трехэтажный дом, его борта были обшиты листовым железом, даже почти не ржавым. Он был весь выкрашен в ядовито-зеленый цвет (букв, правда, на нем не было, братишки не умеют писать буквы). На крыше топорщилась целая гряда рогов против наших трех. Два десятка труб торчали из щелей, разрывая

наши уши ревом. А сто тысяч его колес были укутаны металлической лентой с заклепками…

— *Гусеницы*! — воскликнула бабушка Рю, перекрывая шум. — Они изобрели *гусеницы*!

Мы промолчали. До этого момента мы не знали, что такое гусеницы. И теперь очень хотели разобрать асфальтоукладчик братишек на запчасти и собрать его снова. О победе мы уже и не мечтали.

Асфальтоукладчики вышли на старт. Пустырь вопил и швырялся яблоками. Локхид Мартин F-22 Раптор гудел и дымил, асфальтоукладчик братишек ревел и вонял. Мы с Марекой дрожали.

Два мэра подняли флаги и опустили их. Мы с Марекой нажали на газ. Като и Туна подкинули угля в топку. Младенцы Лия и Лия-2 загудели. Бабушка Рю громко крикнула «Поехали!». Локхид Мартин F-22 Раптор дернулся вперед и сразу же обогнал асфальтоукладчик братишек на несколько метров. Мы воспряли духом.

И тогда раздался взрыв. Локхид Мартин F-22 Раптор качнуло. Марека дернула тормоз. Заверещали младенцы. Откинув крышку люка мы высунулись наружу.

— Вот это да! — прокричала бабушка Рю снизу.

Асфальтоукладчик братишек вращался вокруг своей оси, горел, ревел и раскидывал огненные капли и куски обшивки. Народ, крича от восторга, разбегался в разные стороны, роняя яблоки и хватая друг друга за одежду, чтобы утащить от разваливающегося огненного чудища. Братишки сыпались из асфальтоукладчика и бежали в нашу сторону, размахивая руками и наталкиваясь друг на друга.

Младенцы Лия и Лия-2 зашлись радостными воплями. Мы вылезли на крышу Локхида Мартина F-22 Раптора и тоже кричали, и смотрели, и махали руками, и уворачивались от летящих деталей, и затаскивали братишек к себе, и обнимались с ними, и снова кричали, и скакали, и смотрели, и смотрели.

Это было лучшее зрелище на свете, клянусь всеми деталями Локхида Мартина F-22 Раптора! Всем ангаром своим клянусь!

Техническая победа была наша — мы все-таки обогнали братишек на несколько метров от старта. Но вообще победа была братишек: такого веселья нам не удавалось устроить даже на День Большого Переезда. Бабушка Рю сказала, что будет рассказывать эту историю нашим внукам.

Асфальтоукладчик несколько дней догорал на пустыре. Он уже не плевался огнем, но все еще трещал и ревел в самые неожиданные моменты. Мы установили временное перемирие. Мэры назначили новый праздник: День, Когда Взорвался Асфальтоукладчик и Никто Не Пострадал. Общий для всех, даже для болотных людей. Раз уж они тоже смотрели. Мы праздновали его, пока асфальтоукладчик братишек не пыхнул последний раз, сбросив со своей крыши рога. Мы их потом переплавили для самолета.

Останки асфальтоукладчика братишек и сейчас стоят на пустыре. Все любят устраивать рядом с ним пикники и вспоминать, как он взрывался и как все бегали и кричали.

Перемирие длилось до тех пор, пока мы с Марекой не приступили к испытаниям нашего первого самолета. Мы назвали его Локхид F-104 Старфайтер и нечаянно уронили на огороды братишек. Они очень возмущались, даже мэр приходил ругаться. Мы закрылись в ангаре и не вышли.

Чужаков мы съели немного раньше, на День Большого Переезда. Обожаю мясные пироги бабушки Синь.

2016 г.

ПО Севмашпредприятие

Когда прилетел дирижабль, мы с Марекой были в ангаре. После *инцидента* с нашим первым самолетом нам запретили и думать о том, чтобы вокруг городов летало хоть что-то, сделанное нашими руками. Все, что осталось от Локхида F-104 Старфайтера, нам было велено разобрать на детали. И не маяться больше дурью, сказал мэр. Никакого неба, так и сказал!

Мы все равно маялись. Когда младенцы Лия и Лия-2 прибежали к нам с криками о том, что над городом летает что-то, чего мы не делали, мы с Марекой как раз думали над созданием аэростата. Это бабушка Рю посоветовала. Сказала, что для начала с ним будет

немного *спокойнее* для окружающих. Мы уже додумались до того, как закрепить корзину, и тут прилетел он. Чужой большой и серый дирижабль.

Он был самой красивой штукой, которую мы когда-либо видели. Самой-самой! Лучше Локхида F-104 Старфайтера и Локхида Мартина F-22 Раптора, лучше асфальтоукладчика братишек. У него была гондола с круглыми окнами, с него свисали толстые гайдропы, а у хвоста крутился большущий винт. Он был лучше и красивее всего, что есть в мире!

Дирижабль летел над городом, а мы бежали, кричали и махали ему руками. Туна даже запустила в него пару яблок, но не попала. Мы так надеялись, что он спустится к нам. Но те, на дирижабле, нас даже не заметили!

Мы смотрели как дирижабль уходит за болота, летит над Страшным трактом, забирает вверх над холмами и кричали от злости и обиды. А потом увидели, как он падает. И решили ехать за ним.

Бабушка Рю нас одобрила. И бабушка Синь тоже. Дирижабль вообще всем понравился. Только мэр ругался, что, пока мы там катаемся, некому будет чинить велосипеды и паровые котлы. И еще про насосную машину вспомнил, которую мы так и не доделали.

Мы все равно уехали. Потерпит как-нибудь без насосной машины. Мы быстро вернемся: до холмов не так уж далеко, а обратно мы уже будем лететь. На нашем *собственном* дирижабле.

Все было просто: перевалить через болота, проехать по Страшному тракту и никому не попасться, забраться за холмы и уже там мы его найдем. Большого и серого, дрожащего как зверь, с висящими гайдропами и гондолой, в которую поместится половина города.

Мы взяли с собой велосипеды, немного еды, яблок, оружие, инструменты и пару книг. Като обещал прочитать их по дороге и поискать что-нибудь про дирижабли. Вдруг на нем не будет инструкции.

А бабушку Рю мы с собой не взяли. Хотя она хотела и мы были не против. Но бабушка Синь отговорила, сказала, что бабушка Рю уже слишком старая для таких *авантюр*. И Туну не пустила, потому что та собралась делать еще одного младенца, а значит, надо поберечь себя. Туна была вне себя от ярости, но с бабушкой Синь спорить не решилась.

И уж конечно мы не брали с собой никаких младенцев! Лия-2 вылезла из короба на багажнике моего велосипеда, когда мы закидывали болотных людей яблоками. Она не смогла остаться в стороне и устроила нам сюрприз.

Разбираться с ней было некогда: болотные совсем тронулись. Хотя мы и не трогали их первыми! Просто наш путь лежал через их город. Так было на карте, которую Като срисовал в библиотеке. А они обозлились, что мы тревожим их просто так, и захотели отобрать у нас еду, велосипеды и инструменты. Хотя даже не умеют ими пользоваться!

Спасаться бегством не в наших правилах. В другое время мы бы наваляли болотным людям как надо. Но нас ждал наш дирижабль и было обидно отвлекаться на драку. Пришлось сматываться, на ходу плюясь и бросаясь в болотных яблоками. Лия-2 усилила наши позиции многократно. Она кидается яблоками лучше даже Туны и плюется лучше меня.

А потом уже отправлять ее обратно не было никакого смысла. Като сказал, что назад ей идти одной опасно.

— И, может, пригодится еще. — Мы согласились.

На тракте к нам прилип еще и братишка. Это уже ни в какие ворота не лезло, хотя мы его и знали. Братишку звали Стим и он был водителем асфальтоукладчика. Что, как говорит бабушка Рю, само по себе *достойно уважения*. Но мы все равно отгоняли его. Марека даже попыталась его побить. Он вопил, что тоже видел дирижабль и тоже имеет на него право.

— Я буду ехать за вами и найду его сам! — кричал братишка, отбиваясь от Мареки. Когда он второй раз засадил ей в левый глаз, Марека плюнула и предложила все-таки забрать его с собой.

Мы с Като и Лией-2 покричали для порядка, потом предупредили Стима, что сожрем его, если будет много о себе воображать. Вообще-то никто не ест ни братишек, ни болотных. Но напугать его стоило. К тому же у него был велосипед очень интересной конструкции. Нам с Марекой стоило к нему присмотреться.

— Ничего себе! — закричала Марека, когда мы забрались за холмы.

— Я не знал, что тут ничего нет, — сказал Като.

Мы с Стимом не сговариваясь пожали плечами. За холмами не было дирижабля, там вообще ничего было. Только много-много пустой пыльной серой земли, в которой вязли колеса велосипедов.

Почти до самого горизонта. И только там виднелся серый маленький *эллипсоид*.

— Он там, — мне показалось, что мы все провалили. — Дирижабль там...

— Диришаааабль! — завизжала Лия-2.

— Мы не проедем, — сказал Стим. — А если пойдем, то будем добираться туда сто лет и умрем по дороге.

Бабушка Рю называет таких как Стим — *оптимистами*. Жаль, что мы не взяли ее с собой. Ну и что, что старая. Она бы обязательно что-нибудь придумала.

Мы отчаялись. Мы бродили по краю пустоши и пинали камни, старые покрышки и прочий мусор, которого тут было навалом. Мы вопили проклятья и чуть не подрались. Мы думали, думали, думали. Братишка Стим тоже думал. Только чуть потише, чем мы. Братишки они вообще временами вялые бывают.

Като и Лия-2 потом долго спорили, кто додумался первым. Лия-2 была за нас с Марекой, а Като — за справедливость. А по-моему, просто три головы лучше, чем две, и думают быстрее и *продуктивнее*.

— Наш асфальтоукладчик... — сказал Стим.

— Гусеницы! — ответили мы с Марекой.

Стим знал, как их сделать. У нас были инструменты и руки. А вокруг было сто тысяч покрышек и прочего полезного мусора. Мы резали и тянули резину, разминали жестяные листы, развинчивали велосипеды и собирали их в один большой механизм, накручивая гусеницы на обода. Мы извели целую кучу ржавой проволоки, весь клей и все болты, которые у нас с собой были. Нам могло не хватить на возможный ремонт дирижабля.

Но если мы до него не доберемся, то зачем нам вообще нужны эти несчастные болты!

— Как мы его назовем? — спросил Като, когда мы закончили сборку. Он уже достал маленькую банку с краской. У него всегда с собой запасы.

Мы с Марекой пожали плечами и переглянулись. Мы еще даже для дирижабля имя не придумали. А наш прекрасный многоместный велосипед с гусеницами вместо колес требовал чего-то совершенно *особенного*.

— Треска, — сказал Стим.

— Что?! — мы возмутились. Вот уж придумал имя для гусеничного механизма. Всего-то шесть букв!

— Оно трещит.

Немного покричав (Марека еще и попыталась отомстить за дважды подбитый глаз), мы согласились. Все равно лучше варианта у нас не было. Като надулся, но буквы написал. И поклялся страшной клятвой найти для дирижабля самое крутое и длинное имя на свете. И пусть он хоть какие звуки издает.

Несмотря на маленькое имя, Треска нас не подвела. Она трещала, скрипела и скрежетала, но перла по серой пыли с хорошей скоростью. Мы крутили четыре пары педалей. А младенец Лия-2 всю дорогу изображала гальюнную фигуру и выла, как настоящая сирена, отпугивая мелких зверей, чтобы под гусеницы не попадали. Очень красиво у нее это получалось, но пару сусликов мы все равно задавили.

Дирижабль ждал нас как миленький. Целый и невредимый. Большой и серый. Все детали на месте: и гондола, и гайдропы, и окна, и винт, и пояса жесткости почти не погнулись. Мы поискали людей, но там были только мертвые. Видно, сильно стукнулись о землю. Большая удача и много красивой одежды. Фуражку капитана мы решили носить по очереди.

Разобраться в устройстве дирижабля получилось не сразу. Мы аккуратно раскручивали его части и закручивали их обратно. Чуть не задохнулись, когда полезли в газовые мешки, и немного обгорели, когда первый раз попытались запустить дирижабль в воздух. Мы сбили ладони в кровь, Марека еще раз получила в глаз сорвавшимся тросом, а Лию-2 чуть не придавило насовсем, когда она полезла под руль направления.

Тут мы содрогнулись, представив, что с нами сделает Туна, если мы не вернем Лию-2, и запретили ей приближаться к дирижаблю пока мы сами во всем не разберемся.

И мы разобрались! И он взлетел! Тяжело поднялся в воздух, закрутил винтом и слегка покачиваясь пошел туда, куда мы его направили — домой. Мы орали от восторга и сменяли друг друга у тугого штурвала. Мы смотрели в окна на небо и в большой телескоп — на землю под нами. Мы нашли патефон и устроили Лию-2 крутить ручку и менять пластинки. В небе должна быть музыка.

Наш дирижабль был лучшей штукой на свете! А мы — самыми крутыми летчиками в мире. И я, и Марека, и Като, и младенец Лия-2. Даже Стим был крутой, хоть он и братишка. Мы решили, что немного потренируемся и полетим в настоящее *кругосветное путешествие*.

Город встретил нас оглушительным ревом и целым градом яблок. Все так увлеклись, что не сразу догадались помочь нам причалить. Мы еще добрый час болтались над домами просто так. Потом кто-то все-таки сообразил, что нам надо вниз. Зуб даю, это бабушка Рю привела всех в порядок.

Хотя и не до конца. Когда мы сошли на землю, нас чуть не прибили на радостях. Бабушка Синь от души шлепала нас по задам, причитая, что нас! не было! целый! месяц! и все думали! что нам! конец! Бабушка Рю отгоняла взволнованных соседей, которые хотели пощупать нас и наверняка убедиться, что мы живые, а не утонули в болоте. Как будто так не видно, что волосы у нас не рыжие!

Туна и младенец Лия даже разговаривать с нами не стали. Сцапали упирающуюся Лию-2 и убежали домой (когда все утихло, мы достали ее обратно и с Туной помирились). Мэр кричал, что больше никогда не выпустит нас из ангара! И еще что-то про насосную машину, но это мы и вслушиваться не стали. Даже Стиму досталось в общей суматохе. Бабушка Синь потом извинялась.

Но мало по малу все успокоились. И даже нас накормили. После того, как мы все подробно рассказали и пустили половину города посидеть в гондоле. Вторая половина побывала в ней на следующий день. Город братишек тоже дождался своей очереди.

Дирижабль мы назвали ПО Севмашпредприятие. Когда Като придумал это имя, бабушка Рю и бабушка Синь как всегда очень смеялись. А нам понравилось. Уж точно куда лучше, чем Треска!

Наш ПО Севмашпредприятие встал на прикол между нашим городом и городом братишек. Потому что больше нигде не помещается и потому что братишкам по-честному принадлежит одна пятая от него. У нас опять временное перемирие со всеми, кроме Стима. Братишку Стима мы теперь больше не тронем никогда. Мы подарили ему латунную звезду и назначили старшим дежурным офицером ПО Севмашпредприятия. Туна пообещала сшить ему отдельную фуражку. Попозже.

А пока мы пошли и как следует навяляли болотным.

2017 г.

Эквилинеарность

Старикан появился прямо перед тем, как пришла песчаная буря. Мы, как известно, любим чужаков, у них есть новости. Но у этого новостей не было. Он вообще был странный. Не похож ни на кого, кто раньше добирался до нашего города.

Мы как раз достраивали *эллинг* для ПО Севмашпредприятия, чтобы защитить его от бури. Она уже темнела на горизонте, а мы еще не закончили и очень торопились. И тут возник старикан. В длинном плаще, с тростью и начал говорить из-за наших спин странно:

— *Что над землею? Шар воздушный. Что под луной? Аэростат!*[2*] Экое чудесное создание у вас, молодые люди…

[2*] В тексте использованы строки из стихотворений Александра Грина, Уильяма Шекспира, Анатолия Жигулина и Ильи Кормильцева.

Мы даже подпрыгнули немного от неожиданности. Младенец Лия-2 завизжала. А братишка Стим хотел кинуть в старикана яблоком. Но тот поднял руку и сказал, что пришел с миром. Ничего себе мир: говорит такое. У нас не воздушный шар и не аэростат. Это дирижабль! Понимать надо.

Поэтому мы решили не тратить яблоки, а просто накинулись на старикана и немножко помяли его. А потом потащили в город. Для начала к бабушке Рю и бабушке Синь, потом, может, остальных позовем.

Бабушка Рю и бабушка Синь одобрили наше решение. Только велели Лии-2 отдать ему сумку и трость. Мы посадили старикана на старый ковер и начали задавать ему вопросы. Он отвечал охотно, даже словно нормальный. Хотя был совершенно ненормальный, с этим кто угодно согласится.

Он сказал, что его зовут Поль и он *филолог*. Бабушка Рю нахмурилась, бабушка Синь ахнула, а он засмеялся.

— Абсолютно бесполезное существо, я понимаю. Я бы не стал причинять вам беспокойства, но молодые люди были столь настойчивы, зазывая меня к вам…

Еще бы мы были настойчивы! Мы любим чужаков и не любим, когда нас запутывают странными словами. Лия-2 подлезла бабушке Рю под руку и спросила, что такое *филолог?* Бабушка Рю не успела ответить. А старикан сказал:

— *Приветствуйте Филолога и Юлию, Нирея и сестру его, и Олимпана, и всех с ними святых…*

И снова засмеялся. А мы переглянулись. Он что, не один пришел? А где остальные? Юлия вот эта и все как их там? Мы уже собрались бежать обратно и смотреть, не испортили ли эти незамеченные чужаки ПО Севмашпредприятие. Но бабушка Рю покачала головой. И наконец улыбнулась.

— Отпустите-ка его, — сказала бабушка Рю. — Он безопасный. И не дергайтесь, нет там никого у вашего дирижабля.

Мы, конечно, поверили, но все равно толкнули Лию-2, чтобы сбегала посмотреть.

— Замечательный дирижабль, между прочим, — сказал *филолог* Поль. — Только название у него какое-то… *непоэтичное.*

— Мы тут вообще *поэзией* не увлекаемся, — ответила бабушка Рю. А после этого выгнала нас из дома. И закрыла окно, так что мы могли подслушивать сколько угодно, только без толку.

Через несколько дней все понемногу привыкли к *филологу* Полю. Первым сдался Като, потому что чужак знал много новых слов. Например, эк-ви-ли-не-ар-ность. Като просто втрескался в него и при каждом удобном случае просил нас с Марекой что-нибудь построить, чтобы потом так назвать.

Потом Туна пристала к *филологу* Полю, чтобы он придумал имя ее новенькому младенцу. Сначала-то она хотела назвать его Лия-ноль, но потом решила, что это скучно. *Филолог* Поль обрадовался и придумал столько имен, что хватило бы на целый город новых младенцев. Но у нас столько не было и Туна, запомнив сколько смогла, стала думать, какое выбрать.

Мы с Марекой не очень-то интересовались чужаком, но он сам ходил за нами и постоянно спрашивал про всякое. Особенно про ПО Севмашпредприятие. Он спрашивал, как мы его нашли. И как к нему ездили. И как подняли его в воздух. И как летели. Он раз сто уже слушал и раз сто говорил потом одно и то же:

— *Как радует отца на склоне дней наследников отвага молодая!* — и снова смеялся.

Еще *филолог* Поль умел рассказывать истории. Они были совсем не похожи на истории бабушки Рю и бабушки Синь, но тоже ничего. Нам с Марекой больше всего нравилась та, которая про летающий корабль. Герои там были глупые, но они тоже умели летать, как мы.

Но чаще всего *филолог* Поль говорил странно. Он называл это *поэзия* и смеялся, что мы дикие люди, раз не понимаем ее красоты.

Иногда он закрывался в доме у бабушки Рю или у бабушки Синь и что-то много записывал маленьким карандашом в маленькую синюю книжку. Мы думали, что там он тоже пишет *поэзию,* но проверить не могли. Като несколько раз пытался книжку стянуть и несколько раз получал по шее.

Филолог Поль мечтал, чтобы мы покатали его на дирижабле. Даже помогал нам достраивать эллинг, хотя пользы от него было немного. У него с собой был только один инструмент. Маленький и совершенно бестолковый перочинный ножик. Им много не поработаешь. Поэтому *филолог* Поль в основном бродил рядом и читал нам *поэзию*. Мы к ней тоже уже немного привыкли и начали понимать красоту.

— *И все доступно, все открыто, и ничего еще не жаль. И надо мной плывет, как рыба, огромный сонный дирижабль*, — вот это нам очень нравилось, про дирижабль.

Мы не успевали совсем немного. Песок начал засыпать город и все убежали прятаться. А мы с Марекой и Стимом остались. Потому что, если мы не закончим, ПО Севмашпредприятие погибнет и никто никуда больше не полетит. До ближних лазов домой недалеко, мы еще успеем.

Песок летел в нас со всех сторон и противно скрипел и кололся. Но нам нужно-то было всего лишь поставить дверь на петли и как следует заколотить ее. Большие гогглы помогали видеть, а рты и носы мы закрыли платками.

ПО Севмашпредприятие все-таки немного занесло, но не сильно. Когда буря уляжется, вычистим и будет как новенький. Мы решили, что сейчас он и правда был немножечко похож на рыбу, которая заснула. Хотя рыб мы видели нечасто.

Закончив работу, мы еле вернулись к лазам. Буря совсем разошлась, было темно и даже немного страшно. Лазы пришлось искать наощупь. И люки открывались с трудом. Но мы нашли и открыли. Стим прыгнул в свой, мы с Марекой в свой, который вел к нашему городу. И уже через пять минут были в ангаре. А там был переполох. Хотя и не из-за нас: мы предупреждали, что вернемся позже.

— Лиииииия-2! — Туна визжала как резаная и пыталась то побиться головой о стену, то выцарапать нам с Марекой глаза. Как будто мы были виноваты, что Лия-2 спряталась в эллинге и не вернулась домой. Мы ее там и не видели даже.

Но мы, конечно, были виноваты и собрались идти назад, чтобы найти младенца Лию-2. Бабушка Рю и бабушка Синь кричали на нас, что мы с ума сошли. Мы кричали, что Лия-2 наверняка сидит в гондоле и крутит патефон. Это ее любимое занятие. А если она сидит в гондоле, то ей ничего не грозит. Эллинг у нас получился крепкий! А Туна и оставшиеся младенцы просто кричали. И буря еще выла. Так что мы друг друга почти и не слышали.

Пока мы кричали, пропал *филолог* Поль. Спер мои гогглы, надел плащ и исчез. Младенец Лия сказала, что он ушел в лаз, ведущий за город. К эллингу. За Лией-2. Вот дурак, он же даже дверь не откроет один. Но почему-то мы за ним не пошли.

Просто замолчали все. Стояли возле лаза и ждали. Нам показалось, что прошла целая вечность. Если бы *филолог* Поль был с нами, он бы наверное сказал бы что-нибудь странное и ободряющее. И

смеялся бы. Но он был где-то там, под песком и темнотой искал Лию-2. А мы ждали и ждали.

И он ее нашел! Они вылезли из лаза, помятые и грязные. Но Лия-2 выглядела целой! *Филолог* Поль завернул ее в плащ с головой и она даже не чихнула. Только натрясла кучу песка из волос и все. Туна тут же утащила ее домой.

А *филолог* Поль сел на пол и долго-долго кашлял. Очень долго, хотя мы давали ему воды и даже пытались бить по спине. К вечеру он лег в постель и не смог из нее встать. Бабушка Синь и бабушка Рю выглядели очень встревожено.

Он лежал несколько дней. Иногда тихо засыпал, иногда начинал метаться и стонать. Бабушка Рю сказала, что у него жар и песчаная лихорадка. Они с бабушкой Синь лечили его и постоянно отгоняли нас от постели. А мы возвращались снова и снова. Даже Туна с младенцами. Потому что иногда *филолог* Поль приходил в себя.

— Как жаль, что мы так и не полетели, — говорил он нам.

А мы кричали, что скоро буря закончится и мы полетим. А он качал головой и снова говорил *поэзию*, только уже совсем-совсем непонятную.

— Это наша дорога сгорает у нас за спиной сколько нужно ей дней чтоб совсем до конца догореть?..

А потом взял и умер.

Это было очень удивительно. У нас в городе еще никто не умирал вот так. Просто так. Чтобы даже бабушка Синь, которая до Известных Событий была врачом, помочь не могла.

— Как он это вообще? — спрашивали мы друг друга.

— Так бывает, — говорила бабушка Рю. А бабушка Синь вообще отказалась с нами разговаривать на эту тему.

Они, бабушка Синь и бабушка Рю, очень расстроились. И, кажется, даже немного поплакали. Это Като сказал, но мы не очень поверили. Они же не младенцы и не Туна, чтобы плакать. Хотя без *поэзии* жить стало здорово скучнее.

Бабушка Синь сказала, что есть *филолога* Поля мы не будем. Потому что он весь отравленный и в песке. И мы отравимся тоже. И, вообще, не дело это... Мы согласились.

— Но вы можете взять что-то из его вещей, — сказала бабушка Рю.

Мы взяли. Като забрал маленькую синюю книжку, в которую так давно хотел сунуть нос.

Туна прибрала к рукам плащ, пообещав сшить из него младенцам Лии и Лии-2 и младенцу Эвридике-Рахили-Лауре-Фрези-Лии-ноль три маленьких плаща.

Стиму мы оставили бестолковый перочинный ножик. Им ничего толком не сделаешь, просто на память.

Мы с Марекой забрали трость. Она из крепкого металла, пригодится, когда мы будем строить что-нибудь, что назовем красивым словом *эквилинеарность*. Это уже после того, как прекратится буря.

Но сначала мы, конечно, покатаем *филолога* Поля на дирижабле. Ждать осталось совсем недолго.

2017 г.

Бункер

Мы, конечно, сами были виноваты. Потому что никого не предупредили. Даже Като с Туной. Ну и вообще, когда в городе поймут, что вместо насосной машины мы снова сделали самолет и улетели его испытывать, начнется большая нервотрепка.

Еще хуже будет, если мы не вернемся. А мы, может быть, и не вернемся, потому что разбились. То есть, мы-то с Марекой почти целые, так, поцарапались немножко, а вот нашему новому самолету — каюк. Одно крыло треснуло, винт в клочки, на месте носа одна большая дыра. А еще назвали его в честь филолога — *Эквилинеарность*. А он взял и не выдержал.

Бум! И все.

Мы пытались починить самолет. Но нам нечем было заменить разбитые детали. Мы упали посреди огромной пустоши, где не было даже деревьев. И ни одного хотя бы маленького кустика.

Но самое плохое, что сломался компас. Наш единственный компас, который мы временно сперли с дирижабля. Когда Стим об этом узнает, он нас убьет. Если до этого момента нас не убьют все остальные. Или сами не помрем.

— Куда пойдем? — спросили мы друг друга. Собрали все, что могли унести с собой, и пошли в ту сторону, откуда прилетели. Ну, примерно. Потому что тем, как упасть совсем, Эквилинеарность хорошо помотало и мы немного потеряли ориентацию.

Эквилинеарность у нас получилась гораздо лучше Локхида F-104 Старфайтера и улетела гораздо дальше. Не так далеко, как мог бы дирижабль, но города не стало видно совсем скоро. И теперь нам надо его найти. А где он?

Мы шли очень долго. И вокруг ничего не было. Одна большая пустошь. Даже суслики не попадались. И уже совсем скоро должно было сесть солнце. А, значит, будет холодно. И, может быть, страшно. Потому что в незнакомом месте всегда страшно. В прошлый раз нас хотя бы было пятеро. И дирижабль был. А теперь ничего, кроме остатков Эквилиарности и нас с Марекой. И пустоши. И странного квадратного дома с очень узкими окнами. Мы таких еще не видели.

— Эй вы, двое!

Мы подпрыгнули. В доме открылась дверь. Мы ее даже не заметили сразу. А из нее выглядывала тетушка. Незнакомая тетушка. Не похожая ни на наших, ни на братишек, ни на болотных. Она была чужак. И очень красивая. Такая же как Амелия, про которую нам рассказывала бабушка Рю. То есть, мы Амелию никогда не видели, но так мы ее представляли.

Тетушка махала нам рукой и звала к себе. Мы пошли. Потому что было интересно, откуда она взялась. И откуда дверь взялась. И, может, у нее там еда есть.

Дверь вела в место, которое тетушка назвала *бункер*. И еда там была. Мы такую никогда не пробовали. Жестяные банки с мясом и еще другие банки с чем-то белым и сладким. Только нам они стали неинтересны. Потому что в *бункере* было много такого, от чего мы с Марекой просто застонали. Техника! Лампы! Кнопки! *Мониторы*! И еще лампы! И рычаги! Все, что мы видели на картинках. Или вообще не видели никогда.

Мы смотрели, открыв рты, пока тетушка не окликнула нас и не потребовала рассказать, кто мы такие и что тут делаем. И сказала, что ее зовут Сузи. Мы рассказали ей про самолет.

— Самолет? Летает? — спросила тетушка Сузи.

Мы признались, что уже не очень. Но если мы найдем что-нибудь, чем можно заменить сломанные детали, то починим его и он полетит снова. Тетушка Сузи сказала, что разрешит нам покопаться и поискать что-нибудь подходящее.

— Но это завтра, сейчас надо спокойно переждать ночь, — сказала она.

И запретила нам пока трогать все, что есть в *бункере*. Кроме банок с едой. Это, конечно, было неприятно. Потому что зачем кнопки и рычаги, если их нельзя нажимать и дергать?

Но потом. Она сама. Включила. *Мониторы*! Они показывали все, что происходило снаружи. То есть, сейчас там ничего не происходило, кроме заката. Но если бы что-то началось, мы бы увидели.

— Ну, рассказывайте еще, что у вас там за дела с вашим самолетом? — спросила тетушка Сузи.

И мы рассказали ей про Локхид F-104 Старфайтер, и про Эквилинеарность. И про ПО Севмашпредприятие тоже рассказали. И даже про Локхид Мартин F-22 Раптор и асфальтоукладчик братишек.

— Дирижабль, с ума сойти! — хмыкала тетушка Сузи. — И что, тоже летает?

Мы заверили ее, что еще как летает. Только вот компас поломался немного.

— Это ничего, — сказала тетушка Сузи. — Думаю, с компасом мы как-нибудь разберемся.

Мы обрадовались. Тетушка Сузи все больше казалась нам похожей на сказочную Амелию. Красивая, добрая, любит самолеты и с компасом поможет. Вот если бы она еще разрешила нажать на кнопки и подергать рычаги.

Мы с Марекой уже почти спали, когда *мониторы* начали пищать. Мы кинулись смотреть. И увидели, как к нашему бункеру двигаются три большие-большие машины. Такие большие, почти как Локхид Мартин F-22 Раптор.

— Или даже больше, — сказала Марека.

— Нашли-таки, — сказала тетушка Сузи. — Чертовы идиоты.

Мы не поняли, кто нас нашел, но на машины было страшно интересно смотреть. Они были на гусеницах, это нам понравилось. А вот длинные толстые трубы на башнях не понравились. Наши рога были круче.

Но наши рога не умели издавать такие звуки и выплевывать *снаряды*. Это Марека вспомнила такое слово, когда первый *снаряд* попал в нашу стену. Бум! И нам это не понравилось уже совсем.

— Они что, хотят сломать наш *бункер*? — спросили мы у тетушки Сузи.

Бум!

— Еще как! — ответила она. — Сначала сломают бункер, а потом и нас. Правда, здорово?

И она достала еще одну штуку, которую мы видели только на картинках. Бабушка Синь сначала вообще не хотела, чтобы мы на нее смотрели. Но бабушка Рю сказала, что мы должны знать. Хотя бы для того, чтобы никогда не брать ее в руки. Это был *пистолет*. И в нем тоже были снаряды. Такими *бункеры* не ломают. Такими убивают людей. Дрянная штука, по мнению бабушки Рю.

Мы с Марекой не были уверены, что она поможет нам, но, может быть, тетушка Сузи знает лучше?

Бум!

— А зачем они хотят нас сломать? — спросили мы.

— Потому что Сузи сломала много людей и теперь ребятки злятся. И очень хотят сломать Сузи в ответ, — она посмотрела на нас. — А вас, может, и не очень хотят, но тоже, пожалуй, сломают.

Бум! С потолка посыпалось.

Мне показалось, что тетушка Сузи даже рада такому *повороту событий*. Но мы-то ему рады не были! Мы не самолет, нас так просто не починишь. Да и кто нас будет чинить, если никто не знает, что мы здесь.

Бум! На стене, в которую летели *снаряды* появилась небольшая трещина.

— Но, думаю, будет лучше, если мы поломаемся сами, да? — тетушка Сузи улыбнулась. — Жаль, конечно, я хотела сделать это, пока вы спали...

Марека ткнула меня в бок и кивнула на *пистолет*. Она была права: из такой штуки большие машины со *снарядами* не победить. Если бы еще сверху, с Эквилинеарности. А вот нас — запросто.

— Может быть, с ними можно поговорить? — спросили мы.

Тетушка Сузи засмеялась и щелкнула *пистолетом*.

— Глупые дети. Не о чем нам с ними разговаривать! Поэтому мы немного подождем, но если этот чертов бункер не устоит, то я прикончу вас и себя.

Бум!

Она снова засмеялась. А потом говорила еще, что в этом мире нет места нормальным людям. И если мы этого не понимаем, то ей нас жаль. Но ей нас жаль и так. Поэтому она нас прикончит. И себя. Потому что после *Известных Событий* вокруг одни *страдания*. А мы должны быть ей благодарны. За то, что она избавит нас от них.

Нам это совсем, совсем не нравилось. И тетушка Сузи нам тоже больше не нравилась. Она перестала быть похожей на Амелию. Амелия любила самолеты. Она не стала бы нас приканчивать.

И Амелия не была такой глупой. Мы же вовсе не дети. И умеем хорошо подраться. И любим свежее мясо. Так что тетушка Сузи только один раз всего и успела выстрелить. Куда-то в потолок. А потом Марека свернула ей шею.

Бум!

Вот это было гораздо хуже. Те, в машинах, не знают, что мы решили их проблему. Они думают, что мы еще их проблема. И поговорить с ними, наверное, уже точно не получится. Хотя мы немножко и покричали. На всякий случай, вдруг услышат.

Бум! Бум!

И тогда Марека предложила пойти жать на кнопки и тянуть рычаги. Даже если они нас все-таки поломают, то мы хотя бы повеселимся напоследок. Бабушка Рю всегда говорит, что помирать надо *с музыкой*. Бабушка Рю умная, мы ее слушаемся.

Марека пробежалась пальцами по всем кнопкам сразу, а мне достались рычаги. Они скрипели, но поддавались и сдвигались. В бункере зажглись все лампы и стало светло, как днем. Что-то защелкало и запикало. На потолке закрутились непонятные лопасти. На тех *мониторах*, которые раньше были черными, забегали зеленые буквы и цифры. Разобраться в них мы не смогли, но было красиво.

Бум!

Дверь выгнулась и слетела с петель. *Снаряд* пролетел мимо нас и бахнул в стену. И застрял в ней А мы жали и дергали, и хохотали, и орали от восторга и страха. А потом...

А потом.

А потом!

Ба-бах!!!

Прямо из-под земли, там, где стояли машины на гусеницах и с трубами, полетели вверх огни. Сотня огромных, ярких, злых огней. Ба-бах! Бах! Бах!

Сначала взорвалась одна машина. Потом другая. Потом третья. Мы уже никуда не жали, а побежали к двери и смотрели. Это было так красиво. ТАК КРАСИВО.

БА-БАХ!

До самого утра мы смотрели, как летают огни. Они улетали очень высоко и падали назад пустыми железными болванками. Смотрели, как догорают машины с дурацкими трубами. Если мясо из жестяных банок и белую сладкую штуку и смотрели. Жалко только никого из наших не было рядом. Им бы понравилось. Клянусь Эквилиарностью, им всем бы очень понравилось!

Утром мы вернули все рычаги на место и отжали все кнопки. Забрали у тетушки Сузи *пистолет* и развинтили его. Бабушка Рю была права, это дрянная штука. А саму тетушку Сузи брать не стали. Вместо нее мы захватили сколько смогли банок с едой и разных деталей, которые нам пригодятся. И нашли еще компас. Не такой хороший, как был у нас, совсем маленький. Но направление он показывал верное.

И пошли домой.

А когда пришли, то доделали эту чертову насосную машину. Так что никто почти и не злился. Только Стим. Но и он — совсем недолго.

2018 г.

Из цикла «Черный Пеши»

Как довезти принца

Когда работы нет, я продираю глаза хорошо если к полудню (по местному времени). Долго ворочаюсь, перекладывая подушку разными сторонами, открываю глаза, закрываю глаза, потягиваюсь, скрючиваюсь, накрываюсь одеялом с головой, скидываю его на пол, не встаю, не встаю, не встаю.

А когда все-таки встаю, то долго брожу по кораблю в одних трусах, часами пью чай на вылизанном до истерического блеска камбузе, туплю в Сеть, смотрю древние мультфильмы, мою все, на чем успела посидеть хотя бы одна пылинка, делаю никому не нужные расчеты, перечитываю бортовой журнал, и так далее, и так далее. Умираю, короче, со скуки.

Когда работы нет, жизнь во сне выглядит куда более привлекательной. Когда работы нет вот уже четвертый месяц подряд,

даже самоубийство может показаться вполне сносной движухой. Все-таки надо способ придумать, инструмент раздобыть, прощальное письмо изобразить…

Именно о прощальном письме я и думала, лежа поперек койки 13 февраля 2115 года ровно в полдень по времени Земли-4. Не всерьез, конечно. Я знала, что рано или поздно работа отыщет Черного Пеши и его команду. Просто приятно было, как корочку на болячке ковырять. Знаете, это мерзкое детское удовольствие…

Я уже обдумала, на какой бумаге напишу свое прекрасное последнее письмо (только на настоящей бумаге! поиски ее на черном рынке займут минимум дня три) и какого цвета чернилами (еще двое суток), и перешла к языку, на котором буду просить меня простить… базовая космолингва? земной английский? русский восстановленный? клингонский? старопешский?..

Я крутила языки, прикидывая на каком из них будет лучше звучать «Мои дорогие друзья», но что-то мне отчаянно мешало. И это была не подушка, которая к этому моменту уже валялась на полу. Не гудение кондиционера, я слишком к нему привыкла, чтобы он мне мешал. И даже не желание сходить пописать. Какое-то сложное чувство, какой-то невнятный зуд…

Я вскочила. Я поняла. Вот оно, вот же! Я была на корабле не одна! Ребята! Работа! Ура! В секунду впрыгнув в штаны и майку, я вылетела из каюты и на секунду замерла на пороге: принюхиваясь к обстановке.

Из колонок играла музыка, с камбуза пахло кофе, где-то внизу, там, где технические дебри, что-то гудело и потрескивало, в кают-компании разговаривали на повышенных тонах. Черный Пеши ожил.

Первым делом я рванула на камбуз. Крики, доносящиеся из кают-компании, означали, что Кэп страшно занят. Вообще-то он не кричит, он так разговаривает (десять лет службы в Военной академии на Земле-3 так просто не проходят), и чем громче его речь, тем сложнее задача.

А на камбузе Буг варит кофе, и он-то точно никаких задач не решает. И значит, ему можно падать на шею, орать в ухо радостные глупости и задавать насущные вопросы.

— Бугги!

На свежей желтой футболке второго помощника капитана растекалось свежее кофейное пятно.

— Привет, — сказал Буг, не большой любитель объятий и поцелуев.

У нас маленький корабль и маленькая команда. Зато и круче нас никого нет, я уверена. Хотя мир пока еще не до конца признал этот факт (и приходится сидеть без работы по несколько месяцев подряд).

Мы стараемся работать честно — «Частные перевозки Скорски и Ко: доставим в лучшем виде!» — но с большим грузовым флотом нам тягаться сложновато. Поэтому команда Черного Пеши чаще всего пробавляется мелкой контрабандой. Ничего особо криминального, честное слово. Так, всякая ерунда, которая либо почему-то признана незаконной на одной планете и абсолютно легальна на другой, либо требует средств на растаможку раза в три больше, чем возьмем мы (и это с учетом взяток минимум на двух границах!).

— Рассказывай, что происходит? У нас заказ? Какой? Куда? Сколько? — я так устала сидеть в одиночестве на корабле, что тараторила без умолку. Мне было абсолютно все равно, какой и куда у нас заказ, главное, что он был и не надо больше со скуки драить полы и придумывать прощальные письма.

— Не знаю пока толком сам, — ответил Буг, сунув мне кружку. — Кэп выдернул меня буквально из постели и велел собирать вещи.

Бугу тоже было все равно, куда мы летим. Он, в отличие от меня одиноким совсем не был, и жил дома — с женой и тремя детьми. Буг их обожал, часами общался с ними по видеосвязи, и к концу любого, даже самого небольшого рейса, здорово тосковал по ним. А через пару дней семейной идиллии, начинал рваться в космос. Так и жил, разрываясь.

Дверь камбуза открылась и вошел Кэп. С ним мы обнимались долго и радостно. Капитаном Александр Скорски назывался больше формально: мы все были равноценными партнерами, но он был старше, умнее и фамилия у него была самая красивая. Поэтому мы с Бугом любезно уступили ему капитанскую должность, а сами в судовой роли значились как первый старший помощник капитана и второй старший помощник все того же капитана.

— У нас дело, — сказал Кэп. — Моя бывшая жена...

— Это которая? — бестактно влезла я. Кэп был очень честным человеком, отчего жениться ему приходилось немного чаще, чем среднестатистическому мужчина.

— Пелéна, — сухо ответил Кэп.

— Ага, это значит, позапрошлогодняя, — кивнул Буг.

Я хихикнула. Но Кэп знал, с кем имеет дело, и с толку его было не сбить.

— Так вот, — сказал Кэп, — моя бывшая жена Пелена нашла нам контракт. Нужно отвезти человека на Ладу. Тайно.

— Это понятно-о, — протянула я. — На Ладу только тайно и ездить. Иначе как в глаза потом людям смотреть. А что за человек?

— Принц, — ответил Кэп. — Я не понял, не то украденный, не то потерявшийся, не то вовсе опальный… Короче, денег много, главное, довезти.

— Довезем, делов-то, — сказала я.

Буг кивнул.

К приему принца Кэп заставил нас переодеться. Непонятно, зачем, парадной одежды у нас все равно никогда не было, мы же не официалы. В другое время мы бы завыли и заныли, и потребовали бы аргументов и веских причин, но четыре месяца без работы довели нас до ручки. Поэтому Кэп дал команду, а мы взяли под козырек и не вякаем.

Я сменила пижамные штаны на комбез и забрала волосы, а Буг снял футболку с пятном и надел без пятна. Сам Кэп был, разумеется, само совершенство: в классических джинсах, мятом хлопковом пиджаке и начищенных до блеска казаках — он мог не только принца встречать, но и на Совете Галактик выступать.

Когда возле люка корабля наконец появились гости, я поняла, что стоим мы навытяжку и едва дышим. То есть, не то чтобы мы там принцев не видели или еще что, Сеть нам для чего, но вот возить их все-таки еще не приходилось. Обычно Черному Пеши достается что попроще.

— Ничего себе королевская порода! — шепнула я Бугу, когда гости зашли в корабль. Буг ущипнул меня, после того случая с арконцами, он считает, что следить за моим языком — его святая обязанность. Я, после того случая с арконцами, сильно и не спорю. Будет время посплетничать.

А обсудить было что. Высокая особа была очень обширна, складки его безумных одежд, колыхались, скрывая очертания, но не скрывая, что очертания эти колышутся тоже. Лицо принца закрывала вуаль, такая густая, что непонятно было, какого черта он вообще видит сквозь нее. Короче, меньше всего этот тип был похож на принца, а больше всего на леррейского слона, которого зачем-то накрыли

десятком пестрых одеял (причем некоторые из них были очень, очень старые).

Позапрошлогодняя жена Кэпа Пелена Скорски, сопровождавшая принца, выгодно отличалась от своего подопечного. Мелкая и худющая, она наверняка знала, что одежда — это ограничитель свободы и отживший предрассудок. Поэтому на ней ее почти и не было, так, пара символических тряпочек, шнурков и блесток.

— Здравствуйте, мои дорогие, — нежно замяукала Пелена, и мы все расплылись в улыбках. Голос селест считается одним из прекраснейших в обитаемой части Вселенной, куда там мифологическим (да и настоящим тоже) сиренам. — Как же я рада вас видеть, мои хорошие.

Пелена крутанулась по коридору волчком, обдав каждого из нас любовью и запахом своих духов.

— Скорски, лапа ты моя, спасибо тебе, спасибо, ты даже не представляешь, какую неоценимую помощь ты оказываешь лично мне, не говоря уж о... — Пелена закатила глаза и заговорщически ткнула пальцем в небо. Кэп нахмурился. Кого она имела в виду, интересно?

— Буги, приятель, как давно мы с тобой не виделись! — Она бросилась Бугу на шею, от чего тот окончательно поплыл и, когда Пелена отлипла, уже мне пришлось щипать его.

— Я, деточка, ты отлично выглядишь! — Пелена изобразила попытку поцеловать меня, звучно чмокнув воздух за моим левым ухом.

Когда приветственные формальности были закончены, а мы немного адаптировались к звучанию голоса Пелены, пришла пора знакомиться с гостем. Ну то есть как — знакомиться. Его имени никто не называл, наши ему были, в общем-то, без надобности, адрес, по которому через сутки двинется Черный Пеши, был давно известен. Так что вся церемония приветствия свелась к тому, что принца провели в тайную каюту, показали, куда жать, чтобы что-нибудь получить, предупредили не пугаться странных звуков снизу и попросили прислушиваться к звукам, которые могли доноситься из интеркома, — невыполнение указаний во время полета могут закончиться плачевно, даже если вы король галактики, а не что какой-нибудь контрабандный принц. Ну и все, собственно, обед в два, ужин — как захочется, вход на камбуз в любое время, но только после

того, как пройдем таможню, всем спасибо, все могут отправляться по своим местам.

Строго говоря, везти контрабандой партию пауджема, стадо прейских котиков или толстого принца неизвестной империи — один фиг. Даже некоторые нюансы, не отменяют простого алгоритма действий: следи, чтобы содержимое тайной каюты не разбежалось по всему кораблю, будь вежлив с офицерами на границе и не зевай на входе в кротовую нору.

Таможню со стороны Земли-4 Черный Пеши прошел очень быстро, всего за каких-то двенадцать часов. Это нам с одной стороны повезло, с другой — чтобы повезло, надо знать, какую лошадь и чем кормить. Буг так говорит, он у нас большой спец по переговорам с таможнями, пограничниками и прочими официальными лицами, которым жизнь не мила без того, чтобы нагреть руки на маленьких честных контрабандистах вроде нас.

Когда вылетели, меня у штурвала сменил Кэп, а я пошла к Принцу, чтобы проверить все ли в порядке. Поскреблась в интерком, предварительно сняв все защиты от лишних глаз (в открытом космосе они нам ни к чему, а энергию жрут будь здоров; будем подлетать куда-нибудь, снова включу), а когда мне никто не ответил, аккуратно заглянула внутрь.

За время, прошедшее с момента заселения Принца, в каюте ничего не изменилось. Как сел он в большое кресло, полностью скрыв его своим телом и одеялами, так и сидел. Баллон с водой стоял нетронутый, дополнительные светильники он тоже не включал, похоже даже не двинулся ни разу. Только дышал очень тяжело..

— Вам что-нибудь нужно? — спросила я, извинившись за вторжение. Тишина была мне ответом. — Воды? Поесть что-нибудь? Ваше... это... высочество? Вы в порядке?

Я говорила на базовой космолингве, потом на всякий случай продублировала вопросы на земном английском и клингонском. Других распространенных языков я выучить не успела, а Принц вряд ли говорил на русском или старопешском.

Так и не дождавшись реакции, я рискнула подойти поближе к Принцу, даже потянула его за край одного из одеял и почему-то драматическим шепотом спросила:

— Сэээр, Ваше высочествооо, у вас все хорошоооо?

Сиплый вдох, тяжелый выдох и верхушка горы одеял кивнула. Я сочла это добрым знаком и еще раз извинившись, сбежала.

— Яя, подойди, пожалуйста, в рубку, — голос Кэпа из интеркома застал меня в тот момент, когда я пальцем вымазывала остатки сгущенки из пакета. От неожиданности чуть не обляпалась, но вовремя спохватилась и сунула сладкий палец в рот. И прям так, с пальцем, и спросила:

— Фто флуфилофь?

Как будто Кэп будет объяснять, пока не увидит меня собственными глазами. Поэтому через секунду пакет полетел в дезинтегратор, а я в рубку.

— Яя, у нас хвост, — Кэп был явно взволнован и говорил громче обычного.

— Вы уверены? — у капитана Скорски время от времени случаются страшные приступы паранойи на ровном месте. Издержки профессии, помноженные на богатый опыт.

— Уверен, садись давай.

Только я примерилась к своему креслу, как сидящий на управлении Буг дернул корабль, и сесть у меня не получилось, зато упасть — на отличненько.

— Воу-воу, Буги, полегче, — крикнула я. Буг меланхолично кивнул и дернул корабль еще раз.

— Хочу заметить вам, господа, — сказала я пристегиваясь на случай, если Буг решит продолжить свои эксперименты с траекторией, — что в отличие от гипотетического «хвоста», у нас на борту вполне реальный пассажир. Которому забыли сообщить, что у нас начались танцы. Убьется — и никакого нам гонорара.

Буг еще раз кивнул и потянулся за комом.

— Внимание экипажу и пассажирам. Говорит второй старший помощник капитана Буг Коов. Просьба занять свои места в креслах и пристегнуть ремни. О возможности свободного перемещения будет объявлено дополнительно. Спасибо. Внимание экипажу…

— Молодец… — пробурчала я, не уверенная, что наш принц прислушается к предупреждению (да и поймет его вообще), и вывела себе на экраны обе камеры из каюты гостя. Понятно, что подглядывать некрасиво, но есть ситуации, когда безопасность важнее приличий. Это мне еще мама объясняла, когда вламывалась ко мне в комнату без стука.

В каюте было спокойно. Принц в кресле и так сидел сиднем. А ремень? Я пригляделась — в полутьме фиг чего разглядишь. А, пристегнул таки. Можно не беспокоиться.

Прекратив разглядывать подопечного, я всмотрелась в основные экраны. И аж присвистнула от удивления (Кэп автоматически шикнул на меня: дурная примета).

Хвост был. Вот, правда, «хвостом» я бы это все-таки не называла. Потому что когда у тебя под задницей висят два легких крейсера из тех, что так любят копы, пираты и вневедомственная охрана, пользоваться этим словом несколько наивно. Выражение типа «хана котенку» подходило к сложившейся ситуации значительно больше.

— Так-так, и что это у нас за красивые парни? — спросила я.

Но если на Черном Пеши и был человек, способный ответить на этот вопрос, то он явно сидел не в рубке. Опознавательных знаков на крейсерах не было, наши вежливые вопросительные сигналы они игнорировал, а их близость к нашей корме наводила на мысли о том, что контакт, который они планируют с нами установить, будет стремительным и грубым. А я так не люблю.

— Они за принцем, — сказал Кэп. — Но я не могу понять, как они нас вычислили. Пелена сдала?

— Нет, Кэп! — я возмутилась. Пелена, конечно, была фальшивая насквозь, как все селесты, но и насмерть преданная всем своим мужчинам — настоящим или бывшим, без разницы. Это нас с Бугом она могла кинуть, как воды попить, а Александра Скорски — никогда. — Это не она!

— Не она, — Буг меня поддержал.

— Тогда кто?! — Кэп наращивал децибелы. — Как они узнали, что у нас контрабанда на корабле?

— Когда мы узнаем кто они, мы узнаем и кто нас сдал, — Буг снова задергал Черного Пеши. Как будто в этом был смысл.

— А может... — я запнулась. Меня осенило. Я поняла, кто виноват. Это я сняла защиту, когда проверяла Принца. Но, черт, черт-черт-черт, я же ВСЕГДА так делала. Только не учла, что пауджем, котики и даже оружие могут находиться на любом корабле совершенно законно и проверить это никто кроме таможни не может. А вот гора в пестрых одеялках — она, видимо, одна. То есть, он. Вот черт.

И совершенно понятно, кто за нами прется. Охотники это. Ждали нас, пасли, а я как дура защиту отключила.

— Впереди справа метеоритный поток, — сказал Буг.

Пока я осенялась и грызла себя, мы, оказывается, разогнались до хорошей скорости и даже немного оторвались от преследователей.

Черный Пеши, понятно, не крейсер, а всего-то маленький слегка модифицированный грузовик, но тоже кой-чего может. Зря, что ли, мы в него столько денег вбухали и полгода с Бугом во всех системах ковырялись.

Кстати, метеоритный поток — это тема. Классика жанра, между прочим. Я полистала экраны, раздвигая масштаб, просчитывая варианты и прокладывая маршрут. Мы проскочим, думала я, мы должны проскочить, а эти за нами не сунутся. Слишком большие они.

Правда, поток снимет нас с курса и до нужной нам кротовой норы мы не доберемся. Но там — я сдвинула карту — точно! — есть еще одна. И я даже знаю, куда она нас выведет. До места назначения будет дольше. Но безопасней.

Наверное.

— В поток, — сказала я. — Ребята нам нужно в поток.

Я сбросила им расчеты и маршрут на экраны. Буг в таких штуках был не очень силен, он видел дорогу, не шансы, а вот Кэп ошибки сразу видел.

Две минуты я нервно жевала нижнюю губу, а потом Кэп сказал:

— Давай.

И Буг дал.

В поток мы влетели даже не на третьей, на четвертой космической. Черный Пеши петлял как чертов гонский заяц, за которым несется стая диких псов. Когда в нас врезался первый метеорит — на наше счастье, совсем крохотный, — мы даже не заметили, а вот второй чуть не сбил одно из окон навигации. Корабль вздрогнул.

Я машинально бросила взгляд на картинку с камеры, которая следила за Принцем. И вздрогнула тоже. В полумраке каюты происходило что-то странное. Кресло было пустым, а Принц во всех своих одеждах лежал на полу и совершал какие-то очень странные телодвижения. Очень-очень странные, его болтало (что неудивительно) и выкручивало во все стороны (что было непонятно).

Я отстегнула ремни и, хватаясь за все, что под руку подвернется, рванула к нему. Ребятам даже сказать ничего не успела. Да и не до того им было.

— Что случилось?!! — вынеся к чертям дверь каюты, я грохнулась на колени возле Принца. Он держался руками за живот и тихо стонал. Черная вуаль высоко поднималась от его тяжелого дыхания, тут же прилипала к ноздрям и губам и снова взлетала. Я откинула ее и

замерла на секунду: у Принца были такие тонкие и нежные черты лица, что больше всего он напоминал принцессу. И, судя по всему, принцесса готовилась помереть.

Только признаваться, от чего, никак не хотела.

— Да что случилось-то?!! — я орала не хуже Кэпа, и, кажется, на всех известных мне языках разом. И ихние чертовы высочества соизволили мне ответить:

— Роды начались.

Если бы я не стояла на коленях, я бы, наверное, упала. Роды?!!

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — он... она говорила на отличной расширенной космолингве, явно выученной не в холодильниках торговых кораблей и не в порту, а в каком-нибудь дорогущем университете.

— Не волнуйтесь, — повторила она. — Это не больно, просто немного... мучительно. Мне бы снять... это все...

Я начала сдирать с нее одежду, все эти сто тысяч ярких тряпок, лихорадочно соображая, что делать, когда у тебя на руках рожает контрабандная принцесса. Принц, черт... Корабль вздрогнул, я нервно хихикнула.

Когда в ворохе одежды оказалась обнаженная Принцесса с огромным — чудовищно огромным — животом, который ходил ходуном, я поняла, что надо звать на помощь.

— Подождите, — глупо попросила я и бросилась к интеркому. — Кээээээп!

Кэп примчался очень быстро, и сразу начал действовать: затребовал принести аптечку, включить свет и перестать орать. Вот за что я люблю нашего командира: он все знает и ни черта не боится. Даже рожающие принцы в метеоритном потоке его не пугают.

И за что ненавижу себя: стоит ему прийти и я обмякаю безвольной тряпкой. Сделала, что велел и встала у двери растерянно. Принцесса стонала, Кэп разворачивал какие-то пакеты, а я думала только о том, как бы не свалиться в обморок.

— Так, — Кэп строго посмотрел на меня, — марш за штурвал и гони сюда Буга.

— А?

— Бегом! У него жена трижды рожала, от него пользы будет больше.

Я была полностью согласна.

Самым трудным было объяснить Бугу, что происходит. И дождаться, пока он перекинет управление на меня. Дальше было уже дело техники, к которой я была более склонна, чем к приему незапланированных родов.

Черный Пеши несся через поток и я клянусь, под моим управлением, в нас не врезался больше ни один метеорит. Я оценила обстановку: крейсеры отвалились, видимо, уже давно — даже следов не видать.

— Надеюсь, вас там побило как следует, — злорадно шепнула я, отпрыгивая от очередного куска агрессивного непойми чего.

Когда Черный Пеши вышел из потока, я еще какое-то время не могла замедлить его — разогнались мы мощно. А замедляться было пора, так можно и мимо норы проскочить. Я старалась не думать о том, что происходит в тайной каюте, я прокладывала маршрут и искала вход в кротовину. Чем быстрее я доведу Черного Пеши и его бесценный груз до Лады, тем благополучнее все закончится.

— Яя, у нас четверо, — голос Скорски пробился ко мне, когда Черный Пеши уже был почти в кротовой норе. — И это еще не конец.

То, что мне удалось ответить на это, моя мама бы не одобрила. Старопешский очень выразительный язык, но не очень куртуазный, что есть, то есть. Уй, берпал Четверо! Не конец!! Уй!!!

Дальше был кротовина, и я снова забыла о стремительно разрастающемся пассажирском корпусе. Тут, конечно, проще чем в потоке — в том смысле, что скакать из стороны в сторону не надо. Тут все наоборот: чем ровнее держишь курс, тем больше шансов попасть куда хотел. Потому что заденешь «стенку» и привет, прощальных писем можно и не писать — не успеешь. Да и не найдут.

Но по кротовым норам круче меня никого нет. Я их люблю и понимаю, и даже могу считать вешки. В этом — двадцать девять.

Пятая. Восьмая. Одиннадцатая. Семнадцатая. Двадцатая. Двадцать третья. Двадцать пятая. Двадцать восьмая…

Все. Теперь можно расслабиться. Я сверилась с картами: точно как в аптеке. До Лады не больше часа по прямой, и никаких сюрпризов впереди. Все. Я включила автопилот, скормила ему маршрут и сняла очки управления…

И тут же напряглась снова: Принцесса! Пока мы шли через кротовину, ребята меня не дергали, а теперь я боялась дернуть их.

В каюту я заходила с большей осторожностью, чем в кротовую нору. И даже, кажется, с закрытыми глазами. Постояла на пороге,

потом все-таки открыла: на слух понять, что происходит, было сложновато.

Сначала я увидела Кэпа. Он полулежал в кресле, и выглядел очень уставшим. Буг сидел возле развернутой койки, взгляд у него был затуманившийся, похоже он даже меня не видел. На самой койке лежало — я начала считать, сбилась и снова пересчитала: сколько-сколько? — шесть аккуратных причмокивающих свертков. Вся комната была залита кровью и черт знает еще чем.

А потом я увидела Принцессу. Она лежала почти там же, где я ее нашла парой часов раньше. Она не стонала, не кривила рот, не прижимала руки к животу. И не дышала. Ребята прикрыли ее сверху чем-то красным из ее одежд.

Один из свертков заворочался и заскулил. Буг не глядя, накрыл его ладонью и издал тихий урчащий звук. Сверток чмокнул и затих.

— Она умерла? — более тупого вопроса я, конечно, задать не могла. И отвечать мне никто не стал.

Я сходила проверить автопилот, принесла ребятам чая, и долго-долго разглядывала малышей. Они были одинаковые, тихие, сморщенные и ярко-розовые. А интересно, если она была Принцесса, они тогда кто? Инфанты? Или нет? Я никогда не разбиралась в этих высоких премудростях, и спросить некого: Буг и Кэп заснули.

Вызов застал меня в тот момент, когда я наконец рискнула потрогать одного из детенышей. На пальце у меня осталось ощущение чего-то нежного, а из кома уже звучал строгий голос.

— Вы доставили Принца?

Пелена не обманула: нас встретили. Вот только как я этим встречающим объяснять случившееся буду. Везли Принца, а довезли мертвую Принцессу и целую кучу ее новорожденных отпрысков. Наверняка, и денег теперь не заплатят. Если вообще живыми выпустят.

— Да, — ответила, сглатывая комок. — Ну... то есть, кого нам выдали, того и доставили. Не могу сказать, что в целости и сохранности, но доставили, это точно.

— Начинайте стыковку.

Я разбудила Буга и отправилась в рубку. Стыковка требует ручного управления.

Это у них мода такая была: по сто тряпок на себя наворачивать и за вуали прятаться. Когда вся компания тряпичных гор, нежно баюкая младенцев, убралась на свой корабль, с нами остался только старший

— тот, чьим голосом пришел вызов. Или та, черт их уже знает, может, они там все женщины.

— Я благодарю вас за службу, — он поклонился (во всяком случае, я именно так поняла это шевеление). — Ваш гонорар здесь.

Из одежд появился солидных размеров чемоданчик. Кэп принял его и отдал Бугу — пересчитать.

— Вам помочь перенести тело? — спросил Кэп. Я не уверена, что кому-то из нас хотелось это делать, даже самому командиру, но Скорски носил звание самого учтивого контрабандиста во всем Союзе.

— Тело? — одежды заколыхались. — Благодарю вас, но нам оно не нужно. Вы закончили пересчет? Все верно?

Буг молча кивнул.

— Тогда позвольте откланяться.

И он ушел. А мы остались. С деньгами и трупом в тайной каюте. Зашибись прокатились.

— Что будем делать? — спросила я, когда мы отстыковались и легли на курс до ближайшей приличной планеты, где можно было бы потратить немного гонорара. Черного Пеши вел сам Кэп.

— Да сунуть ее в дезинтегратор и все, — пробурчал Буг. Все-таки его цинизм иногда зашкаливал. И это человек, который только что принял шестерых младенцев и закрыл глаза их матери! (

— Пилить ее, чтобы пролезла, ты будешь? — я постаралась вложить в свой голос как можно больше сарказма, но Буга этим фиг проймешь.

— Похороним, — сказал Кэп. — Сейчас дойдем до Ааниготты, там и похороним. Немного денег и никто не будет задавать лишних вопросов.

Мы промолчали. Понятно, что это был единственный правильный выход. Хотя в дезинтегратор было бы и безопаснее, но даже Буг это говорил совершенно не всерьез.

К Ааниготте летели молча, включили музыку и думали каждый о своем. Я, например, ужасно мучилась совестью: не отключи я защиты, может, ничего бы и не случилось. Даже если бы Принцесса начала рожать, так все-таки не в метеоритном потоке и не в кротовине… Живая была бы сейчас. Деток своих баюкала бы.

Я накрутила себя так, что меня начало тошнить. Да так здорово, что я слезла с кресла и пошла к себе. Там можно было полежать, и сортир недалеко, если что. Я чувствовала себя последним уродом

Вселенной, и даже хуже, потому что я еще и ребятам признаться боялась в том, что натворила.

Когда дошла до тайной каюты, поняла, что мне надо посмотреть на Принцессу. Чтобы запомнить, чтобы прощения попросить, чтобы больше таких глупостей не делать никогда. Никогда. Я закрыла глаза, вдохнула побольше воздуха, толкнула дверь и вошла.

— Простите меня, я, вероятно, вас серьезно испугала? Я не была уверена, что хочу оставаться на Ладе, и мне пришлось притвориться мертвой.

Я сглотнула и открыла глаза.

— Мой вид, конечно, оставляет желать лучшего, но все мои одежды пропитаны кровью. Это несколько неприятно.

У меня железная выдержка, у меня семь лет налета и пара сотен рейсов за плечами, я супер-пилот и не прошло и суток, как я вела Черного Пеши через метеоритный поток и кротовую нору, у меня железная, стальная, титановая, иридиевая выдержка… Я завизжала.

И визжала, пока не прибежали ребята, и Буг не ущипнул меня чуть выше локтя, а Кэп не вытолкал нас обоих за дверь.

Потому что одно дело рожающая голая принцесса или даже мертвая голая принцесса, но живая, голая, ослепительно красивая принцесса — это уж слишком. Особенно после всего, что было.

Я уверена, что прежде чем отдать Принцессе свой пиджак, сам Кэп закрыл глаза. В конце концов, он еще с прошлогодней женой не развелся.

2015 г.

У нас на Юпитере так не принято

Пситорра — рай для всех вольных странников. Планета, на которой не существует законов, но все живут по понятиям, которые почитаются даже выше Конституции Галактики. Копов здесь на дух не переносят, а контрабандисты, пираты и даже охотники держат нейтралитет. Нарушение может дорого стоить, а в долю к самоубийцам никто не пойдет.

Воздух свободы пьянит, но можно и добавить. Тем более, что в местных барах подают абсолютно любой алкоголь, какой только существует в пределах обитаемой Галактики. Два последних рейса были весьма неплохи, и после раздачи долгов и оплаты кредитов, у команды Черного Пеши осталось еще немало деньжат. Тратить мы их собирались обстоятельно и со вкусом: на черном рынке, который занимал не меньше двух третей планеты, можно раздобыть все, что угодно.

После дня беготни по лавочкам, лавкам и торговым центрам в сто этажей, собрались в баре Прекрасной Мэррит. Не то чтобы он был лучшим, но Мэррит — была. Во всяком случае для Кэпа, который успел заочно освободиться от предыдущих брачных уз и стремительно направлялся в сторону следующих.

Принцессу с собой брать не стали, решив, что нашей нежной девочке встречаться с такой суровой реальностью пока рановато. Она, конечно, надулась для вида, но я точно знаю, что за день грандиозного шопинга она немного устала. Первое, что она сделает, оставшись в одиночестве, — запрется в библиотеке, выставит на мониторы очередную порцию мультфильмов и параллельно будет читать что-нибудь зубодробительное. Вроде Постулатов Изначального Космоса, чудовищных размеров философского трактата, который, я уверена, даже Кэп целиком не осилил (что уж говорить о нас с Бугом).

Благодаря матримониальным планам Кэпа, у нас в баре Прекрасной Мэррит теперь всегда был свободный столик даже в самый плотный день. Сама хозяйка моталась по бару, раздавая указания официантам, поварам и барменам и едва успела послать воздушный поцелуй в сторону Александра Скорски, отчего Кэп распрямил плечи и засверкал очами как первокурсник Академии, на которого впервые посмотрела девчонка с параллельного потока.

Пробирались к столику долго: в таких местах на каждом метре встречаешь по знакомцу. Парни пожимали руки, обменивались объятиями и совершали еще с добрый десяток нелепых приветственных ритуалов. Я же, пользуясь правилом «кто первый, того и обычай», здоровалась с окружающими исключительно в старопешской манере. Это избавляло меня от пожиманий, поглаживаний и похлопываний. Только запястье разнылось, когда мы наконец добрались до столика.

— Капитан Скорски и его бравые ребята! — зеленоглазый шестирукий парень довольно нахально присел за наш столик. Он радостно улыбался (во всяком случае я предпочла именно так интерпретировать его оскал) и бурно жестикулировал — у меня чуть не улетел зонтик с коктейля от ветра, который он создавал конечностями.

— Приветствую вас, Кэп, — сказал гость, совершив все приличествующие телодвижения (отвертеться от рукопожатия мне не удалось — гость всегда здоровается первым). — Говорят, ваш кораблик свободен? Дельце есть, непыльное.

Дельце, на первый взгляд, действительно было ничего себе: отвезти на одну маленькую планетку один маленький груз.

— Что за планетка? — спросил Кэп.

— Юпитер-38.

— Оплата? — Кэпу шестирукий чем-то не понравился, я чуяла. Но от работы так просто не отказываются.

— Останетесь довольны.

Возможно, кто-то и может сказать, сколько Юпитеров существует в обитаемой части Вселенной, но лично я — нет. Больше шестидесяти это точно (во всяком случае о Юпитере-61 я что-то слышала), но вот насколько? Несмотря на активное освоение новых планет, юпитерианцы довольно закрытый народ. В Путеводителе о них буквально две строчки, а Вестник Галактики вспоминает об обитателях Юпитеров только в случае ЧП. Последнее случилось еще до моего рождения (тогда они умудрились колонизировать планету, права на которую уже были у русских; скандал удалось замять только после трех внеочередных заседаний Совета Галактики, внесения поправок в Кодекс Переселенца и серьезных компенсаций обеим сторонам).

Какого черта они называют свои планеты одинаково и как все эти десятки Юпитеров связаны с нежилой планетой в Солнечной Системе, неизвестно, кажется, вовсе никому. Юпитерианцы не делятся информацией. Так что согласиться можно было хотя бы из любопытства (а тут еще и цифра гонорара приятно будоражила воображение). Понятно, что на Юпитер-38 нас никто не пустит, но хоть на живого юпитерианца посмотрим (а в том, что сопровождать груз будет именно он, можно и не сомневаться — очень уж недоверчивый народ).

Мы с большим интересом разглядывали клиента. Юпитерианец был мал ростом (что при путешествии на Черном Пеши, скорее, плюс), сухощав и очень… ну, волосат. Три роскошных косы толщиной с руку и длиной до самой задницы, заставили меня нервно потрогать куцый хвостик у себя на макушке — когда уже отрастет? Рядом со мной, незаметно, как ему казалось, вздохнул Буг. Я скосила глаза и увидела, как он почесывает подбородок. У Буга была хорошая бородка, но с курчавой бородищей гостя, конечно, не сравнить. Одному Кэпу до лампочки, какая там у кого растительность, главное, чтобы проблем она никому не доставляла.

Юпитерианец ужасно шепелявил.

— Меня шжовут Кштршфишуаноршфф Пршетршофжефсжшко Пятнаджшат.

Заметив наше замешательство (это кто ж такое выговорит-то?), он добавил с потрясающим высокомерием:

— Нежшмотря на то, что у нашж на Юпитере так не пршинято, вы мошжете шжвать меня Кшиштоф, ешжели вам так прожщее. Я перешживу.

Нам-то, конечно, так было прожщее, кто бы сомневался. Но вот с самим Кшиштофом оказалось очень сложно. Уже, к тому моменту, когда мы подошли к первой таможне (всего-то 12 часов с момента вылета), он нас порядком достал. Таких придирчивых клиентов Черный Пеши не видел с того дня, как мы его выкупили. Юпитерианец совал свой нос везде — от камбуза до рубки, и везде находил недостатки.

— У нашж на Юпитере не пршинято пить так кршепко! — говорил он, выливая кофе, заваренный Бугом, в раковину.

— Вы слижшком быжштро жшвой корабль. У нашж на Юпитере не пршинято так ришжковать жшвоими пажшажширами, — возникал он у меня за плечом, когда я еще только подумывала о том, не перейти ли на четвертую скорость (хороший участок, тихий, ни метеоритов, ни копов, ни встречного движения).

А стоило мне возмутиться несанкционированным вмешательством в управление кораблем, Кшиштоф тут же сообщал:

— Вы жшлижшком гршомко ражшговаривает! У нашж, на Юпитере, не пршинят такой шжтиль обжщения!

Не то чтобы мы бросались исправляться, но с каждым часом становилось все понятнее: ни на одном из Юпитеров мы бы не прижились. Потому что делали все, абсолютно все не так, как у них там принято. Принцесса читала неправильные книги, Кэп критически ошибался при готовке, меня нельзя было подпускать к управлению кораблем, а Буг был просто ходячей катастрофой — даже ботинки на нем сидели не так, как принято на Юпитере! Сам Черный Пеши и то не выдерживал никакой критики — начиная от цвета стен на камбузе и заканчивая шумовым фоном.

На наше счастье, свой груз Кшиштоф ценил больше, чем воспитание несносной команды Черного Пеши, и к таможне нам удалось затолкать его в тайную каюту и накрыть защитой. Целые сутки мир и покой царили на корабле, даже общение с парнями в форме не смогло вывести нас из равновесия. Хотя в этот раз они что-то уж совсем рассвирепели, даже попытались перетряхнуть Черного Пеши, и Бугу пришлось попотеть, уговаривая их принять

вместо этого удвоенный взнос («Запишем на счет клиента», утешил нас Кэп).

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, и таможня все-таки дала добро на выход.

— Может не будем выпускать его? — спросила я, выводя Черного Пеши на маршрут к первой кротовой норе. — Пусть думает, что мы еще на таможне?

— Хорошая мысль, — сказал Кэп. Буг кивнул.

— Но как же он будет есть? Он не умрет от голода? — спросила Принцесса. Ей-богу, ее любовь ко всему живому иногда преобладает над здравым смыслом.

Следующие три дня, пока мы приближались к кротовой норе, показались нам вечностью. Размахивая своими косами и потрясывая бородой, Кшиштоф продолжал наставлять нас на путь истинный. Его не смущали ехидные замечания Кэпа, мои возмущенные крики, снисходительные взгляды Буга и полный игнор со стороны Принцессы (так как она пока никак не участвовала в управлении кораблем, то просто заперлась в библиотеке и появлялась только, когда у нее заканчивался запас орешков и изюма, счастливица). Ничего его брало. «У нашж, на Юпитере, так не пршинято», и вжшё тут. В смысле, всё.

К первой кротовине мы были изношены, истощены и измочалены. Даже Черный Пеши кряхтел как старикашка, которого пора сдавать в утиль. И когда Буг произнес заветные слова «Внимание экипажу и пассажирам. Просьба занять свои места в креслах и пристегнуть ремни...», мы даже не улыбнулись — не было сил. И кротовую нору шли молча, только я привычно, вполголоса, считала вешки, надеясь, что они будут идти вечно. Но так, конечно, не бывает, и когда 42-я, последняя, мигнула нам голубым огоньком заканчивающейся свободы, корабль потряс коллективный вздох — до следующей норы еще было не меньше недели пути.

Но пройти их нам было не суждено. На выходе из норы нас ждали. И явно не для того, чтобы пригласить на чашечку чая. Огромный линкор без опознавательных знаков никак не мог принадлежать честным налогоплательщикам.

— Вашу же маму, — сказала я. — Это пираты.

Обычно такие большие мальчики не пристают к мелким контрабандистам, а специализируются на крупных грузовых судах. Нашего добра им даже на сутки пожрать не хватит. Но эти, видимо,

были очень голодными. Понадеявшись, что они не успели нас засечь, я резко дернула корабль вниз, чтобы попробовать проскочить под линкором. Но, увы. Нас заметили и включили магнитное поле. Бортовой компьютер зачихал, по мониторам пошли помехи, через пару минут слившиеся в одну пеструю полосу, и Черный Пеши прочно прилип к пиратскому брюху.

Я протянула руку к кнопке интеркома, но он был мертв. Вся электроника корабля была заблокирована полностью. Конечно, у нас был независимый источник, которому плевать на любые там магнитные поля, но он настроен на защиту тайной каюты. Все на что его хватало кроме этого — тусклый свет в лампах и слив воды в туалетах. И то ненадолго.

— Что будем делать? — спросила я, машинальной переходя на старопешский (на случай, если кому-то захочется нас послушать).

Скорски выругался громко, Буг выругался почти неслышно. Я даже и не ругалась — ничего сделать мы не могли. Только надеяться, что пираты отпустят нас живыми и не найдут ни Принцессу, ни юпитерианца. Впрочем, надежды было мало: библиотека ничем не защищена, а придурочный Кшиштоф обязательно попробует выбраться и понудеть, когда поймет, что мы стоим слишком долго.

Где-то бухнуло, это пираты выпустили стыковочный рукав. Через пару минут они будут здесь, и... Синхронно мы отщелкнули ремни, опустили руки и нащупали под креслами оружие. Без боя помирать неинтересно, я лично убеждена в этом на сто процентов.

— Какая встреча! Капитан Скорски и его бравые ребята! — где-то я это уже слышала. Шестирукий зеленоглазик из бара выглядел значительно внушительнее, чем в прошлый раз: мало того, что он сам был обвешан оружием, как дерево охха шишками, так еще и за его спиной маячили такие громилы, что непонятно было как они вообще поместились в нашем маленьком корабле.

— Добрый день, господин Аатон, — сухо отозвался Кэп. — Чем обязаны?

— Не волнуйтесь, капитан, — пират скалился, но я больше не думала, что это радостная улыбка. — Мы только заберем то, что нам нужно, уберем того, кто нам больше не нужен, и сразу же вас отпустим. Не мешайте нам и никто не пострадает.

— И что же вам нужно? — злобно спросила я, поглаживая ствол бластера.

— Милая, ты казалась мне умнее, — Аатон оскалился еще шире. — Ваш дурацкий грузовичок нам, конечно, не нужен, твоя девичья честь — тем более...

Громилы загоготали, Аатон поморщился и продолжил:

— И даже ваш лохматый дружок с Юпитера нас интересует только в качестве космического мусора. А вот то, что вы тащите на своем кораблике, нам пригодится. Я повторяю: не дергайтесь и все кончится для вас хорошо.

Хорошо... Уверена, никому из ребят такое и в голову не пришло, но у меня все-таки промелькнула мысль, что может быть... Но я тут же отогнала ее и даже вовсе не потому, что кодекс контрабандиста подразумевает защиту груза и пассажиров до последнего. Кто тому кодексу следует? А потому что... впрочем, и так ясно. Никакие сраные пиратишки не будут командовать на Черном Пеши, ни-ког-да.

Я подняла бластер, прикидывая, кто первым получит заряд в лоб. Краем глаза заметила, что то же самое сделали Кэп и Буги. О том, как мы будем отлепляться от линкора, я не думала. Как-нибудь.

Я стреляла первой... и последней. Кто ожидал, что громилы окажутся такими быстрыми. Очень быстрыми. В моих ушах еще звенел звук от выстрела, а я уже лежала лицом в пол и мои руки стягивал кабель. Надеюсь, он хотя бы был их собственный, а не оторванный от Черного Пеши.

Потом громилы прочесывали корабль, а мы сидели на полу в разных углах рубки. В полутьме (бесперебойник начинал садиться) было плохо видно, но я все равно заметила как под правым глазом у Кэпа разливается синева, а Буг шмыгает носом, пытаясь остановить кровь. Мое лицо вроде было цело, но под ребрами поселилась колючка, мешавшая дышать.

Аатон присел на корточки перед Кэпом.

— Я же предупреждал, — от оскала-улыбки не осталось и следа, одной из рук он держался за ухо, пальцы были бурыми и влажными — я все же попала. — Не надо с нами ссспорить, не на-до.

Я даже ругать себя не могла. В голове у меня билась одна мысль: только бы Принцесса не вышла, только бы Кшиштофу не пришло в голову поучить нас жизни.

— Потщему мы так долго жштоим в откршытом кожшмоще? У нажш на Юпитере не пршинято тершять вршемя беж польжшы.

Я скрипнула зубами, Буг шмыгнул носом и тихонько зарычал.

— И чшто это за невожшпитаный люди ходят шждеш? Они помежшали девужшке и она ожшень недовольна.

В рубку вошел Кшиштоф, из-за его плеча выглядывала Принцесса. Действительно с очень недовольным лицом, в отличие от юпитерианца, который, казалось, был совершенно безмятежен. В ее руке нехорошо поблескивала спица, которой так удобно было жать на резет зависших библиотечных мониторов. Судя по красным пятнам на светлом платье, об него Принцесса эту самую спицу и вытирала.

— Что за… — Аатон начал было подниматься, но спица очень быстро оказалась у его шеи. Кшиштоф мягко вынул из рук пирата оружие.

— У нажш на Юпитере не пршинято так небрешно ображщать с орушжием. Почему вы не пожштавил его на пршедохршанитель?

Через пять минут все три пары рук Аатона были крепко связаны, а наши руки наоборот свободны. Я наконец смогла мало-мальски вздохнуть.

— Думаю, нам шжледует ожшвободить коршабль? — сказал Кшиштоф, глянув на серые мониторы и почесав бороду. — Вы, чашжом, не шжнает какого клашжа пршотивник?

Мы не знали, какого он класса, и Кшиштоф пожав плечами направился к выходу. Мы рванули за ним, но юпитерианец остановил нас («Вы ршанены, от вашж не будет польшжы»). А вот Принцессу взял с собой («Думаю, блашжтер вам пригодитшжя больжше жшпиц»).

Раненые и бесполезные мы провели на Черном Пеши самые ужасные полчаса нашей жизни. За Кшиштофа мы хотя бы не отвечали, он просто сопровождал груз и был вполне самостоятельной боевой единицей. Но Принцесса, наша наивная, нежная Принцесса!

— Вы спицу видели? — спросил Кэп и мы с Бугом, шепотом причитавшие, как же там наша девочка, заткнулись.

Чтобы не сильно мучиться ожиданием, глотали таблетки, собирали громил по кораблю, перетаскивая их в нижние холодильники (спица, о да, спица), устроили Аатона поудобнее в одном из чуланов, закрыв дверь покрепче.

Через 29 минут 45 секунд по локальному времени, Черный Пеши вздрогнул и засиял. На мониторах появились изображения, приходя в сознание запищал интерком. Еще через несколько минут в дверях появились невозмутимый Кшиштоф и сияющая Принцесса.

— Полагаю, нам пора двигатшжя дальжше, — сказал юпитерианец. — У нас, на Юпитере, не пршинято так долго шжтоять.

Мы почему-то так никогда и не спросили у Принцессы, как прошел их поход на пиратский корабль (а она почему-то и не рассказывала, только смущенно улыбалась, когда мы в очередной раз начинали петь осанны ее храбрости). Но думать о ней как о нашей «нежной девочке» мы как-то резко перестали. И в следующий поход в бар Прекрасной Мэррит, Принцесса была с нами — полноправный член команды Черного Пеши в любых начинаниях. Если бы у нас была форма, мы бы с гордостью сшили бы для нее комплект.

Сегодня бар был сравнительно тих и Мэррит с удовольствием присела к нам, узнать, как прошел последний рейс. Мы не видели причин не поделиться со следующей женой Кэпа новой историей. Конечно, немного преувеличили подвиг Принцессы, конечно, немного преуменьшили мою несдержанность, конечно, не стали подробно останавливаться на том, что произошло с громилами и их главарем (впрочем, о последнем мы и сами знали немного — Кшиштоф прихватил шестирукого с собой, покидая Черного Пеши). Мэррит охала, ахала, прижимала ладони к груди, и наконец задала ужасно глупый вопрос, который чуть не стоил ей благосклонности всей команды.

— Вы же могли погибнуть! Ну почему, почему вы просто не отдали им груз?!

Не только Мэррит, но и весь ее бар притих, когда мы гаркнули в четыре глотки:

— У нас, на Юпитере, так не принято!

2015 г.

Полет в розовом

До сих пор все женщины нашей семьи умирали на кухне. Во всяком случае те, о которых мне хоть что-то известно.

Скажем, прабабка со стороны отца взорвалась вместе со своим очередным малолегальным химическим экспериментом, ее младшая сестра, запутавшись в посуде, хлопнула целый стакан отравленного «Звездного пойла», который приготовила своему восьмому мужу. Бабушка моей матери химией не увлекалась, а просто пришла стащить кусочек пирога, который был припасен на ее 98-й день рождения. Ее так и нашли — перемазанную вареньем и с чрезвычайно довольной улыбкой на лице. Готовить она не умела, но вот поесть никогда была не дура. Мама говорит, я вся в нее…

В принципе я не против продолжить семейную традицию, но кухня, я всегда была уверена в этом, должна располагаться в уютном доме на какой-нибудь славной планете. Я любила Черного Пеши, но наш камбуз все же совершенно не вызывал у меня желания здесь откинуться.

Я скрючилась на полу возле стола — обеденного стола, за которым мы провели столько веселых вечеров. Еще вчера был один из таких. Правой рукой сжимала болторез, выкрашенный в цвета пешского флага. Левую, которую мне, после десяти минут мучений, удалось криво замотать кухонным полотенцем, я старалась не замечать — боялась, что от боли потеряю сознание. Я вообще многого сейчас старалась не делать: не замечать боль в руке, не думать о том, что происходит за кухонной дверью, не вспоминать мертвых Буга, Кэпа и Принцессу, не становиться мертвой самой.

Но, кажется, по последнему пункту особого выбора у меня не было. А тот, который я могла себе представить, не сильно радовал: умереть на камбузе или умереть за его пределами.

С Палеры мы улетали в приподнятом настроении. Удачно закрытый контракт дал нам возможность не только пополнить запасы еды, топлива и прочих необходимых вещей, но и немного поваляться на знаменитых лиловых пляжах. Именно там, в одном из многочисленных кафе, Буг и подобрал нам новых клиентов.

Дело намечалось плевое: довезти груз с медикаментами до одной маленькой планеты в системе Кранус. Каких-то две недели полета, всего одна кротовая нора. Денег, понятно, немного, но зато гуманитарная составляющая ого-го. Систему Кранус начали колонизировать совсем недавно, и с промышленностью у них было так себе. А официальная доставка весьма нетороплива, не любит небольшие партии и любит большие наличные, с которыми у переселенцев, как известно, вечно проблемы.

Примерно так нам объяснил милый джентльмен в розовом, возглавляющий целую колонну других розовых джентльменов, которые перетаскивали ящики милого поросячьего цвета в грузовой отсек Черного Пеши. Ящики были огромные, а переселенцы маленькие. Очень маленькие, учитывая, что команда Черного Пеши, за удивительным исключением Принцессы, никак не может похвастаться высоким ростом. Однако на фоне розовых мы вполне смахивали на баскетбольную команду. Или хотя бы на ее пятый состав.

— Слишком много розового, — я отдала Бугу стакан с чудесным палерским кофе (больше похожим на молочный коктейль, чем, собственно, на кофе). Мы стояли у входа в корабль, лениво наблюдая за погрузкой. Вылет через два часа, таможня на выходе с Палеры нелюбопытная и насквозь продажная, как на любой курортной

планете, заказчики действительно довольны милы (и даже нелепы — в этих свои кукольных тряпках), беспокоиться не о чем.

— Привыкнем, — вот за что я люблю Буга: он абсолютно эстетически непривередлив. Там, где у меня начинают вытекать глаза, он только чуть чаще начинает моргать.

— Ну-ну, — проворчала я и пошла вызванивать Кэпа и Принцессу, которые подло бросили нас на погрузке и проводили последние часы отпуска на ближайшем лиловом пляже.

Розовый джентльмен, сопровождавший груз, оказался отличным рассказчиком и отменным шутником. Три вечера подряд мы умирали от хохота над его историями про колонизацию. Если подумать, то каждая из них вызывала дрожь и заодно восторженное уважение к этим отважным маленьким ребятам, рискнувшим отправиться на такую суровую планету. Но Икси Паренто — так его звали — умел так все повернуть, что встреча с местными хищниками или землетрясение, разрушившее свежеотстроенную насосную станцию и оставившее без воды несколько тысяч человек, казались гомерически смешными приключениями из фантастической книжки.

— А когда мы нашли ее, оказалось, что все это время она больше всего боялась не смерти от голода или большой волны, которая унесет ее в море, а того, что ее будут ругать в школе! — наш розовый гость закончил очередную историю. Несмотря на то, что мне было жаль юную племянницу Икси, живот у меня болел от смеха. И у ребят, судя по их довольным физиономиями, тоже.

Я бы с удовольствием слушала еще, но через шесть часов мне надо было заступать на смену и стоило поспать. Последние двое суток корабль вел автопилот под присмотром, но скоро начинался мусорный участок и доверять роботу уже не стоило. Поэтому я откланялась, залпом допила стакан молока и отчалила к себе в каюту под взрыв хохота — Икси начал новую байку.

Просыпаться ужасно не хотелось. Мне снилось что-то ужасно занимательное по мотивам рассказов нашего гостя. Веселые семипалые медведи водили хоровод вокруг нежно-розовой племянницы Икси, морская волна, стоявшая над ними стеной, вызывала ощущение радости, а плавающие в ней саблезубые акулы казались милее котят, которых я не видела уже тысячу лет — нигде, кроме прямых климатических наследниц Земли эти нежные создания не приживались.

Умывшись и закрутив волосы в пучок, я напялила рабочий комбез (отругав себя за то, что который день забываю подшить один из оторванных карманов) и попыталась выйти из каюты. Попытка не удалась. Дверь не поддавалась на сигналы кнопки, с какой бы силой я на нее ни жала. Ручное открытие тоже не срабатывало. Словно с той стороны ее чем-то завалило.

— Ребята! — я включила интерком. — Выручайте, у меня дверь заело. Буги! Кэп! Ау!

Интерком работал, зеленый огонек горел, как ему и полагается. Но мне никто не отвечал. Следующие пятнадцать минут я потратила на попытки дозваться и выломать дверь поочередно. В конце концов второе мне удалось, правда, я при этом чуть не надорвалась. Дверь поддалась и со скрипом съехала в сторону. В образовавшееся пространство ко мне тут же свалилось тело. В ярко-розовой одежде и с милым лицом Икси Паренто.

— Какого черта? — задумчиво спросила я у тела и, немного подумав, полезла за бластером. Что-то мне не очень нравится выходить в коридор, из которого выпадают мертвые люди, — безоружной.

Достав бластер, чертыхнулась еще раз. Заряда в нем осталось около трети. Давненько же я не вынимала его. С одной стороны — плюс, с другой — я не успею его зарядить. Ладно, будем надеяться, что воспользоваться мне им не придется.

Я шла по коридорам Черного Пеши, переступая через розовые тела, и надеялась, что свою команду я найду живой и невредимой. Эти малыши уже не казались мне такими милыми — особенно в таком количестве. Я насчитала уже около дюжины. Откуда их столько, черт возьми? Ящики? А что же еще...

Завернув за угол, я чуть не закричала. Среди розовой изломанной кучи (еще минимум четверо), привалившись спиной к стене сидел Буг. Глаза у него были закрыты, лицо покрывали десятки маленьких ранок (из некоторых еще сочилась кровь), словно его драли кошки, в правой руке он сжимал болторез, выкрашенный в цвета пешского флага. Я подарила его Бугу на прошлый день рождения и с тех пор он носился с ним как с любимой игрушкой. Бластера видно не было.

— Буги, — я опустилась на колени рядом и взяла Буга за запястье. Я не большой знаток медицины, но искать пульс меня научили еще в детстве. Его не было. Буг был мертв. И убили его эти розовые гады.

Из левого плеча моего лучшего друга торчала округлая железяка, напоминающая баллончик с газом, которыми заряжают пневматические пистолеты. Только меньше раза в четыре. Я автоматически выдернула его (из дырки толчком вышла кровь) и сунула в карман. Если до сих пор я была растеряна, то сейчас озверела. Меня уже не интересовало, откуда в коридорах Черного Пеши такое количество этих розовых засранцев и какого черта здесь вообще происходит. У меня шумело в голове и больше всего на свете я хотела уничтожить всех чужаков, сколько бы их еще ни бродило по нашему кораблю.

Я поцеловала Буга в лоб, покрытый царапинами. Еще раз проверила заряд бластера (мало, чертовски мало, но все же хватит, чтобы вынести десятка два мелких ублюдков — да и крупных тоже, если среди них такие найдутся). Ущипнула себя повыше локтя, чтобы не разрыдаться. И пошла в сторону рубки.

Мне повезло. По дороге я не встретила ни одного живого переселенца, только трупы. У немалой части из них были разнесены черепа и переломаны конечности — очевидно, Буг не сильно с ними церемонился. Привести нашего спокойного компаньона в такую ярость могло только одно-единственное обстоятельство… и я не хотела думать какое именно.

Как будто меня спрашивали. Кэп лежал на входе в тайную каюту, лицом вниз. Между лопаток у него торчал баллончик, кисти расцарапаны, бластера тоже нет. Я не понимала, почему парни ими не воспользовались, но разбираться не было времени. Не успели, вот и все. Какая теперь разница.

Принцессу я нашла в двух метрах от входа в рубку, и наша девочка не подвела. С тех пор, как мы от лица команды подарили ей ее первую пушку («модель 1818-Инара, отличный выбор для девушек со вкусом»), она с ней не расставалась. И даже смерть не смогла разлучить их. Судя по индикатору и нескольким трупам с дырками в самых неожиданных местах, Принцесса успела здорово попортить нервы нашим гостям прежде, чем в ее грудь впилась железка, похожая на газовый баллончик для пневматического пистолета.

Стрелять я начала с порога, с двух рук, прямо в розовую массу, копошащуюся возле пульта управления. Стреляла, пока индикаторы сначала на одном бластере, а потом на другом, не запищали, а потом не заплавились красным. Я не пожалела даже Черного Пеши, без команды в нем все равно не было никакого смысла. Смотрела как

плавятся края пульта, как рвется обшивка на сиденьях и ничего не чувствовала. Кроме ненависти.

Первого вцепившегося в меня переселенца я вырубила разрядившимся бластером Принцессы, второго — своим. Дальше была свалка, в которой я молотила розовых всем, что подвернется под руку. Драться я не люблю и не умею, но переселенцы дрались еще хуже меня. Они хватали за руки, кусались и царапались как кошки, тянули и рвали на мне одежду, тыкали пальцами, кидали в меня всякую мелочевку. Мы постоянно падали и поднимались снова. Я нападала и отбивалась, рычала как бешеный крод, кому-то из них я даже свернула шею. Мне бы удивиться, но я не успевала.

Главная проблема была в том, что их было больше. Мне нужно было в рубку, а пришлось отступать. Они отжимали меня от управления. Мы прокатились мимо Принцессы, мимо Кэпа. Когда розовые дотащили меня до Буга, я исхитрилась грохнуться на пол так удачно, что болторез оказался прямо у меня под рукой. Пальцы Буга, ледяные и крепко сжатые на первый взгляд, легко отдали мне его. Спасибо, милый...

С болторезом дело пошло бодрее, но розовые меня все-таки загнали. Я устала, у меня зверски болела левая рука, которая почему-то чаще всего попадала под зубы и когти розовых и уже слегка напоминала плохо разделанный кусок мяса, саднило лицо, а все остальное тело, кажется, превратилось в один большой синяк. И, что было хуже всего, я стала отчаиваться. Все бессмысленно, ребята мертвы, а эти твари наоборот словно восстают из мертвых — я не могла придумать другой причины, по которой их было так много. Они бы просто не поместились в нашем грузовом отсеке.

Сделав пару сильных взмахов болторезом (что-то громко хрустнуло), я стряхнула с себя двух особо рьяных переселенцев и резко отпрыгнула в сторону камбуза, захлопнув дверь прямо перед носом у розовых. Они заколотились с той стороны, но здесь я могла чувствовать себя в безопасности. Они не войдут, как не смогли войти ко мне в каюту. Двери отлаживал Буг, а он знает свое дело.

Камбуз — лучшее место на корабле. После рубки, конечно. Здесь всегда тепло и есть еда. Все, кто не сидел на пульте управления и не дрых в своей каюте, рано или поздно приходили сюда — погрызть понских орешков, выпить чая или чего покрепче, потрепаться. Здесь мы играли в старые шахматы, шудон или кой-кой. Здесь Принцесса и

Кэп читали свои заумные книги, а мы с Бугом клеили модели старых кораблей… Здесь было спокойно.

Даже сейчас, когда большая часть команды мертва, а меньшая на пути к этому, камбуз оставался безмятежен. Им сюда не пробраться… Но мне все-таки придется отсюда выйти рано или поздно. Я скрючилась на полу возле обеденного стола. В правой руке держала болторез, левую старалась не замечать. Перед глазами у меня прыгали розовые, лежали Кэп, Буг и Принцесса… Я прислушалась — в дверь никто не ломился. Возможно, уже довольно давно, я не следила за временем.

В конце концов, розовые когда-то должны закончиться. А я должна хотя бы попытаться дойти до рубки. Подать сигнал бедствия, а потом… Ну, может быть попробовать вернуться и дождаться помощи. Или хотя бы приличных похорон для команды Черного Пеши.

Умирать очень не хотелось. Но если уж это так необходимо, то я не собираюсь делать этого на кухне

Прежде, чем выйти, я несколько минут прислушивалась к тому, что происходило снаружи. Тишина. И она мне очень не нравилась. Набравшись духа, я нажала на кнопку открывания двери и, выставив болторез на манер меча, осторожно вышла в коридор.

Там никого не было. Только парочка розовых трупов, остальные, видимо, снова убрались в рубку. Глядя на некрасиво потрескавшиеся головы переселенцев, я не удержалась от самодовольной ухмылки — а мы с болторезом неплохо сработались. А потом мне в нос шибанул ужасающий запах. Что-то среднее между протухшим пауджемом, сгоревшим складом, на котором три года тухла рыба, и теми духами, что в огромных количествах любят выливать на себя работницы всех таможен на свете. Меня замутило, а мир вокруг начал принимать нежно-розовый оттенок.

Пришлось отступать снова, прочухиваться и соображать. Добежать до скафандров я не потяну. Масок на камбузе тоже нет. А почему, кстати?.. Мысль мелькнула и потухла, уступив место другой — которую я никак не могла поймать за хвост. Что-то из детства, из тех времен, когда я еще была прилежной девочкой и ходила в колледж при церкви Святого Асау. Когда до меня дошло, я обрадовалась так, что даже ненадолго забыла про боль.

К сожалению, мокрое полотенце, которым я обмотала лицо, смогло защитить меня от запаха, но не от его действия. С каждой секундой меня тошнило все сильнее, а в голове путалось. Каких-то

пара минут и я брела по коридору через розовое месиво, пытаясь сконцентрироваться на одной-единственной мысли — дойти до рубки. Получалось плохо.

Мне нужно подать сигнал… Кому? Как будто кто-то пойдет спасать маленький грузовик. А где розовые? Живые розовые, мертвых-то было полным-полно. Я присмотрелась: кажется, не все из них легли от болтореза, у нескольких из них изо рта шла пена. Значит, газ… или что там?.. этот запах их убивает. Значит… Я не понимала, что это значит…

Но мне нужно дойти до рубки. Увести корабль… Подать сигнал… Ни одного живого розового…

В рубку я вползла, почти ничего уже не соображая. Сигнал… Розовые… Как же не хочется умирать… Сигнал… Как же хорошо, что мне не удалось разнести пульт управления в окончательные клочья… Три точки, три тире, три…

— Как вы жшебя тщувжштвуете? Я вижшу, вы отщнулижшь.

Глаза открывать не хотелось. Никаких сил, словно я всю ночь вела Черного Пеши через метеоритный поток. Причем сидела не в рубке, а на носу корабля. Без скафандра.

— Как вы жшебя тщувжштвуете?

Такой знакомый голос, что-то с ним такое связано… Не сильно-то приятное. Но вроде закончилось все хорошо? Толчок адреналина заставил меня не только распахнуть ресницы, но и дернуться вверх, отчего я чуть не упала с кровати. С кровати?

Именно с нее. А надо мной стоял Кштршфишуаноршфф Пршетршофжефсжшко Пятнаджшат. Кшиштоф. После нашего расставания, мы с Принцессой и Бугом на спор учились произносить его имя. У меня получалось лучше всего.

— Вам повежшло. Мы полутщить важш жшигнал и ужшпеть к вам. Пршошу прожшения, но нам прижшложшь немного ижшпорштить важш двершь при жштыковке.

Я молчала. Первой моей реакцией было броситься Кшиштофу на шею и долго целовать его ужасную бородатую физиономию. А потом воспоминания хлынули на меня Гедорскими водопадами и я захотела вернуться обратно — в темноту и пустоту потерянного сознания.

— Что это было? — вопрос задался словно сам собой, как будто это так важно — знать, кто убил твоих друзей и чуть не прикончил тебя самого. На самом деле мне было почти все равно. История Черного Пеши закончилась, и мне надо было как-то жить с этим дальше.

— Жшектанты.

— Сектанты?

— Именно. Чщерковь вожшьмого пршишежштвия. Жахватывают коршабли, ужшыпляют команду и бьют судно о ближшайшую планету. Потом берут ответштвенножшть во имя жшвоего бога. Но в этот ршаз им не повежшло — шжлишком много газж. Они убить шжам шжебя.

Убили сами себя. И прихватили с собой Кэпа, Буга и Принцессу. Всего Черного Пеши. Паскудные розовые твари! Чтоб их черти мучили до самого ихнего восьмого пришествия! Грызли и травили, как они нас! А самый главный черт чтобы бил их болторезом, выкрашенным в цвета пешского флага. Я проклинала Церковь восьмого пришествия и ее адептов на пяти языках, потому что мне очень не хотелось пускать сырость при Кшиштофе. Он меня спас, в конце концов, и имеет право на некоторую сдержанность с моей стороны.

— Вы навершное бежшпокоитежшь о жшвоих дружьях? Они немного отршавилижшь, но вполне жив.

Мерзкие дряни, твари вонючие, розовые скоты… Что?

— Не важша дожжа, только жшпали. Они дажше лужше тщем вы, вы дралижшь. Вы шжможет увидеть их быжштро.

Все время пока мы разговаривали, Кшиштоф вертел в пальцах маленький баллончик, очень похожий на те, которыми заряжают пневматические пистолеты. Я сфокусировалась на нем и… И наконец услышала, что мне говорит Кшиштоф. Спали? Лучше, чем я? Увидеть их?

Сильно разогнавшись, трудно останавливаться. Поэтому я послала розовым еще несколько туго закрученных проклятий, а только потом разревелась от счастья.

2016 г.

Пять тонн сухпайка

— Кэт? Серьезно? Ребята, как вы с такой фантазией порядочными кораблями командовать собрались?

Корвет с лаконичными позывными (нет, ну правда, кто в наше время называет корабли — «Кэт»?) и без бортового номера завис у нас над кормой и суровым женским голосом вежливо, но непреклонно требовал стоять смирно. Я затосковала: заказ был таким хорошим. Пять тонн сухпайка, списанного одним ушлым майором с армейских складов федералов. Большой заказ, большой гонорар. И погулять хватит, и в фонд Черного Пеши упадет сумма, которой нам уже давно не хватает для покупки варп-движка. Я как раз недавно присмотрела отличный вариант на черном рынке.

— Вы кто вообще, ребята? Бортовые номера где? — бормотала я, завешивая корабль и готовясь к стыковке.

Выбора у меня особого не было. Бортовые орудия Кэт были видны невооруженным взглядом и не вызывали желания вступать с ними в близкие контакты. А рядом ни метеоритного потока, ни кротовой норы, ни черта лысого нет, чтобы даже попытаться смыться. По

скорости мне с корветом пока не сравняться. И вообще, буду дергаться, прибьют ненароком. Одно меня немного успокаивало: они просили поговорить, и раз не начали стрелять с разбега, то, может быть, и дальше поостерегутся.

— Кэп, Буги, у нас гости. Возможно, будут танцы. Милая, посиди у себя, пожалуйста!

Последнее это Принцессе. Она, правда, и так последнюю неделю почти не выбиралась из библиотеки. Кризис идентичности, как говорит Кэп. Разберется — выйдет, говорит Буг. Я ничего не говорю, просто переживаю. Если вспоминаю о том, что нужно переживать. Сейчас вот как раз не до того. Тем не менее, это не повод втягивать ее в наши разборки с непонятными корветами. Несмотря на все ее боевые заслуги.

Стыковка вышла мягкая. Корабли качнули бортами и слепились во временное единое целое. Мне бы не стоило бросать рубку, но усидеть на месте было невозможно. Поэтому я оставила автоматы следить за происходящим вокруг, а сама, проверив на всякий случай заряд бластера, унеслась вниз, ко входу. Парни уже должны быть там.

Пока двери Черного Пеши расходились, чтобы впустить незваных гостей, я все думала, чего же они хотят. Грабежи, как правило, так не начинаются. Или у меня еще мало опыта? А что тогда?.. Еще меня несколько беспокоило отсутствие бортовых номеров — такого себе даже пираты не позволяют. В наши времена повальной бюрократии и контроля настолько смелые ребята летают обычно только до первого поста.

Кэп и Буг стояли возле входа, я смотрела на них сверху, с мостика, готовая в любой момент рвануть или уводить Пеши, или на помощь. На противоположной стороне мостика, там где лестницы ведут к холодильникам напрямую, я увидела Принцессу. Она была в пижаме, выскочила как была, в левой руке — пистолет. Я погрозила ей кулаком и махнула рукой в сторону кают — уходи. Принцесса мотнула головой и сжала оружие покрепче. Ну что с ней сделаешь?

Первыми вошли два бойца в масках. Встали по краям входа, держа оружие наизготовку. Судя по их виду, команда корвета не очень-то много зарабатывала: машинки вроде неплохие, но вот костюмчики у ребят потрепанные. И, понятное дело, никаких нашивок или других опознавательных знаков.

Третьего гостя я разглядывала с особым интересом: переговоры, если уж они должны состояться, вести будет он. Маски нет, но верхняя

часть лица скрыта капюшоном, не разобрать что за птица. Его фигура — невысокий, крепкий, слегка прихрамывает на правую ногу — показалась мне ужасно знакомой. Вспомнить бы…

Капитан сделал приветственный жест рукой, отдавая право вошедшим выбирать язык: хотели поговорить? — говорите. Переговорщик поклонился. Ага, значит, несмотря на отсутствие номеров, этикет мы уважаем.

— У вас на борту находится чужой груз. Мы должны его забрать.

Говорил он на базовой космолингве с легким, почти неуловимым акцентом. И я совершенно точно слышала этот голос. Ну же, капюшон сними!

— Невероятно! — в громком голосе Кэпа прорезалась легкая ирония. — У нас на борту регулярно находятся чужие грузы, мы, видите ли, занимаемся перевозками.

— Но этот груз вы получили незаконно.

— У нас есть подтверждающие документы, — сказал Кэп, еще немного повышая голос. Он нервничал, потому что никакие чертовы документы на таких парней не подействуют, мы не на таможне. — И мы готовы предоставить их любому представителю власти. Вы же представляете власть…?

Кэп сделал паузу, намекая, что хотел бы прояснить, с кем имеет дело. Гость слегка дернул головой, словно у него болела шея, и в этот момент я его узнала.

— Старшина Бетельгейзе!

На последней ступеньке я чуть не грохнулась, но, собравшись, одним скачком допрыгнула до стоящих у входа. Кажется, мне удалось удивить их всех, включая привычно невозмутимого Буга. Бойцы напряглись и направили на меня свои пушки. Не очень-то приятное ощущение. Ну, если он меня не узнает…

— Пилот Хо! — переговорщик наконец откинул свой дурацкий капюшон и оказался именно тем, кого я и надеялась увидеть.

Со старшиной Бетельгейзе (хотя теперь-то его следовало называть капитаном) мы познакомились шесть лет назад. Я тогда ходила пилотом третьего класса на средней руки грузовике «Патахойя Лу». Фактически это означало подай, принеси и дежурь в четвертую смену десять раз подряд, невзирая на все писаные и неписаные правила. Я не роптала: четвертую смену еще называют «сонной», а значит ни

одна горластая обезьяна в форме не торчала у меня за спиной со своими ценными замечаниями.

Старшина Бетельгейзе был начальником охраны на Патахойе. И не раз и не два застревал в рубке на мое дежурство. Сначала просто приходил погонять монстров на больших мониторах. Это было тоже не совсем по правилам, но мне не хотелось спорить. К тому же Бетельгейзе не мешал: приходил всегда через полчаса после того, как я заступала (ровно столько нужно пилоту, чтобы сменить настройки под себя, изучить маршрут на смену, внести запись в бортовой журнал, включить музыку и расслабиться), вежливо здоровался, спрашивал разрешения занять правый монитор, надевал наушники, а, сыграв пару сетов, также вежливо прощался и уходил.

Потом мы начали разговаривать, и я до сих пор подозреваю, что теплые чувства старшины ко мне зародились только от того, что я упрямо называла его полным именем и никак иначе. Имя старшины было его главной болевой точкой. Чуть ли не единственной, учитывая, что кроме имени у него практически ничего не было. Враги называли его Бетель, друзьям иногда дозволялось сокращать до Гейзе. Мне рассказывали, что тех, кто называл его Бетой, старшина уничтожал прямо на месте. «Понятно, какая ж альфа такое унижение стерпит!», смеялись у него за спиной пилоты, что меня жутко раздражало. В лицо бы попробовали, умники, да кто ж с Бетельгейзе связываться смелый.

Я не искала благосклонности начальника охраны, но человек, чье имя состоит из сдвоенной гласной и восклицания, по моему мнению, вообще не должен судить о том, как кого зовут. Бетельгейзе — красивая звезда и красивое имя, а что оно женское и вообще «какой идиот в наши времена называет детей по звездам», так кому какое дело?

А еще я поладила с его кошкой.

— Ну что же, давайте разбираться.

Черный Пеши невелик, в качестве переговорной у нас обычно выступает библиотека. Туда мы втроем и отправились. Капитан Скорски, капитан Бетельгейзе и я — предположительно, в качестве гаранта спокойствия для обеих сторон.

Ситуация вырисовывалась странная. У нас был честный заказ на доставку груза на Криту. А команда капитана Бетельгейзе получила предложение у нас этот заказ отжать, как ворованный, и тоже —

доставить на Криту. И договаривались мы с одной и той же персоной — Шолки Шизом, что делало всю эту историю совсем уж дикой. Шолки, арктурианец сонского происхождения, был, конечно, отчаянным жуликом, но репутацией дорожил. И такой риск? Ради чего? Ради двух десятков контейнеров с сухпайком?

После того, как мы выяснили все немногочисленные, в сущности, подробности, в библиотеке воцарилась тишина. Капитаны молчали, глазами высверливая друг в друге дырки и явно подозревая друг друга в некотором вранье. Я смысла в продырявливании Скорски и Бетельгейзе не видела, верила обоим, а потому просто пялилась в потолок.

— Может, ошибка все-таки? — мне наконец надоело ждать, пока капитаны задымятся. Пусть уже взрываются, что ли. В конце концов, у меня тут везде огнетушители есть.

— Ошибка? — задумчиво переспросил Кэп. — Ошибка, значит...

— Хорошенькая ошибка, — хмыкнул Бетельгейзе.

— Вернемся назад и сдадим груз, откуда взяли? — я принялась выдвигать идеи, раз уж они меня слышат. — Или бросим его прямо тут и разойдемся к чертовой бабушке? Или вообще продадим на черном рынке, а прибыль поделим пополам?

— Нет! — на все мои предложения капитаны отвечали бодрым дружным хором. Так быстро достигли единодушия, прямо приятно посмотреть.

— Ну, тогда, только долететь до пункта назначения и разбираться с Шизом на месте, — у меня кончились варианты.

То есть, если не считать возможность хорошенько подраться прямо здесь и сейчас. Мы-то все отлично понимали, кто тут будет сильнейшим и кому светит победа, а кому забвение среди астероидов. И, к моему великому облегчению, никто такого развития событий, кажется, не желал.

На Черном Пеши четвертых смен нет, у нас вообще с правилами, которые не имеют прямого отношения к безопасности, вообще как-то не складывается. Но я все равно люблю дежурить, когда все спят. Капитан Бетельгейзе отправил своих бойцов на Кэт, а сам остался с нами. Когда он представлял ребят нам, мне первый раз в жизни стоило больших трудов не отпустить дурную шуточку в духе пилотов Патахойи Лу. Шаула и Кастор, надо же. И не спросишь, специально ли подбирал.

— Как ваша кошка, капитан Бетельгейзе? — мне немного неловко было задавать этот вопрос, за столько лет от желтоглазой мурлыки могли остаться только воспоминания, а он ее очень любил.

— Дрыхнет целыми днями. Толстая стала, разбаловали ее, — когда Бетельгейзе говорил о своей кошке, у него становилось невыносимо нежное лицо.

Мы проболтали все шесть часов. Одним глазом я посматривала в мониторы, время от времени корректируя ход Черного Пеши, но все было спокойно и пялиться на капитана Бетельгейзе было веселее, чем на звезды.

С тех пор, как я ушла с Патахойи Лу, мы ни разу не встречались. И я была уверена, что и не встретимся снова, космос иногда слишком большой. Тогда Бетельгейзе мечтал завести свой корабль и заняться частной охраной. Даже предлагал мне стать его пилотом. Но я была уверена, что с зарплатой охранника у него этот номер не пройдет.

И ошибалась. Хотя все вышло и не совсем так радужно, как Бетельгейзе о том мечтал. Корабль он нашел, команду из таких же отмороженных ребят набрал, а вот с легализацией пока как-то не складывалось.

— Без номеров и лицензии какая работа? А без работы… сама понимаешь. Корабль даже не выкуплю никак. Замкнутый круг какой-то. Вот и занимаюсь пес знает чем, хоть что-то заработать…

Да уж, попытка хлопнуть честный грузовик, пусть даже и с контрабандой на борту, это действительно пес знает что. Мои риски остаться в ходе это предприятия без варп-движка ни в какое сравнение не идут. В том, что мы останемся без гонорара, я практически не сомневалась. А на аванс я разве что с десяток новых болтов к Черному Пеши прикручу, да и те из шараги на черном рынке.

Когда мы были от Криты всего в паре часов, сонары Черного Пеши засекли корвет, идущий за нами. Такой же как Кэт. А пользуются этим классом кораблей, как известно, не только бывшие вояки в поисках заработка.

— Копы, что ли? — я показала Бетельгейзе на монитор.

Он долго вглядывался в изображение, но корвет был далеко и понять, кто это, было трудновато. Я-то сильно не волновалась, у нас с документами все было в порядке, а вот Бетельгейзе нервничал. Я было начала его успокаивать, но в этот момент пришел вызов с Криты.

Шолки! Ну надо же, волнуется. Я сделала капитану знак отойти в угол, чтобы не попасть в камеру, и ответила.

— Яя! Привет, дорогая! — Шолки как обычно был развязен, возможно, даже чуточку больше, чем обычно. Глаза у него блестели, а язык постоянно прохаживался по явно пересохшим губам.

— Привет, Шолки, — я чуть было тоже не облизалась. У нас с Шизом похоже были одинаковые проблемы и мы оба были не очень-то сильны в актерском мастерстве.

— У вас все в порядке? Вы уже должны быть на подлете.

— Мы уже рядом, — со всей возможной учтивостью ответила я. — Совсем немного осталось. Ну, если ничего не случится, конечно.

Краем глаза я заметила, как капитан Бетельгейзе что-то быстро набивает на своем комме. Через несколько секунд пискнул сонар: Кэт, шедшая за нами в хвосте, начала отваливать. Я занервничала, но удержать в поле внимания Шолки и Бетельгейзе одновременно было сложно. На мониторе Шиз еще раз облизнул губы и изобразил попытку улыбнуться.

— Вас никто... не пытался обидеть?

— Ну что вы! Мы же еще не дошли до таможни, — я считаю, моя улыбка была куда более естественной.

Еще парочка дежурных вопросов и Шолки откланялся, сообщив напоследок, что очень-очень нас ждет.

— Понимаю. Кушать-то хочется, — ответила я погасшему монитору и повернулась к Бетельгейзе.

Он уже закрыл комм и теперь снова напряженно вглядывался в монитор сонара. Обоих корветов там уже не было.

— Что случилось? — спросила я.

— Если это копы, моим ребятам лучше отойти в сторонку.

Ну, если кто у нас тут и заслуживал актерской премии, так это капитан Бетельгейзе. Даже бровью не повел. Я кивнула, ведь в его словах была правда — номеров-то нет. Но с парнями, когда они проснулись, все-таки пошепталась. Кэт к тому времени уже легла на старый курс.

— ...А ты останешься здесь. Там может быть опасно!

Капитан Бетельгейзе застал меня на входе в шаттл. И я внезапно вспомнила, почему мне ни разу не захотелось присоединиться к его мечтам о своем корабле: я до ужаса не люблю, когда мной командуют на ровном месте. К счастью, на Черном Пеши указания чужих капитанов в расчет не берутся, а мой собственный прекрасно знает,

что удержать меня — проще пристрелить. Буг же наоборот способен справиться с любым ожиданием. Поэтому я только рассеянно кивнула и пошла настраивать управление.

Корабли мы оставили на одном из астероидов у входа в систему. Таможне и копам здесь делать нечего, так что была надежда остаться незамеченными. Крита лежит на самой дальней орбите от звезды, так что шаттл должен справиться. Летели вчетвером: я, капитаны и вооруженная до зубов Шаула.

Мы спокойно прошли пограничный контроль, без груза здесь никому до нас не было дела, и сели на краю небольшой свалки кораблей. Хорошее место: целую луну спрятать можно, никто не заметит. Зато Шолки Шиз нашелся почти сразу. Он сидел посреди небольшой расчищенной площадке, прямо на земле. С момента нашего последнего общения его сильно потрепали: на нежно-зеленых скулах багровели синяки, под носом подсохший потек крови. Шолки плакал.

Шаула и Бетельгейзе вскинули бластеры. Мы с Кэпом в основном сторонники поговорить, но оружие тоже держали наготове.

— Привет, ребята!

Я подпрыгнула и заозиралась. Голос шел из динамика, установленного на большом ржавом грузовике. Его хозяин мог находиться на любой планете системы.

— Ох, какие бравые капитаны, вооруженные такие! — голос немного запнулся. — Капитан… Бетельгейзе и капитан… Скорски. У вас симпатичные девочки.

Мы с Шаулой обменялись быстрыми взглядами. Я написала Бугу: «слышишь?» .

«да. знакомы?»

— Мы знакомы? — спросил Скорски.

— Нет, — ответил голос. — Но вот вы, как я понимаю, познакомились. Досадная ошибка, чуть не разрушившая мой прекрасный план.

Я глянула на Шолки. Он мелко трясся, словно через него пропускали слабые разряды тока.

— Что же это был за хитроумный план? Чего вы хотите?

— Груз. Хороший груз, нужный мне груз. Один олух нашел подрядчиков, вторые олухи провезли мой груз через таможню, третьи забрали его в открытом космосе… И абсолютно бесплатно. Как все удачно!

— Но план мог провалиться на любом этапе, — в голосе Скорски появилась заинтересованность. — Собственно, он и провалился, ведь так?

— Вы ошибаетесь, — я представила, как улыбается хозяин голоса. — Он *чуть было* не провалился, но олухи оказались столь добры, что все-таки доставили мне груз.

В эту же секунду наши коммы завибрировали: мой, капитанов, Шаулы. Одновременно это было довольно шумно, сообщения шли одно за другим. Я бросила взгляд на экран: это Буг.

«нас хлопнули»

«таможня»

«облава»

«груз забрали»

«пытаюсь договориться»

Последнее сообщение означало, что Буг прямо сейчас пускает свои чары в действие, чтобы Черного Пеши и Кэт отпустили. Без груза, конечно, но и без последствий. Я ничего не знала о законах Криты, но надеялась, что местные таможенники не сильно отличаются от всех остальных. А значит красноречие Буга и много красивых кредитов могут помочь.

— Что, господа олухи, хорошие новости? — голос явно издевался.

Капитан Бетельгейзе издал короткий рык. Шаула подняла бластер, явно готовая стрелять, дайте только цель найти. А я обреченно подумала, что Буг-то там, может, и договорится, а вот мы что здесь делать будем?

— Груз у таможенников, — один капитан Скорски по-прежнему сохранял невозмутимую заинтересованность, хотя голос уже повысил почти до предела. — Как вы собираетесь достать его оттуда?

Громкий хохот, отразившийся от стен, видимо, должен был обозначать, что вопрос этот — глупее некуда. В этот момент мне показалось, что разговаривает с нами все-таки женщина. Слишком задорным был смех, слишком… мелодичным, что ли? Я сделала мысленную пометку обсудить это с Кэпом, когда мы отсюда выберемся.

— Олухи, без вас было бы так скучно, — сказала она. И исчезла.

Вокруг стало тихо, только слышно как всхлипывает Шолки. И вибрируют коммы.

«свободны. где вы?»

Шолки мы забрали с собой. Капитан Бетельгейзе был против, но мы с Кэпом посчитали, что Шиз такая же жертва обстоятельств, как и все мы, и незачем бросать его на свалке. Шолки трясся всю дорогу до корабля, плакал и клялся, что не виноват.

— Заказ пришел через Колина. А кто за ним был, я не знаю. Кто там был, я не знаю! Но Колин хороший парень, честный парень! Вы же знаете Колина?

Мы не знали Колина, но уже сильно его не любили. Хотя кто его знает, какую цепочку из посредников выстроил голос, чтобы добыть свой драгоценный груз. Тому Колину тоже кто-нибудь передал, что ищет подрядчиков. Черт, надо было хоть стянуть упаковку, попробовать. Любопытно же, ради чего столько усилий.

— Он сказал, что это безопасно. Что вам всем заплатят. Что так безопаснее! Вы везете груз, а они охраняют… А потом они взяли меня. Я не знаю, кто это… не знаю!

Ну, может, и не врет. Так, привирает немножко, чтобы не прибили. Скорее всего, и Колина никакого не существовало. Просто Шолки боится. И нас, и голоса. Но тот сейчас далеко, а мы — вот они. К тому же очень злые.

— Врешь ты! — Шаула заговорила первый раз за все время нашего знакомства. — Зачем им охрана? Они бы и сами долетели до таможни.

Шолки уставился на Шаулу стеклянными глазами. Даже на секундочку трястись перестал.

— Но… но… в космосе столько опасностей. Я… не думал… Думал, что… Мне сказали, что вы… они… что путь лежит через пиратский круг. Там все хотят…

Я хмыкнула. Он что, правда, такой дурак? Я обошла пиратский круг десятым курсом. Еще не хватало прямо в лапы грабителям соваться.

— В космосе действительно много опасностей, — сказал вдруг капитан Бетельгейзе. — Грузовик пасли. Яя, помнишь? Только я думал, это случайные.

Я помнила. И мне стало неловко: вот куда делась Кэт ночью, а я все подозревала чего-то.

— Такие страсти по сухпайку, — вздохнула я. — Кто-то, похоже, был очень голодный.

Шолки тихонечко всхлипнул. И сколько мы его потом не пытали, так и не признался, зачем его клиенту понадобилось накручивать такую схему на пять жалких тонн армейской жратвы.

Обоими кораблями мы ушли на Пситорру, чуть ли не единственную планету, где капитан Бетельгейзе и его команда могли не волноваться за свою легальность.

В баре Прекрасной Мэррит было как всегда хорошо: многолюдно, шумно и накурено. Пробираясь к своему столику, мы поймали вертлявого официанта, заказав ему три литра «Звездного пойла» и побольше закусок. Скоро пути Черного Пеши и Кэт разойдутся, но адреналин в крови еще бушует и хочется если не обсудить произошедшее, то хотя бы посидеть вместе еще немного.

О событиях на астероиде мы узнали из краткого пересказа Буга. «Ну чего, подрались немного, потом груз забрали, а я договорился, чтобы нас отпустили. Два аванса». Нет, я вот честно не понимаю, куда девается его хваленое красноречие, когда дело доходит до действительно интересных вещей. Как таможенникам комплименты расточать — это он всегда пожалуйста, а как с родной командой пообщаться, так слова лишнего не допросишься.

Впрочем, молчаливостью отличался не он один. На капитана Бетельгейзе и его команду было больно смотреть. Если мы всегда морально готовы к тому, что нас кинут и оставят без денег, то эти бравые ребята, кажется, с таким еще не сталкивались. Немного помятые в стычке с таможенниками, они печально накачивались «пойлом» и рты раскрывали только для того, чтобы сгрызть еще один сухарик.

Два аванса, о которых упомянул Буг, — сумма, которой ему удалось купить свободу Черного Пеши и Кэт. Один аванс положил конец моей мечте заполучить варп-движок в ближайшее время. Второй — надеждам капитана Бетельгейзе на последний взнос за корабль, лицензию и бортовой номер. И хотя денег на это требовалось меньше, я-то без двигателя точно ничего не теряю. Ну, хорошо, почти ничего. А Бетельгейзе жалко.

Я подлила себе в стакан «пойла» и дернула Кэпа и Буга на свежий воздух. Поговорить.

Неделю, которую было решено пустить на технический отпуск, мы с Бугом провели в машинном отделении. Паяли, варили, чистили, перебирали узлы и затягивали болты. Приведение Черного Пеши в порядок — лучший способ справляться с огорчениями. Кэп же напялил свой лучший костюм, который так хорошо действует на

бюрократов всех мастей, и скрылся на несколько дней в оплоте местного делопроизводства — Пситорре-центральной. Когда он вернулся, мы как раз занимались системой переработки воды. Поэтому и в рубку ввалились мокрые как две жабы и грязные как лунские своки.

— Ну что, команда, поздравляю! — гаркнул Кэп, бодро отпрыгивая от лужи, с ошеломляющей скоростью натекавшей с нас. — С этого дня мы с вами официальные владельцы одной восьмой боевого корабля класса корвет, бортовой номер ZO-290115-XT, лицензия на охранную деятельность за номером 1904218-Y, базовый позывной «Кэт». С приоритетным правом на предоставление услуг, заметим. Капитан Бетельгейзе был так любезен, что лично вписал этот пункт в договор. Окончательное скрепление договора хорошей порцией «Звездного пойла» состоится сегодня в восемь часов вечера по местному времени в баре моей Прекрасной Мэррит. Только переоденьтесь, пожалуйста.

Для его возраста у Кэпа удивительно хорошая реакция, поэтому, когда мы бросились обниматься, голося от восторга, ему понадобилось меньше секунды, чтобы ускользнуть. Так что его лучший костюм остался абсолютно сухим и чистым.

2016 г.

Ми шедим

Когда пропала Принцесса, шла третья неделя нашего бессмысленного существования на Мериде. Забастовка таможенников перекрыла все входы и выходы грузовым судам, и мы еще были в хорошем положении, теряя время среди цивилизации и без товара. Тем, кто застрял на орбите, было значительно скучнее и грустнее, а их убытки уже исчислялись тысячами кредитов.

Первые несколько дней мы почти не выходили из Черного Пеши, готовые стартовать в любой момент, дежурили в свою очередь у пульта управления, а все остальное время спали, трепались и напряженно смотрели новости по Сети. К началу второй недели стало ясно, что ни профсоюз, ни власти не собираются уступать, а значит сидеть нам тут еще неизвестно сколько. Тогда общим собранием акционеров в лице меня, Кэпа и Буга и примкнувшей к нам Принцессы было решено не протирать сиденья Черного Пеши, а дать самим себе большую свободу передвижения. В мгновение ока вся команда расползлась по ближайшим окрестностям.

Вернувшись из очередной вылазки, я вдруг осознала, что не видела Принцессу уже несколько дней. Кэпа — видела, более того, сама провожала вчера в столицу. Что-то он там нашел посмотреть интересное. Буга тоже видела, он сегодня на дежурстве. А вот Принцессу... Тщательно проверив библиотеку, камбуз, все каюты,

включая тайную, и несколько душевых, а также сделав несколько безуспешных вызовов на Принцессин комм, я всерьез заволновалась.

Мы, конечно, были молодцы, слов нет. Принцесса живет на Черном Пеши уже несколько месяцев, а как-то пристроить ее к делу, мы до сих пор не удосужились. Документы выправили, да и все. Летай себе.

Нет, ну мы пытались учить ее управлять кораблем и ковыряться в его внутренностях, но было видно, что ей это совсем не интересно. Она старательно рассчитывала маршруты вместе с Кэпом, аккуратно вела Черного Пеши по прямой под моим приглядом и даже пару раз спустилась с Бугом в машинное отделение. Но при первой же возможности убегала в библиотеку, где уже практически поселилась. Читала там всякую зубодробительную ерунду и с каждым днем все реже и реже выходила даже к вечерним посиделкам на камбузе.

А мы... Ну а что мы? На Черном Пеши в принципе нет обычая лезть в чужие дела и принуждать к откровенности. Каждый, кто чем-то озабочен, имеет полное право носить это в себе или вываливать всем остальным на головы. Но только по собственному желанию.

Вот только мы как-то забыли, что Принцесса у нас немножко из другого мира. Что до того, как попасть к нам, она ничего толком не видела, кроме своих странных учителей, нянек и таких же как она беременных девочек. И несмотря на столь лихое владение спицей и умение читать толстые книги, жизни, считай, и не нюхала. И ее надо было не корабль учить водить, а... ну, не знаю... поговорить, с ней, что ли? Видно же было, что что-то не так.

— Вот и уроды же мы, — пробормотала я и пошла искать Буга.

Он торчал в машинном отделении и что-то паял, в воздухе ужасно воняло флюсом. Судя по тому, как он ритмично качал головой, опять слушает дарк гуд гу. Хорошая музыка, мне тоже нравится. Подобравшись к Бугу со спины, я резким движением выдернула у него наушник. Этот железный человек даже не вздрогнул.

— Буги! Мы уроды! — рявкнула я ему прямо в ухо.

— Точно? — он даже не обернулся, как паял, так и продолжил.

Я села рядом с ним, потянув за второй наушник, чтобы не отвлекался на музыку.

— Ты когда Принцессу последний раз видел?

Буг помахал паяльником.

— Дня... эээ... пять назад. Кажется.

— Вот именно! А говоришь, не уроды.

Буг отложил паяльник и крепко задумался.

Четыре часа мы бродили по ближайшим к порту районам, подсовывая каждому встречному голограмму Принцессы. Не очень похожую: я сняла ее почти случайно, когда проверяла настройки комма. На голке Принцесса смеялась, откину голову, а ее кудряшки, попавшие в зону действия вытяжки, стояли практически дыбом. Я попыталась вспомнить, когда это было. Получалось, что уже месяца три прошло.

Самое ужасное было в том, что ее комм так и не отвечал. Вне доступа. Вне доступа. Вне доступа. Вы превысили лимит вызовов, попробуйте через несколько минут. Вне доступа. С каждой секундой я приходила во все более мрачное расположение духа и уже чуть ли не бросалась на очередных прохожих (а их становилось все меньше и меньше — дело шло к обеду, священное время отдыха). Видели? Вы ее видели? Да, да, очень красивая, но вы — ее — видели?!

Старикан, которого мы поймали на пустынной уже улице, был маленький, сморщенный и с длинным тонкими усами, свисавшими чуть ли не до груди. Он что-то быстро говорил высоким, резким голосом и тыкал пальцем в сторону проулка между двух магазинов.

— Вы ее видели? Да? — я поднесла к старику комм поближе. Он быстро-быстро закивал и продолжил свою эмоциональную речь.

— Что он говорит? Что это за язык? — спросил меня Буг.

— Не понимаю, — я знала на три языка больше, чем Буг, и могла отличить друг от друга еще около пары сотен, но чириканья старика несли для меня информации не больше пения птиц.

А он верещал все быстрее, продолжая показывать в проулок сморщенным пальцем. И, кажется, все больше раздражался нашим слабоумием. Я свернула изображение на комме и дернула Буга за рукав.

— Пошли.

Со стороны улицы оба магазина выглядели очень ухоженными: фасады из рекламных мониторов, пластиковые лавочки перед входом, цветочки всякие, лампочки, веселые роботы-зазывалы. А за углом нас встретили рыжие облупившиеся стены, сильно заросшие кудрявой травой, под ногами хрустел мелкий мусор вперемешку с камешками вместо аккуратного покрытия.

— Гляди, дверь, — Буг показал куда-то вперед и вбок.

Я вгляделась в рыжую стену. И правда дверь. Ржавая, словно никогда не видела краски. Но, судя по следам на земле, ее открывали и не раз.

Нас нагнал старик. Продолжая верещать, начал подталкивать нас к двери. Сейчас он уже напоминал мне не птицу, а кояра, смешного маленького грызуна с отвратительным визгливым голосом, от которого жутко закладывает уши.

— Мы же туда не полезем? — спросила я Буга, старательно игнорируя визги нашего провожатого.

— Почему нет?

— Ну...

Буг умеет ставить в тупик простыми вопросами. Вот как объяснить урожденному пеши, отцу троих детей и контрабандисту, который способен договориться с любой таможней, почему не стоит заходить в чужие двери только потому, что незнакомец на улице тычет в них пальцем?

— А если он врет? — я все-таки попробовала. — Или вообще о чем-то своем болтает?

— Мы только посмотрим.

— Буги, мне не нравится эта идея.

— Мне тоже. Но мы только посмотрим.

Буг потянул ржавую дверь на себя и вошел внутрь. Немного поколебавшись, я сунулась за ним. Рассудила, что максимум на что мы рискуем нарваться — подпольное казино или наркопритон. Ну так как нарвемся, так и вырвемся, не в первый раз. Старик у нас за спинами по-прежнему что-то верещал, но теперь в его голосе мне слышалось не раздражение, а что-то вроде удовольствия.

— Эй, — я обернулась к старику. — Что вы там задумали?

Старик перешел на ультразвук и с силой захлопнул за нами дверь прежде, чем я успела хоть что-то предпринять. Мы с Бугом оказались заперты в полной темноте.

— Уй, берпал! — выругался Буг, который в дурных ситуациях автоматически переходил на старопешский.

— Уй-уй-уй, — откликнулась я почему-то шепотом. — Буги, здесь темно.

Вместо ответа Буг зажег фонарик на комме. Я сделала то же самое, и теперь мы могли немного осмотреться. До куда хватало света фонарей, огромное, темное помещение было полно роботов. Здесь были древние монстры — огромные, негибкие истуканы, оснащенные

кучей лишних деталей. Были современные модели — округлые и изящные. Роботы-трудяги и роботы-домашние животные, роботы-игрушки и медицинские манипуляторы, дроны и андроиды, шпионские штучки и совершенно невинные бытовые приборы. Японские, пастайские, русские, американские, станские и фармурийские... Полки с роботами закрывали все стены, в коробах были свалены детали и запасные части. А возле длинного стола, засыпанного инструментами, стояли два огромных андроида-охранника, черные с редкими хромированными деталями. Такие были в ходу лет сто назад, сейчас-то на территории Конфедерации охрану принято набирать из живых существ. После нескольких печальных инцидентов даже разработки прекратили. Выглядели андроиды внушительно и жутковато. На ходу, интересно? Вот бы включить...

Мы с Бугом так увлеклись разглядыванием роботов, что даже забыли волноваться. Это же явно было что-то вроде музея или архивной мастерской. А старикан — живой зазывала, просто ужасно бестолковый. Принцессу мы здесь, конечно, не найдем, но любопытно — жуть. Мы с Бугом толкали друг друга локтями, обнаружив очередной занятный экспонат, осторожно трогали металлические бока, пытались разгадать назначение некоторых совсем уж непонятных механизмов.

— Как думаешь, для чего это? — я взяла в руки тяжеленькую многоножку с толстой иглой на носу. На спинке у робота тускло блестело множество кнопок и темнел маленький дисплей.

— Это гемоанализатор. Старая модель, но надежная, — ответил мне незнакомый голос.

От неожиданности я чуть не выронила многоножку на пол. За спиной у меня тихонько выругался Буг. Уй, берпал...

— Вы понимаете по-старопешски? — брякнула я первое, что пришло в голову. Заболтаем, может, без скандала обойдется.

— Это ваш язык? Нет. Но никто не знает, что такое. Все спрашивают.

Говорил он на базовой космолингве, но фразы строил так, словно начал изучать язык совсем недавно. Причем каким-нибудь доисторическим методом, без гипносна и инъекций.

— Я зажгу свет. Стойте спокойно.

Проморгавшись (свет был неяркий, но после темноты все равно сложно), мы наконец сумели разглядеть нашего собеседника.

Худощавый, бледный как смерть мужик, одетый в потрепанную униформу биотехника, были такие ребята когда-то давным-давно. Целое войсковое подразделение, занимавшееся скрещиванием роботов с живыми организмами. Их прикрыли почти сразу после того, как в Обитаемой Галактике наступило то, что принято называть Великим Миром. За противоречие гуманистической концепции и что-то там еще.

На наше счастье, хозяин роботов кажется не собирался устраивать нам головомойку, хотя и сильно довольным не выглядел. Он забрал у меня из рук многоножку-гемоанализатор и теперь баюкал ее словно младенца.

— Простите нас за вторжение, — сказал Буг. — Мы ищем нашу подругу, Яя покажи голограмму. Некий господин, имени которого мы не знаем, провел нас в вашу дверь, а затем по какой-то непонятной причине захлопнул ее за нами, так что мы не смогли уйти. В темноте мы немного растерялись, но очень рады вашему появлению. Меня зовут Буг Коов, это Яя Хо, а девушка, которую мы ищем...

— Мне не важно, как вы здесь, — мужик махнул рукой, не давая Бугу договорить. — Гохри хорошо знает дело. Важно, что вы здесь.

— Вам важно, что мы здесь? — удивилась я. — Вы нас ждали, что ли?

— У меня мало крови. Осталось мало, — он протянул нам руки: локтевые сгибы и запястья были покрыты синяками и мелкими точками, словно от укусов насекомых. — Очень мало. Нужно больше.

— Буги, — слегка содрогнувшись, я перешла на старопешский. — Мне кажется, нам пора уходить.

— Я проверю. Если подойдет, вы пригодитесь.

— Прямо сейчас, Буги!

Буг не отвечал. Обернувшись, я увидела, что его держит один из андроидов. Тяжелыми руками он обнимал моего друга так плотно, что тот не мог выбраться, только даром молотил ногами. Просто, чтобы порыпаться, очевидно, практического смысла бить бесчувственную охранную железяку не было. Рот у Буга был уже заклеен чем-то вроде толстой клейкой ленты.

Я зарычала, выдернула из-за пояса бластер и приготовилась стрелять. Мужик стоял, покачивая гемоанализатор, и совсем меня не боялся. И правильно делал, через секунду я болталась в руках второго андроида точно также как и Буг. Липкая дрянь закрыла мне рот, а ноги я решила об андроидов не отбивать. Все равно бесполезно.

Когда игла гемоанализатора вошла мне в вену, я зажмурилась. Никогда не любила сдавать кровь.

— Ми шедим, — сказал Буг довольно унылым голосом.

Ми шедим? Попались? Да мы не просто попались, мы очень лихо влипли. Нас лишили коммов и оружия, засунули в клетку с пластиковыми нарами и унитазом древней конструкции. Всей-то разницы, что за решеткой роботы вместо копов. Кровь наша этому маньяку понравилась, что бы это ни значило. Аж зацокал от удовольствия, когда результаты увидел. «Хороший кровь, хороший кровь». Сволочь.

Но впадать в уныние я не собираюсь, и Бугу не дам. Нам еще Принцессу искать… О том, что она может лежать по соседству в каком-нибудь ящике с деталями, я старалась не думать. Нет уж, она умница, она осторожная, она визжащего старикашку слушать ни за что не стала бы.

Я обошла клетку по периметру, внимательно разглядывая решетку и все, что за ней. На наше счастье, похититель оставил свет, пусть тусклый, но лучше, чем ничего. Андроиды снова выглядели мертвыми, но это тоже ничего не значило: кто знает, что способно их активировать. Прутья у клетки расположены слишком часто, через них мы с Бугом не пролезли бы и в более голодные времена. Надо замок пощупать…

— Уй! — меня вдруг осенило. — Буги, что у меня есть!

Наш похититель был, конечно, не идиот, роботы обчистили нас как следует — даже металлические пряжки с одежды поснимали. Но откуда им было знать, что неровно обточенный кусок деревяшки, который торчит у меня в прическе, тоже может оказаться полезным. Заколка даже красивой не выглядела. Я ей очень гордилась: на вид последняя дешевка, но только если не знать, что подцепив один маленький заусенец, можно вытащить на свет добрый десяток разных инструментов — от крестовой отвертки до крохотной пилки для ногтей. Славный сувенир, купленный на одной далекой маленькой луне. Починить звездолет этой штукой, конечно, вряд ли получится, но вот вскрыть простой замок — легко. Ну и ногти всегда в порядке

— Камеры, — сказал вдруг Буг. — Камер вроде бы нет, ты заметила?

Я, честно говоря, о них вообще не подумала. Но это была хорошая новость: значит, этот урод настолько уверен в себе, что за нами не следит. Или?

— Они могут быть очень маленькие.

— Нет, все-таки их нет.

Буг уже не сидел на полу, делая вид, что составляет завещание. Он стоял на нарах и внимательно изучал верхние прутья и потолок над ними. В том, что касается техники, Бугу я верила больше чем себе. Когда на Черном Пеши начинает чихать и капризничать очередная система, мне приходится неплохо побегать с тестерами, выясняя в чем проблема. Буг обычно находил дыру в пять минут.

До коммов мы все-таки не добрались, мы вообще толком даже сориентироваться не успели. Видимо, даже мой друг способен ошибаться и камеры были. В этом инженерном хаосе что угодно могло быть. Но попробовать все же стоило.

Прежде чем затолкать нас в клетку во второй раз, андроиды сняли с нас практически всю одежду, оставили только белье (вот никогда бы не подумала, что мой суровый компаньон носит трусы в горошек).

— Так вам не уйти, — сказал похититель. — Вам никак не уйти.

Идиот. Как только у нас появится хоть малейший шанс, мы отсюда голые уйдем, не то что в трусах. Другой вопрос, появится ли? Теперь у нас не было даже заколки, хозяин роботов сломал ее пополам и мы это отлично видели.

Самое странное, что особо злым он вроде бы не был. Нас не били, не связали, нам даже кинули в клетку одеяло — пусть и одно на двоих.

— Как вас зовут? Что вам от нас нужно? — мне пришлось несколько раз повторить свои вопросы, прежде чем он соизволил ответить. От страха и злости я почти кричала, словно могла его этим напугать.

— Можете называть меня Майор, — наконец сказал он. — Мне нужен ваша кровь. Вам нравятся мои роботы? Им нужен ваша кровь.

Господи божечки, святая Кизили! Наша кровь, такая малость! Невинные развлечения отставного биотехника, чтоб его черти съели вместе с его роботами! Сволочь, сволочь, сволочь!!!

Я истерила еще долго после того, как Майор ушел, вопила проклятья и пинала нары, на которых нам предстояло спать. И Буг меня даже не успокаивал.

Перед тем, как мы легли спать — под одним одеялом — мне пришлось поклясться Бугу, что его жена никогда об этом не узнает.

Утро — или что тут было вместо него — началось с неожиданно хорошего завтрака. Маленький робот-официант просунул сквозь

прутья клетки две тарелки с огромными кусками мяса и кувшин с соком ягод корти. Редкое удовольствие, где только раздобыл.

Сначала мы не хотели есть, еще чего — терпеть подачки от похитителя, но потом голод пересилил. Мясо было вкусное, сок тоже, и мы даже немного воспряли духом.

А потом пришел Майор и начался ад.

Андроиды выволокли нас из клетки и привязали к двум стендам, чье назначение мы пытались разгадать еще вчера. Протянули широкие пластиковые ремни по шее, животу, бедрам и лодыжкам. Запястья прижимали к стенду магнитные наручники, так что шевелить мы могли разве что пальцами и то было неудобно.

Потом за дело взялся сам Майор. Я с ужасом смотрела, как он перетягивает левую руку Буга резиновым жгутом, как втыкает в сгиб локтя огромную иглу, как присоединяет к ней мягкую трубку, уходящую в пластиковый контейнер. По трубке сразу же вязкой струйкой потекла кровь. Очень хотелось потерять сознание, чтобы не почувствовать как он делает то же самое со мной. Не получилось. Пришлось снова закрывать глаза.

Когда я их все-таки открыла, Майора уже не было в помещении. Андроиды снова спали. Меня мутило, Буга наверняка тоже.

— Буги, — речь давалась мне с трудом. — Буги, как ты?

— Норм... — он говорил словно сквозь вату.

Вокруг нас крутились два маленьких робота — один был похож на змейку, второй на не очень ладный шарик на ножках. Не знаю, каким было их назначение, но вели они себя совершенно по-хамски: поскуливали, свистели и щелкали, постоянно касались нас тонкими манипуляторами и моргали разноцветными огоньками, отчего голова начинала кружиться еще сильнее.

Я опять закрыла глаза и стала соображать. Нам нужно было хотя бы добраться до коммов. Хотя бы добраться — и нажать кнопку тревоги. Сигнал с координатами уйдет на сервера Черного Пеши и всем, кто на канале: Кэпу, Принцессе и на Кэт — капитану Бетельгейзе и его команде. Кто-нибудь должен откликнуться, кто-нибудь сможет нас найти, если мы сами не выберемся... О том, где сейчас Принцесса, я очень, очень старалась не задумываться.

— Буги, мы так долго не протянем, — я не собиралась ныть, скорее хотела услышать голос Буга. Вчера мы провисели на стендах несколько часов, и когда нас затолкали обратно в клетку, сил у нас не было даже на то, чтобы поесть. Майор лично впихивал в нас еду. Я

мечтала выплюнуть мясо и сок прямо ему в лицо, но даже на это меня не хватило. Хорошо не подавилась.

— Тсс...

Я удивилась и с трудом повернула голову в сторону Бога. Лицо у него было ужасно сосредоточенное, словно он решал в уме сложную задачу.

— Буги?..

— Тихо!

Мне стало интересно, я даже ненадолго перестала чувствовать, как из меня вытекает кровь. Что он придумал, что?

— Буги? — через несколько минут я все-таки не выдержала.

Вместо ответа Буг вдруг начал издавать совершенно неожиданные звуки: щелкать языком и коротко посвистывать. Как эти два маленьких робота, которые по-прежнему терлись вокруг нас. Я скосила глаза вниз и увидела, как они оба — и шарик, и змейка — остановили свое бесконечное движение. Они словно прислушивались.

— Буги! Что происходит, — взвыла я, не в силах больше терпеть неизвестность.

— Двоичный код, — отозвался мой друг. — Они общаются.

Он снова засвистел и защелкал. Шарик и змейка закрутились вокруг своей оси, запищали с удвоенной силой. А потом вдруг набросились на Бугов стенд.

Открыв рот я смотрела, как змейка ползет вверх, выдвигает острые манипуляторы, режет пластиковые полосы — одну за другой. Как шарик подпрыгивает и крутится, пытаясь дотянуться до магнитов, чтобы отключить их и снять с Буга наручники. Я всегда знала, что мой друг — гений. Хоть и носит дурацкие трусы.

Освободившись Буг первым делом вытащил из себя иглу, а только потом упал — стоять на ногах ему сейчас было чертовски сложно.

— Сейчас, — сказал он мне. — Потерпи, сейчас.

— Буги! — я чувствовала себя так хорошо, словно мы уже победили, но говорить все же было трудновато. — Не я! Комм! Кнопку!

Он кивнул, признавая мою правоту. Сил встать у него так и не было, он практически полз. Маленькие роботы вились вокруг Буга, но так как команд он им больше не давал, помочь ничем не могли.

Закусив губу я смотрела, как мой друг добирается до стола с инструментами. Как встает — сначала на колени, потом весь, целиком. Как сметает майорово барахло, чтобы вытащить из-под него свой

коммуникатор. Как цепляет ногтем крышечку, под которой прячется тревожная кнопка...

Освободить меня Буг уже не успел. Сначала в комнату ворвался Майор, затем проснулись андроиды. Чтобы вернуть Буга на место, притащить новые ленты и запаковать его снова им понадобилось меньше пяти минут. Втыкая иглу Майор орал как резанный и — не удержался же, скотина — дважды ударил Буга по лицу. Ну только дай мне до тебя добраться, только дай! Мокрого места не оставлю

Самое обидное, что наше освобождение я все-таки пропустила, отключившись в самый ответственный момент. Буг потом рассказал, когда мы отлеживались в местной больнице, что это было красиво: местная полиция, возглавляемая Кэпом, вынесла дверь вместе с половиной стены и даже устроила небольшой пожар, немного не рассчитав мощность своего оружия.

— Тебе повезло, там оглохнуть можно было. И задохнуться, — утешал меня Буг, пока я расстраивалась, что ничего не видела. — А Майор и вовсе сдался без звука. Неинтересно даже.

Да уж. Если бы нашему похитителю что-нибудь попортили в процессе, было бы, конечно, значительно веселее.

— Зато я роботов прихватил, — сообщил Буг. — Маленьких. Жалко стало. Они помогали.

Я горячо одобрила его поступок.

Правила на Мериде строгие: пока мы валялись на больничных койках, все контакты с внешним миром были запрещены. Поэтому мы очень старались побыстрее прийти в себя и смыться домой, на Черного Пеши. Через несколько дней истощенные нашим напором врачи сдались и отпустили нас под честное слово жрать таблетки и соблюдать постельный режим.

— Хотя бы несколько дней, — грустно сказал доктор, когда мы яростно выпутывались из больничной одежды.

На выходе нас встречала целая делегация: сияющий Кэп, несколько мрачные из-за того, что, застряв на таможне, пропустили все веселье Бетельгейзе и его верная помощница Шаула и — совершенно потерянная Принцесса (мне даже показалось, что она недавно плакала). Ну и конечно не обошлось без парочки полицейских, которым нужно было немедленно задать нам тысячу вопросов.

Но копам пришлось подождать. Потому что у нас с Бугом была своя тысяча вопросов. И первый из них мы задали хором:

— Где ты была?!

Слегка гундосым голосом (ну точно ревела), Принцесса сообщила, что ей надоело (хлюп) сидеть у нас на шее, поэтому она (шмыг) решила заняться чем-то полезным и (хлюп) поступила учиться. На врача. Потому что. Это важная профессия. В космосе. А комм. Был отключен. Из-за экзаменов. И установочных гипнолекций.

— Вы были так заняты. Я оставила записку. В рубке. И Кэпу сказала… — Принцесса окончательно сникла и все-таки пустила слезу. — Я так за вас испугалась!

Честно говоря, я не знала, то ли смеяться, то ли разреветься вместе с ней. Ужасно нелепо провести столько времени в плену у психа, потому что ты сам и твои друзья все немножко эгоисты и идиоты. С другой стороны, на Черном Пеши у каждого есть священное право побыть иногда немножко и эгоистом, и идиотом… Ну и маньяка изловили, тоже дело.

Пока я размышляла над достойным ответом, ситуацию как всегда спас Кэп.

— Тебя уже научили заниматься беспокойными пациентами? У тебя их теперь целых двое.

— Так точно, капитан! — Принцесса перестала рыдать и одарила нас таким заинтересованным взглядом, что мы с Бугом тут же сдались полиции — в слабой надежде оттянуть практические занятия по медицине как можно дольше.

Но нас это, разумеется, не спасло.

2016 г.

Юпитер-21

Не хотелось бы бросать тень на всю команду Черного Пеши, мы тут вовсе не агрессивные, адреналина нам и без дополнительных усилий хватает. Но иногда некоторые просто напрашиваются на хорошую взбучку. И тогда мы...

Ладно, ладно — я. Эту драку начала я. Остальных в этот момент даже в баре не было. Буг и Кэп подтянулись, когда я уже не только успела почесать свой кулак о парочку физиономий, но и пропустила неплохой такой хук слева — прямо в челюсть. Понятное дело, им ничего не оставалось, как присоединиться ко мне. Мои друзья никогда не позволят даме драться в одиночку. Тем более с такой кучей противников.

И все равно я убеждена в своей правоте. Знаете, человеку, который вырос между большой ксенофермой и космическим кораблем, трудно выносить издевательства над животными — и не важно какого они вида. Да я даже у лунских своков как-то роды принимала и тех мне жалко было!

А эти два зверька, которых на потеху пьяной публике мучал бугай в форме ассенизатора из планетарной службы, выглядели куда симпатичнее своков в родильной горячке. Такие милые крупные крысята, только что без хвостов и с аккуратными рожками на лбах. Милые и очень-очень несчастные. А он заставлял их прыгать через натуральный таз с восмидесятиградусным звездным пойлом.

Предварительно подожженным. Зверьки верещали от страха, а он щелкал их по затылкам и заставлял изображать из себя мучеников линийских. Но те-то хоть за веру страдали.

Когда я била в первый раз, еще успела в очередной раз удивиться. Уборка, в целом, хорошее же дело, полезное, достойное и уважаемое в обществе. Им денег платят больше, чем мы с контрабанды снимаем! Но почему-то именно среди говнарей водится столько ммм… дерьма. Загадка природы же, думала я.

Потом думать было поздно. У ассенизатора в зале были дружки, я их просто сразу не заметила. И минимум один из них неплохо бил с левой. Остальные справлялись похуже, к тому же были изрядно пьяны. К тому моменту я уже была не одна и мы неплохо поработали кулаками, но совокупная масса говнарей была очевидно выше, чем у команды Черного Пеши. А когда к нашим танцам еще и вышибалы присоединились… Выдерживая полный нейтралитет к исходному предмету разногласий, они тем не менее довольно неделикатно повышвыривали нас всех на улицу.

И надо же: прямо в руки местной полиции. Кто-то за стойкой успел нажать на тревожную кнопку. Но тут уж с Черным Пеши никакой ассенизатор не сравнится. Плюнув на возможные лавры победителей, мы смылись в мгновение ока. И за упаковкой наших противников наблюдали уже с безопасного расстояния. Копы тут совершенно невежливые, конечно. Не то что, скажем, на Земле-4, где тебя даже казнить будут со всеми возможными церемониями и извинениями.

— Можно хотя бы узнать, в честь чего была у нас состоялось столь эмоциональное сближение с местным контингентом? — вопиюще скорбным голосом спросил Кэп, потирая сбитые костяшки на кулаках.

В глазах Буга я прочла такой же вопрос — и в целом, и в подбитом.

Аккуратно потрогав ноющую челюсть, я достала из-за пазухи крысят. Решительно не помню, в какой именно момент драки я успела их туда засунуть, но зверюшки оказались понятливые: сидели тихо, не царапались. Я б в таком стрессе как у них точно бы попыталась выгрызть у случайного спасителя что-нибудь вроде сердца.

— Понятно, — вздохнул Кэп. — Они про лоток хотя бы знают?

Я пожала плечами. Донесем до корабля, выясним.

— Мы проведем тихий вечер в баре, говорила она… Выпьем пива! Помолчим!

До космодрома ехать около двадцати минут, примерно на десятой я не выдержала и пообещала подбить Бугу и второй глаз, если будет продолжать ныть. Как будто это могло его остановить.

***

Надо честно признать: несмотря на всю суматоху с поступлением, Принцесса выбрала самую подходящую профессию для жизни на Черном Пеши. И к этому моменту уже наверняка знала, что делать, когда на корабль вваливается изрядно потрепанная команда, каких-то полтора часа назад отбывшая посидеть в баре. Особенно мило, что она сразу же набрала доставку продуктов. Так что пива этим вечером мы все-таки выпили. Даже тихо было, когда Буг делал паузы в попытках воззвать к моей совести.

Крысят устроили на камбузе, нашли им ящик из толстого полупрозрачного пластика, сунули туда старое одеяло и грелку. Принцессе даже удалось чем-то их накормить. Несколько минут повозившись, зверьки закопались поглубже в клетчатую ткань и вроде даже заснули. Мы последовали их примеру немногим позже.

Проснулась я от неприятного ощущения, что кто-то пытается перерезать мне горло. Рефлексы, хорошо подкрученные вечерней дракой, сработали на пять с плюсом, и через секунду я уже стояла посреди каюты и под разгорающимся светом ламп рассматривала спасенного крысенка, зажатого в моей левой руке. В правой нехорошо так поблескивал один из наших кухонных ножей, который я у него отобрала.

— Мааа?! — только от удивления я не придушила зверька прямо там. И на старопешский перешла тоже, вряд ли это мелкое чудовище понимало мой родной язык. Откашлявшись, я развернула свою мысль на космолингве. — Какого черта?!!

Крысюк забился, запищал, но ответа я от него так и не добилась. Немного поколебавшись, я решила сначала изолировать его куда-нибудь, а потом уж разбираться дальше. Кстати, второй-то где?! Мысль об истекающей кровью в своих постелях команде Черного Пеши придала мне таких сил и скорости, что я чуть не вынесла дверь каюты, рванувшись наружу.

И сразу же столкнулась с Кэпом. В руках он держал второго крысенка и свой — немаленьких, между прочим, размеров — бластер.

— Я нашел ЭТО, — Кэп помахал крысенком, — в рубке. Вместе с ЭТИМ! — второй взмах — бластером.

Мне захотелось слиться со стеной: в глазах капитана Скорски читалось желание разобраться сначала с террористами, а потом со мной. Уй берпал, попили пивка.

Тем не менее, одна из вещей, за которые команду Черного Пеши ценят по всей Галактике — потрясающее хладнокровие. Так что Кэп и выбравшийся из каюты на шум сонный Буг не только захватчиков не прибили, но и меня пощадили. Через несколько минут мы сгрузили обоих крысят обратно в ящик и накрыли тяжелой крышкой (для надежности я положила сверху старую батарею, килограммов на десять).

— И что это было? — мрачно спросил Буг. — Ну, кроме очевидного покушения на убийство.

Я благоразумно молчала. В ящике копошились тени, Кэп задумчиво заваривал кофе. Это он зря, конечно, мы и без кофе заснуть долго не сможем. Я бы лучше чего-нибудь покрепче сейчас дернула.

— Ой, а что это они говорят? — спросила вдруг Принцесса. К шумной части разборки она опоздала, пришла, когда мы уже заперли не только крыс, но и нож с бластером вернули на их законные места. — Слышите? Это что, эзиквайский?

На мой взгляд они просто истерично пищали, как обычные животные. Но кто их знает, языков в Галактике, как известно, больше, чем обитаемых планет. Принцесса знаком попросила нас помолчать и несколько минут напряженно вслушивалась в звуки из ящика.

— Они говорят, что вовсе не хотели нас убивать, — сообщила она наконец. — Им нужна наша помощь.

Мы синхронно хмыкнули. Интересные представления у некоторых о том, как нужно о помощи просить.

— Они говорят, что благодарны за вчерашнее спасение, но им нужно срочно покинуть планету. — продолжила Принцесса. — Они не собирались причинять нам вреда, просто пытались привлечь внима...

— А, то есть они не только убийцы, но еще и угонщики? — мрачно перебил Буг. — И куда это они собрались на нашем корабле?

Принцесса что-то пропищала ящику (получалось у нее не хуже, чем у крысят) и удивленно перевела:

— На Юпитер...

Я засмеялась первой, просто нервы сдали. Через минуту ко мне присоединились Кэп и Буги. Мы хохотали как сумасшедшие, икали и всхлипывали, били кулаками по коленям и закрывали ладонями глаза. Несостоявшиеся угонщики притихли, Принцесса смотрела укоризненно.

— Они обещают заплатить! — сказала она, чем вызвала у нас еще несколько минут нездорового смеха.

— Чем? — подвывая , спросила я. — Шкурой своей?!

— Десять тысяч кредитов сейчас и еще столько же по прибытию.

***

Ума не приложу, чего это мы согласились. Полный абсурд же: два невнятных мелких крысоида , топорная попытка угона Черного Пеши, желание долететь до Юпитера — до самой загадочной, закрытой и влиятельной империи во всей Обитаемой Галактике! Еще и разбросанной по целой куче планет. Да нас туда ни к одной из них на атомный выстрел не подпустят, какой Юпитер?..

Наверное, свою роль сыграл код черной кассы. Такой, знаете, простой способ оплатить нелегальную услугу: выходишь на один маленький сайт в глубокой сети, вводишь, активируешь и аванс на счету контрагента. Мы регулярно пользуемся.

— Восемнадцать восемь пять два четыре девять нолей один один четыре один... — сказала Принцесса. — Проверьте.

Деньги здорово влияют на скорость принятия решений. И вообще на скорость: вбивая цифры в комм, я обогнала Буга и Кэпа буквально на долю секунды. Бамц и десять тысяч принадлежат Черному Пеши. С полным обоснованием, никакая налоговая не прикопается.

— Хммм... — протянул Кэп. — Мне всегда было любопытно, что там за Юпитер такой.

— Я посмотрю, где ближайший, — Буг развернул карту. Нежно-голубой экран отрезал нас от ящика с крысятами.

— Наверное, имеет смысл связаться с Кшиштофом, — сказала Принцесса.

— И как мы это сделаем? — деньги деньгами, но какие-то остатки скептицизма я все же сохранила. — Что-то не помню, чтобы он нам хоть какие-то координаты оставлял.

— Ну… Мне оставил, — потупилась Принцесса. Потом мило улыбнулась и вышла с камбуза, оставив нас в состоянии полнейшего изумления.

— Ма? — спросил Буг.

— Вот так-то, — ответил Кэп.

Я подумала, что надо с ней все-таки почаще разговаривать. Ну о всяком там… девичьем.

Услышав о нашем предприятии Кштршфишуаноршфф Пршетршофжефсжшко Пятнаджшат, посол Юпитера по особым поручениям, очень разволновался. Я бы даже сказала, слегка перевозбудился: я вообще перестала его понимать, хотя и с большим интересом следила за производимой им кашей из шипящих, свистящих и жужжащих.

— Что он говорит? — осторожно шепнул мне Буг. Мы втроем тихонько сидели в уголке рубки и наблюдали за тем, как Принцесса объясняет Кшиштофу ситуацию. Я пожала плечами: у нас тут свой посол по общению с юпитерскими послами образовался, пусть она и соображает.

Впрочем, последнюю фразу перед тем как отключиться, Кшиштоф произнес вполне внятно:

— Жду важш. Координаты отжшылаю.

***

По координатам выходило, что мы должны попасть куда-то на Юпитер-21, расположенный в небольшом созвездии Органа. Совсем недалеко. К счастью, забастовка на Мериде уже закончилась и мы спокойно ушли с этой неприветливой планеты. Тремя голосами из четырех, крысоидов было решено оставить закрытыми в ящике. А то еще чего-нибудь учудят, в своем представлении о том, как надо вести переговоры.

С помощью Кшиштофа полет на Юпитер оказался вполне несложным мероприятием. Посол встретил нас на окраине Органы, пересел к нам на корабль и провел нас через всех таможенников и пограничников. Они пропускали нас без звука, едва заслышав его голос в динамиках. Принцесса не отходила от Кшиштофа ни на шаг. И, замечу, посол был этим фактом очень доволен.

Большую часть пути Кшиштоф и Принцесса просидели в библиотеке. Впрочем, ничего такого: ящик с крысоидами они

утащили туда же и что-то яростно обсуждали вчетвером. Кшиштоф тоже по-эзиквайски не говорил.

На самом подлете к Юпитеру-21 нас все-таки тормознули. Так близко к Империи уже даже посол не спасал. Обыск юпитерианцы проводят четко, я залюбовалась. У нас отобрали оружие и все, что могло быть на него похожим — то есть, инструменты, столовые приборы и еще целую кучу вещей. Мы чувствовали себя, словно нас раздели. Кшиштоф пообещал, что нам все вернут.

— Дажше не жшомневайтешь!

На самом Юпитере было… ошеломительно. Нас встречала целая делегация. Крысоидов и вовсе вынесли из корабля на руках, как любимых деток лично Императора. Хромированные паланкины, охрана в блестящих доспехах, нежная музыка, доносящаяся из скрытых динамиков. Сплошная нечеловеческая роскошь.

Честно говоря, мы с Бугом чувствовали себя очень неуютно среди всего этого великолепия. Хорошо, что у нас были полковник в отставке капитан Александр Скорски и настоящая, хоть и беглая, Принцесса. Вот уж кто чувствовал себя в своей лодке: самые надменные юпитерианцы почтительно склоняли головы при ее появлении.

Жаль только окон у паланкинов не было, так что дальше космодрома Юпитер увидеть и не удалось. Зато императорский дворец, в котором нас поселили, мы изучили вдоль и поперек…

Ни к каким официальным лицам нас, понятное дело, не пустили. По мнению юпитерианцев, они и так перешли все границы дозволенного гостеприимства. Я даже не уверена, что дворец был действительно императорским и действительно дворцом. Может, у них тут даже казармы такие. Мы болтались по большим залам, разглядывали обстановку — не хуже чем в каких-нибудь музеях, ели, скучали и иногда общались с Кшиштофом.

— Император прожшит важш польжшоваться всеми удобствами дворщжа и ни в чем жшебе не откажшывать! — это была самая интересная информация, которую он нам сообщил.

— Все! Я напользовалась! — на третий день нашего пребывания на Юпитере я начала звереть от скуки. Ничего не происходит: крысюки неизвестно где, Кшиштоф ничего не говорит, а жрать деликатесы я так долго все равно не могу. Готова к честному сухпайку и дешевому звездному пойлу, лишь бы чем-нибудь заняться.

— Согласен, — кивнул Буг. Он-то по сухпайку не скучал, но сидеть на месте тоже долго не в состоянии.

Мы выкатили Кшиштофу ультиматум: или нам немедленно чего-нибудь рассказывают, или мы сваливаем. И оставшиеся кредиты отдайте! Ваши крысоиды обещали двадцатку.

— Подошждете!

Я предпочла интерпретировать интонацию Кшиштофа как просительную. Мы все-таки здесь в гостях. Ну или в заточении...

***

«Ежше один день» растянулся на несколько недель. Мы совсем сдулись, даже почти не выходили из комнат. Дворец был в нашем распоряжении, но за его пределы нас не выпускали. Охрана здесь была такая, что выяснять отношения было неполезно для здоровья. А у Буга глаз еще синевой отливает.

— У Императора к вам больжшая прожшба...

Когда Кшиштоф пришел с сообщением о том, что наше заточение окончено, у нас даже сил реагировать не было. Прожшба так прожшба, выпустите только уже!

Просьба ждала нас на корабле. Маленькая, около метра в диаметре, сфера — что-то среднее между спутником и нелепым космическим кораблем. В стенке — небольшой открытый люк, из которого высовываются две крысьих морды с рожками.

— О нет! — не удержалась я.

Кшиштоф одарил меня нехорошим взглядом. Пришлось придержать эмоции.

— Вам надо вывежшти корабль за пределы шижштемы и выпустить нажших друшжей в откржытый кожшмош. Жшделайте это.

А мы что, мы сделали. Когда Черный Пеши покинул Органу, я лично вытолкала сферу с корабля. А потом мы сидели в рубке и смотрели, как она удаляется от нас. И молчали. Долго-долго молчали.

— Ни хрена не поняла, — я не выдержала. — Кто-то может мне хоть что-нибудь объяснить?

Мы дружно уставились на Принцессу. Кшиштоф же должен был с ней хоть чем-то поделиться. Про секреты все всё понимают, но хоть немного можно объяснить? На Юпитере мы к ней не приставали, мало ли, кто там нас слушал. Но сейчас... В конце концов, кто ей тут команда: мы или юпитерианец?!

— Ну… они что-то вроде посланников. Разведчики… — промямлила она, когда мы прожгли на ней три пары дыр своими взглядами. — Нет… Я не могу! Я обещала!

Принцесса вспыхнула и убежала из рубки, а мы продолжили любоваться сферой. Она удалилась уже на очень приличное расстояние и различить ее можно было только точно зная о ее существовании.

— По-моему, нас это… того, — сказала я наконец. — Довольно изящно, но все-таки грубо.

Парни молчали. После еще одной долгой паузы Кэп произнес:

— Ну как-то так… Столько времени потеряли.

***

После любого заказа (а это все-таки был довольно удачный заказ, двадцать тысяч кредитов — не свок начхал) — святое дело завалиться в хороший бар и как следует отметить. Но я не ожидала, что мое невинное и традиционное предложение будет встречено такой бурей негодования.

Целый час нытья и нотаций — вот не ожидала я от парней, не ожидала! Да если бы не та драка! Если бы я не пожалела крысоидов! Да нам, черт возьми, денег заплатили! Ну да, заказ странный, да, Принцесса с ума сошла немножко, да, да, да! Но божечки мои, святая Кизили!..

— И Юпитер мы посмотрели! Хоть и чуть-чуть! — я отбивалась как могла.

В общем, в бар мы все-таки пошли. Но только после как парни потребовали с меня клятву пить пиво с закрытыми глазами и не двигаться со стула ни под каким предлогом. Конечно, я обещала.

Так что с чистой совестью могу сказать: следующую драку затеяла не я!

2017 г.

Из цикла «Стожары»

Стожары

мы все хотели быть такими как ты такими большими такими сильными такими умными ты был нам отцом и матерью и самой старшей сестрой ты был нашей сингулярностью нашим большим взрывом нашим пространством нашей материей нашим временем нашей вечностью нашей юностью нашей колыбелью Майя затаскивает две огромных сумки в автобус. Водитель, седой и тощий, проверяет билет, ласково ворча, помогает Майе устроить сумки за кабиной и объявляет, что до отъезда осталось две минуты. Включает радио. *«....самое время поговорить о космосе. В эфире «Звездная пыль» и ее ведущий...»* **нашей колыбелью когда мы смеялись ты смеялся с нами когда плакали утешал когда мы сталкивались между собой разгонял по углам чтобы остыли когда мы расставались уходил с каждым из нас** Пассажиров немного: две тетушки с переноской, из которой изредка доносится сиплое скорбное «мяу», парень с бутылкой пива, сумрачное семейство — бабушка, мать,

отец и двое подростков. Подростки отсаживаются от предков подальше и утыкаются в планшет. Майя уходит в самый конец, забирается на последнее сиденье — то, что вроде диванчика. Если никто не подсядет, можно будет попозже сбросить ботинки и забраться с ногами. **с каждым из нас ты учил нас радоваться ты рассказывал нам истории про старые дни про такие дни в которые и не поверить но ты был там и рассказывал про все что видел своими глазами а мы не верили и верили** *«…Плеяды, Гиады, Дикая Утка, Шкатулка Драгоценностей и Трюмплер 16…»* Автобус трогается, покачивая бортами и глухо подревывая на поворотах. Когда он выруливает на трассу, водитель выключает свет в салоне. Чем дальше от города, тем меньше огней, тем лучше видно звезды. Майя снимает ботинки, подтягивает ноги и приваливается головой к окну. Смотрит вверх. **верили спрашивали тебя как ты жил пока нас не было ты смеялся говорил скучно мы спрашивали как мы будем жить когда тебя не станет ты говорил хорошо живите хорошо живите летите дальше не останавливаясь** Майя знает дорогу наизусть. Пять станций, две промежуточных остановки и большая заправка — восемь островков света вдоль темной ночной трассы. Ее — девятый. Маленький дачный поселок, в котором почти никто не живет. В кармане вибрирует телефон. «Сис, ты летишь? Мы ждем!». Лечу. **мы летели за тобой и в тебе не знали мира кроме тебя сначала нас было мало потом все больше и больше а ты любил каждую из нас отдавал нам все и не делил никогда не делил не выделял не различал мы все были твои дети** Иногда автобус подкидывает на ямах и Майя стукается лбом о стекло. Морщится, но положения не меняет. В автобусе пахнет хмелем и новенькой обивкой. Подростки тихо смеются, подсвечивая лица планшетом. Парень допил пиво и дремлет, привалившись плечом к окну. Тетушек с котом отсюда не видно. *«…зародились при коллапсе огромного молекулярного облака и удерживаются вместе силами гравитации…»* **твои дети мы танцевали кружили вокруг тебя в полной тишине или вопили дурными голосами иногда ты уставал и просил нас быть немного потише но мы все равно кружились и вопили и хохотали пока не засыпали в изнеможении кто где придется и тогда ты пел нам колыбельные** Станция раз, станция два, автобус проезжает их не останавливаясь. Водитель выкрикивает названия, но никто не выходит. И на дороге никто не поднимает руку,

чтобы войти. Ночь. Станция три, станция четыре… Деревья и снег за окнами сливаются в одну длинную густую полосу. Майю слегка укачивает. *«…примерно в одно время и находятся на почти одинаковом расстоянии от Земли…»* **твои дети тысячи твоих детей тысячи маленьких надоедливых крикливых детей теперь мы остались одни нам было больно и страшно чудовищно страшно мы не привыкли быть без тебя мы не знали как жить без тебя хорошо и дальше мы остались совсем одни** На заправке автобус наконец останавливается. Водитель открывает пассажирскую дверь. Подростки и тетушка помоложе вылезают на плохо чищенный асфальт. Майя тоже выходит размяться. Стоянка десять минут. Еще морозный, но уже почти весенний воздух смешивается с запахом бензина. От магазинчика с кофе и бутербродами идет тепло. **совсем одни остались сами с собой и учились лететь дальше и старшие принимали младших и пели им твои колыбельные и младшие танцевали и хохотали сквозь слезы и вопили дурными голосами** *«…основных типа: рассеянные, они же называются открытые, шаровые и…»* Станция пять, станция шесть, автобус едет и едет, освещая фарами старую трассу. Иногда за деревьями мелькают огни: деревни, или поселки, или фермы. Майя сто раз обещала посмотреть себе, что там, но каждый раз забывает прямо перед поездкой. **голосами мы говорим твоими голосами смотрим твоими глазами храним тебя в себе ты был один нас стало тысячи и все мы осколки тебя когда ты оставил нас ты оставил их нам и каждый мир который появится когда исчезнем мы будет хранить их и тебя** *«…которые обладают достаточной массой, могут сохранять свою форму десятки миллионов лет…»* **хранить их хранить себя хранить в себе все тайны это мира этого света и этой тьмы тысячи тайн тысячи колыбельных тысячи танцев тысячи историй тысячи зим и весен без тебя это все гораздо сложнее** До поселка минут пять. Майя вдевает ноги в ботинки, крепко шнурует их. Дороги до дома, считай, и не будет: только подтаявший рыхлый снег и ямы. Поколебавшись, она запихивает шапку в карман. Если сестры будут ворчать, всегда можно надеть ее обратно. **намного сложнее но мы научились мы справляемся ты же видишь ты знаешь как мы справляемся как мы прекрасно справляемся дочери твои сестры твои звезды твои мы** *«…наши предки считали, что настоящая весна*

приходит, когда перед рассветом становится видно звездное скопление М45. Более известное нам, разумеется, как Плеяды, оно же Семь сестер, Субару, Мао, Криттики и, конечно…»

— Стожары! Кто выходит? — кричит водитель.

— Я! Спасибо! — Майя пробегает через салон и, подхватив сумки, выпрыгивает в темноту. Сестры уже ждут ее.

2018 г.

Двойная система

— Я тебе там еще одни носки положила!

— А очки? Очки мои кто-нибудь видел?

— Я видела, но не помню где.

— В ванной смотрела?

— Мама Вела а ты точно сколо велнешься?

— Точно, малыш, скоро вернусь.

— Скоро! Это у них скоро называется!

— Нет, ну скоро — пара-тройка миллиардов лет и Верунчик вся наша.

— Ритка, не начинай!

— Мама Вела, а ты мне пливезешь подалок?

— Пливезу… тьфу, привезу! Динище, букву «ры» когда говорить научишься?

— Лллыыы!

— Рррррыыы!

— Вера, я тебе там бутерброд сделала, иди съешь.

— Мам Нин, не время для бутербродов, родина в опа… ой, Дина! Хомяк!

— Дина, что это?

— Дина?!

— Это хома! Мама Вела возьмет его с собой!

— Да боже ж мой!

— Где ты его взяла?

— Нет, малыш, маме Вере не до хомяков будет.

— Это Вадим притащил. Точно вам говорю! Как всегда…

— Да ладно, мам Нин. Смешной хомяк же.

— Маме Веле будет с ним весело!

— Ха, думаю, маме Вере и так будет нескучно!

— Это точно… Малыш, давай-ка оставим хому дома, а я вернусь и поиграю с ним?

— Хома хочет с тобой.

— Дина!

— Дина!

— Не плачь, хома, они пеледумают.

— Очкиии!

— Я вспомнила, я их в холодильнике видела.

— Где?! О, и правда… Уму не постижимо! А телефон, кто-нибудь видел мой телефон?

— В ванной посмотри.

— Лучше сразу в духовке!

— Мы с хомой не блали.

— Дина, спать!

— Мама Вела, а ты сказку ласскажешь?

— Мама Лита… тьфу ты, мама Рита тебе сказку расскажет. Завтла.

— А сегодня?

— А сегодня папу Вадима по радио послушаешь, хорошо?

— А мы еще не пропустили эфир?

— Нет, полпервого только. Малыш, пойдем я тебя поцелую и радио включу.

— А хому?

— И хому поцелую. Идем.

***

— Опять мы без тебя…

— Недолго же, я скоро вернусь. Ты же знаешь, я всегда возвращаюсь.

— А я всегда беспокоюсь.

— А ты не беспокойся. Пусть мама Нина беспокоится, это ее работа. А твоя — быть спокойной, держать свет, гонять Вадима и научить уже Динищу букву «ры» выговаривать.

— Целую вечность...

— Ну Ритусь, ну солнышко. Ну какая вечность? Всего-то пара-тройка миллиардов лет. Вы вот знаете, что? Вы вот хомяка дрессируйте пока что. А то он как-то малообразованно выглядит, научит Динку плохому.

— Хомякаааа... Веркаааа...

— Ритаааа!

— Мама Вела, мама Лита, вы что — прррррачете?

— Нет, малыш, нет, что ты!

— О, гляди, рррычит! Ура! Одной задачей тебе, Ритка, меньше.

— А вот хома прррачет, хома хочет с тобой!

— ДИНА!!!

***

Первая треть дороги: додумать домашние мысли. Не плачет ли Ритка (конечно, нет), заснула ли Динка (какое там, Вадим в разгаре), выпила ли мама Нина лекарство или забыла в суматохе сборов (Рита напомнит обязательно). Хомяк еще этот, господи боже, смешной такой, пучеглазик... Интересно, они вообще поддаются дрессуре?

Вторая треть: не думать вообще. Набирать в себя звездную ночь. Простую летнюю темноту, сладкую, теплую, шелковую, влажную. Звездную ночь с запахом лип, которой не будет еще... ну, не вечность, конечно, но тоже немало. И ничего не напомнит о доме, кроме радиоэфира и Дамирова ворчания. Можно я немного помедленнее?

Третья: концентрироваться. Проверить все системы, убедиться, что понимаешь задачу, понимаешь свое место во Вселенной, помнишь маршрут и необходимые сведения. Помнишь, что ты — звезда.

***

— Готова?

Это Дамир. Он ждет ее у КПП летного поля, слегка подтопывая ногой, хотя они еще никуда не опаздывают. Его большой серебристый «Ниссан» припаркован прямо под большими деревьями и уже успел обрасти едва заметной шкуркой от нападавшей пыльцы.

— Практически.

Вера глушит машину, вынимает ключи, осматривается. Большая сумка останется здесь. Там, в пустоте, она совершенно ни к чему, никаких носков и запасных джинсов не понадобится. Завтра Вадим заберет машину, а сумку поставит дома. Вот маленькая кросс-боди, с кошельком, телефоном и очками пока с собой. Ее место за КПП, ждать возвращения в закрытом металлическом ящике.

Перед самым входом Вера на секунду останавливается и еще раз глубоко вдыхает. Краем глаза замечает, что Дамир делает то же самое. У него тоже впереди пара-тройка миллиардов лет без летних ночей.

— Салям, Дамир Рафисович! Здравствуйте, Вера Владимировна! — немолодой охранник задает все положенные вопросы, проверяет все положенные документы, жмет все положенные кнопки и пропускает их на поле, залихватски козырнув на прощанье. Вера пытается вспомнить, бывал ли он сам наверху, но не может. Кажется, нет. Или да? Может, одним из первых…

— Еще минуту! — говорит она Дамиру, открывая сумочку, чтобы достать телефон. Написать последние сообщения Рите, Динке и маме Нине. Это важно, Дамир не ворчит.

Вера запускает пальцы внутрь и удивленно нащупывает не прохладный корпус телефона, а что-то теплое, мягкое, нежное как комочек пуха… Ох, Динища!

— Ну, здравствуй, хома…

Она, разумеется, знает, что это нарушение и Дамир будет возмущаться, но на старт идет, ощущая теплое тельце хомяка под рубашкой.

— Готова?

— Готова, — хомяк сидит тихо-тихо.

Дамир и Вера выходят на полосу. Они смотрят друг на друга и в небо. Они складывают руки перед собой. Они дышат в одном ритме. Они не помнят ни о чем. Они знают все. Они начинают обратный отсчет.

— Три, два, один — старт!

Последнее, что чувствует Дамир — запах, фантастический запах липы. Последнее о чем думает Вера — не повредить бы хомяка. А хомяк, кажется, ничего и не заметил.

Они зажигаются.

***

… Добрый вечер, дорогие любители космоса. Это передача «Звездная пыль» и я, ее ведущий, Вадим Серебров. Сегодня ночью мы поговорим о спутниках спутников, двойных системах, вспышках на звездах и множестве других удивительных вещей, существующих в нашей Вселенной. Оставайтесь на нашей радиоволне…

Два или три миллиарда лет Дамир будет задавать Вере глупые вопросы, чем она думала, и о чем, и нельзя ли было в конце концов оставить хомяка на охране. А Вера будет отвечать, что, конечно, ничем, и, конечно, нельзя, и даже у спутников бывают спутники, а уж двойной системе сам Космос велел иметь дополнительные объекты. И вовсе не обязательно так вспыхивать каждый раз, когда речь идет о совершенно безобидных вещах. Ты же звезда, Дамир, а не учительница младших классов.

— Так что прекращай полыхать, пожалуйста! От тебя одни помехи в радиоэфире, а я передачу послушать хотела.

2017 г.

Барнарда

Верка бушевала.

— Двадцать первый век! — орала она. — Вояджеры летают как не в себя! Коллайдер никак не взорвется! Смартфоны умнее людей! А они паяльник нормальный сделать не могут! Урррроды!

Рита сидела на крыльце старой дачи, закутанная как эскимос (-10, не шуточки) прижав правую ладонь к животу, и сочувственно кивала. «Они», конечно, были уроды: паяльник сгорел и за Верку было очень обидно.

— Верусь, хочешь я тебе чаю сделаю? — чем еще она могла бы помочь Рита не представляла.

Верка рухнула прямо в снег и воткнула лоб в колени. Оттуда глухо рыкнула:

— Сиди уж. Чего уж.

Рита вздохнула, встала, аккуратно придержав живот, и пошла в домик. Чего уж. На пороге бросила быстрый взгляд на двор и Верку. Вера сидела в той же позе, радиотелескоп, такой большой, такой

настоящий, такой почти готовый к запуску стоял тихо и печально. Из-за какого-то дурацкого паяльника. Какие-то несколько проводов, да? И купить негде, в поселке магазинов нет. И соседи посреди недели не приезжают почти. Да и ночь уже совсем, кто и есть, спит давно.

Рита готовила чай и думала, нельзя ли как-нибудь обойтись. Наверное, нет. Иначе Верка бы уже придумала. Или да. И тогда Верка сейчас все придумает. Посидит, дождется пока чай совсем остынет и придумает. Подумаешь, паяльник! В эту затею два года назад вообще никто не верил, но вот же стоит, готов. Только немножко допаять… Ну, на крайний случай Вадиму завтра позвоним, да? Пусть везет. Жалко только ночь такую прекрасную упускать — ясную, звездную.

— Верунь, а это чего? — Рита отставила свою чашку и потянулась в угол крыльца. — Это мы привезли?

— Что там? — вяло спросила Верка. Голову она так и не подняла.

— Коробка. Цветная. Небольшая, — добросовестно перечислила Рита, подтягивая находку. — Бумажка сверху приклеена… «Компания «Войд»: не скорость света, но где-то рядом». Это доставка! А сюда разве можно? А мы что-то заказывали? Нет же? А кто? Тут же нет никого? — Рита поцарапала коробку ногтем. — Открыть?

Верка молчала. Рита еще немножко поколебалась, но любопытство взяло вверх и она, аккуратно отлепив три полоски скотча, потянула крышку таинственной коробки вверх.

— Книжки! И еще одна коробка какая-то… Мы точно ничего не заказывали? Ух ты!

— Чего?

— «Нанороботы для борьбы с творческим кризисом» — почти по слогам прочитала Рита надпись на второй коробке. И хихикнула: — «Свечи ректальные». Это шутка такая, да, Вер? Это Вадим прикалывается?

Не дождавшись ответа, взялась перебирать книжки. Даже потеплело, так развеселилась.

— Ну точно Вадим! «Справочник-определитель, когда пора остановиться»! «Краткий курс умения дышать в безвоздушном пространстве»… Ну, Ве-е-ер… Зацени! Что за названия, а? «Наше будущее. Будет ли оно приличным?». Приличным! «Семь процентов с каждой звезды. Галактическая экономика нового периода». «28 способов оставаться умным, если вас засосало в черную дыру». «На

Марсе нет фермерских рынков. Растим картошку и крестоцветные сами». Вер, я сейчас рожу от смеха!

— Лучше б он туда паяльник положил, шутник фигов, — проворчала Вера.

— Добрый вечер! Не замерзли?

От неожиданности Ритка дернулась, книжки попрыгали с ее колен в снег. И мелкая Динка в животе пнулась.

— Ой, Ин Санна! А мы думали, вас нету. Мы шумели, да?

Вера наконец подняла голову.

— Здрасте. У вас паяльника нет случайно?

Соседка Инна Александровна стояла у калитки и внимательно разглядывала радиотелескоп. Выглядела она при этом ужасно довольной. В час ночи-то. Вера смотрела на нее с надеждой, но, увы, паяльника у соседки не было.

— Печенье есть, хотите печенья? Племянника жду, увлеклась и напекла гору целую.

— Хотим! — Ритка почувствовала, что очень-очень хочет печенье. Или даже два.

— Нет, спасибо… — Вера снова спрятала лицо.

— Сейчас принесу. А да, я чего пришла-то. Мне тут посылочку должны были привезти, а нету. Я подумала, вам случайно не оставляли?

— Ой… — Ритка смущенно посмотрела на книжки и цветные коробки. — Это ваше! Там имени не было… Простите, сейчас я все-все соберу.

Рита уже пятый раз запускала руку в тарелку с печеньем, хотя обещала себе не больше двух штучек. Печенье Инна Александровна немного пересолила, но Ритка была счастлива. Перед тем, как уйти, соседка еще раз внимательно изучила радиотелескоп и вросшую в сугроб Верку и внезапно сообщила, что паяльник можно сделать из медной проволоки и газовой зажигалки. Десять минут и вопрос решен. Вот откуда она знает, думала Рита? Ей же лет сто. Ну ладно, восемьдесят.

— А завтра заходите, я вам еще печенья отсыплю.

Последние слова слышала уже только Рита. Веру сдуло в сарай. Она чертыхалась, чем-то громыхала, что-то скребла, что-то приматывала, наконец, паяла и все это время ужасно воняла газом.

— Ритка, готово! Фиксируй: 25 января 2012-го года ноль-два часа ноль-восемь минут пятнадцать секунд. Начинаем наблюдение.

Рите казалось, что телескоп не просто целится антенной в небо, а принюхивается, выискивая им с Веркой самый интересный радиосигнал. Самый-самый, такой, что вся жизнь изменится. На экране старого ноутбука зеленым плясали радиоволны. Динамики ритмично шипели, кряхтели и посвистывали, преобразовывая их в звук. Рита гадала, что это — еще земные сигналы или они уже слышат какую-нибудь звезду?

— Да пшшш скоро я уже… — сквозь звуки космоса внезапно прорвался голос.

Рита вопросительно подняла брови.

— Мы врубились в чью-то беседу! — Вера лихорадочно щелкала радиометром. Динамики гудели, шипели и даже слегка постанывали. — Черт, но я не понимаю… как… Частота… Да ну, невозможно!..

— Юпитер уже пролетепшшшш…

— Юпитер? — от волнения у Риты заходил живот. Ой, Динка!

— Книжки мои привезпшшшш… уууууу… Теть Инн, а я тебе таких пшшш новостей тащу с Барнарда, упадешшшш ууууууууу шшшшшшш

— Что такое Барнарда? — шепотом спросила Рита.

— Звезда такая. В Змееносце. — Вера уже ничем не щелкала, просто стояла и слушала. А потом сорвалась с места, бросив огорошенную Ритку, и в несколько скачков добралась до соседского дома. Даже не утруждаясь глупостями вроде калиток. Сиганула прямо через забор. Две секунды постояла на крыльце, словно пыталась отдышаться и прийти в себя. И наконец решительно забарабанила в дверь Инны Александровны.

2018 г.

Canis Major

— Вадичка, Вадичка, выручай, котичек!

Ленка Толмачева напрыгнула на Вадима сразу после эфира, он даже до туалета дойти не успел.

— Вадичка, мне надо, просто срочно-срочно надо сегодня уехать, а его оставить некому. Вот вообще некому, Вадичка! А нам лететь, он не выдержит. Вадичка, подержи Сиричку неделю, а? Он спокойный, он умненький! Там все просто, и корм вот прям на неделю тебе, и гулять с ним необязательно, он на пеленки умеет. Витаминки ему только давай вовремя и все. Я тебе еще попозже напишу. Вадичка, выручай, погибель просто!

Вадим и моргнуть не успел, как держал в руках переноску и два туго набитых пакета. А Толмачева уже скрылась за дверью, над которой зажглись буквы «On air», а значит и достать ее оттуда уже невозможно — эфир идет. Аккуратно поставив переноску на пол, Вадим достал телефон и набил «У меня кот вообще-то». Ответ пришел

тут же: «не страшно. Сирик добрый не сьест 😜 😜 😜». И следом: «спасибо Вадичек!!! 😚 😚 😚»

Ну капец, Толмачева. Сирика бы твоего не съели, подумал Вадим, и присев на корточки, заглянул в переноску. Нос у Сирика был черный, глаза круглые, язык розовый, остальное рассмотреть не удалось. Ну капец.

Ладно, думал Вадим, вытряхивая Сирика и его барахло на неубранную с прошлого дня кровать. Ладно, Динку порадую, что ли. Заодно поймем, стоит ей заводить собаку или нет. После безвременно утраченного хомяка время прошло, может, поумнела уже немного. Ладно. Но страшный какой: пучеглазый, лохматый, морду словного утюгом пригладили и нижние клыки в пасть не помещаются. Надо породу выяснить, чтобы точно такого не заводить.

Почувствовав свободу, страшный Сирик времени не терял. Слез с кровати и тут же присел на полосатый коврик. Коврик местами потемнел и увлажнился. Да, капец! Псина! Со шкафа донеслось шипение: кот, про которого Вадим немножко забыл, тоже был возмущен.

Новый быт Вадим налаживал не меньше часа. Стирал коврик, расстилал пеленки по всему полу, объяснял пришельцу, где надо ссать, вот тут, слышишь, скотина мелкая? Потом кормил. Толмачева на запасы не поскупилась: банок и пакетов хватило бы на месяц, не то, что на неделю. Уговаривал кота слезть со шкафа (кот ворчал и не поддавался). Устроил псу спальное место в углу за книжными полками. В конце концов плюнул на всех и вырубился сам, даже раздеться поленился. Засыпая, почувствовал, как на его ногах устраивается Сирик. Ну капец.

В одиннадцать Вадима разбудил пулеметный треск телефона. Сообщения от Толмачевой сыпались одно за другим.

🦮 *кормить 4 раза в день по одной банке. сушку только в искл случае*

🦮 *одного не оставляй, пож. он нервничает.*

🦮 *одну витаминку утром после еды.*

🦮 *паспорт в кармашке переноски. там телефон вета если что.*

🦮 *ценные вещи убери с пола. он еще маленький может погрызть*

Ну капец. От последнего сообщения Вадим подпрыгнул и нервно оглядел комнату. За время сна ничего сильно не поменялось. Сирик

спал, обняв край одеяла, кот сидел на шкафу, на одной из пеленок появилось желтое пятнышко. В остальном — вроде все в порядке.

Телефон опять затарахтел. Да что тебе еще, Толмачева? Разберусь уж как-нибудь, свалила на меня свое сокровище — доверяй теперь.

Вадим, перезвони, пожалуйста, когда проснешься

Не, не Толмачева. Мама Нина. Она точно знает, что Вадим до полудня отсыпается после ночного эфира, и просто так дергать не будет.

— Чего случилось, мам Нин?

— Ох, Вадим, я тебя разбудила? Прости, пожалуйста. С тобой Вера давно связывалась? У нас не то приемник сломался, не то… не поймешь. Неделю уже ни звука.

— Мам Нин, ты не волнуйся, ты же знаешь, у нее там и работы полно, и всякое бывает.

— Какое еще всякое?

— Ну, не знаю… Метеоритный поток прошел, вспышка какая-нибудь… вот и связь хромает.

— Что еще за вспышки? Никаких вспышек! Неделю, Вадим!

Вадим вздохнул. Неделя — это, конечно, совсем недолго, но маму Нину надо успокаивать. И Ритку, хотя она в жизни не признается, что волнуется.

— Мам Нин, я сегодня вечерком, до эфира к вам заскочу, посмотрю, чего там. Могу Динку из сада забрать заодно. У меня для нее сюрприз.

Засовывая Сирика в переноску, залез в кармашек за ветпаспортом. Так, из любопытства. И с большим интересом выяснил, что Сирик не просто какое-то там страхолюдище, а годовалый кобель Звезда Поволжья Сириус породы бельгийский гриффон. Ну капец. Кобель Звезда Сириус! Тоже мне, персона.

— Слушай меня, Звезда. Мы сейчас с тобой пойдем гулять и в гости. И ты там будешь вести себя пристойно. Понял? На ковер не ссать, зубы не показывать, матерных частушек не петь.

Сирик громко вздохнул, словно и правда понял. Но вел себя хорошо. Вежливо обнюхал обалдевших маму Нину и Ритку и весь вечер гонял с верещащей от восторга Динкой по квартире. Без некоторых разрушений, конечно, не обошлось, но коврики стирать не понадобилось. А вот с приемником так и не разобрались. Большую часть времени Вадим потратил, успокаивая маму Нину.

— Да говорю тебе, помехи какие-нибудь и все. Не переживай, пробьется.

Ночь на субботу Вадим обычно проводил дома. Эфира нет, можно морально разлагаться. Например, пить вино и гонять в танчики. Но не в этот раз, надо Веру искать, уже даже Динка вопросы задает.

— Ну, что звезда собачья, будем Верку ловить?

Сирик чихнул. Вадим довольно кивнул и пошел доставать старый радиотелескоп, одну из первых Веркиных моделей. Немного морально устарел, но все еще вполне действует. Стер пыль, собрал, подключил ноут, все настроил. Послушал любимый Юпитер, потом попрыгал по пульсарам, споткнулся о черную дыру. Звуки были слабыми, а помех было много — в те годы Верка искала нужные детали буквально по помойкам. Это потом уже и разобралась, и денег они стали больше зарабатывать… Но уж что есть.

— Эй, звезда, хочешь своего тезку послушать? Иди сюда, я тебе сейчас Сириус запущу.

Сирик в два прыжка сидел у Вадима на коленях. И вместе с Вадимом и свалился со стула, когда зазвучала альфа Большого Пса. Звук был невероятно чистым и таким громким, что Вадима от неожиданности снесло с места. Сирик обиженно пискнул и убежал прятаться. На шкафу недовольно завозился кот.

— Ну капец, — Вадим поднялся, потирая ушибленный бок. — Что за?..

В динамиках привычно похрипывало и шуршало. Через хрипы пробивался тихий Сириус. Вадим почувствовал некоторые угрызения совести. Напугал ребенка нервный дядя.

— Эй, Сирик, иди сюда, не бойся. Вылезай, Звезда, это глюк, он больше так не будет. И я не буду. Вылезай.

Через несколько минут уговоров Сирик рискнул подойти к Вадиму. Даже на руки снова залез.

— Не бойся, не бойся, я тебя больше не уроню, — укачивая Сирика, Вадим подошел к приемнику. Динамики запели в полную силу — чисто и звонко. Сирик довольно заворчал.

— Не понял… — Вадим почесался подбородком о собачью голову и надолго задумался. Потом сходил на кухню, запасся кормом и начал экспериментировать. И еле дождался утра, чтобы позвонить маме Нине. К этому времени он уже точно знал, что с Веркой все в полном порядке, и обещал всех перецеловать и успокоить. Обожравшийся

Сирик немного утомился, но усилителем работал исправно даже во сне. Сигналы шли четкие, красивые и без единой помехи.

— Держи своего красавца, Толмачева, — Вадим вручил Ленке пса, надеясь, что небольшого увеличения веса у Сирика она не заметит.

Толмачева заворковала:

— Ты моя лапочка, ты моя заечка, соскучился без мамочки, мой малыш. Кому мы скажем спасибо, Вадичке мы скажем спасибо. Что бы мы без тебя, Вадичек, делали… А сейчас мы поедем домой, да, Сиричка? Домой-домой. Скорей-скорей.

— Слушай, Ленк, а скажи-ка мне вот что… — Вадим не был уверен, что об этом стоит говорить, но любопытство было сильнее. — А ты не замечала у Сирика… это… ну, способностей там… необычных?

Ленка вопросительно посмотрела на Вадима. Он хмыкнул и рубанул:

— А то он у тебя усилителем радиосигналов работает! — и почувствовал себя идиотом.

— А! — просияла Ленка. — Это да, он такой. Представляешь, его мать беременная была — три транзистора сожрала, два, извини, того… а один даже рентгеном не нашли. Переволновались все! А оно вот… А удобно, да? У меня брат в Большом Псе работает, а оттуда сигналы вечно дохлые какие-то… — Ленка чмокнула Сирика в нос. — А моя заечка сигнальчики усиливает, да? Умничка моя! Все, Вадичка, мы побежали! Пока-пока!

Ленка отправила Вадиму воздушный поцелуй и отправилась к двери. Из-за ее плеча высунулся Звезда Поволжья Сириус и громко гавкнул. Тоже попрощался. Наверное…

Ну капец.

2018 г.

Гайя-Энцелад

— Мне страшно, — говорит чей-то голос.

— Всем страшно, — отвечает чей-то голос.

— Всем, — отзываются тридцать тысяч чьих-то голосов. А еще сотни тысяч — молчат. У нас есть семь минут. Всего семь минут.

сколько же еще нам ждать милости твоей сколько еще будет длиться война сколько еще мы будем умирать и дети наши и старики и жены и мужья и сестры и братья ты же видишь отчего же ты видишь и молчишь отчего

Семь минут. Всё замирает, все замирают. Кажется, что любое неосторожное движение может нарушить хрупкий мир. Хрустальный, временный мир. Мир, который сменится войной. Войной, которая не закончится никогда. У нас есть только семь минут. И мы идем.

тысячу лет тысячи лет тысячу тысяч лет идет война тысячу тысяч лет они те пожирают нас тысячу тысяч лет нас

становится меньше тысячу тысяч лет ты видишь как мы страдаем но тысячу тысяч лет ты молчишь

Шесть минут. Коридор узок и двигаться можно только парами. Очень медленно. Мы уходим, держась друг за друга. Мы смотрим уходящим в спины. Мы стараемся не смотреть по сторонам. Мы стараемся не думать. Мы думаем только о том, как бы не споткнуться. Как бы не упасть.

но тысячи тысяч лет и еще тысячи тысяч лет мы были твоим народом ты защищал нас от войн и гнева других отчего же ты оставил нас теперь когда ты так нужен нам отчего

Пять минут. Мы стараемся не смотреть по сторонам. Там — другие, они, те, которые пришли с войной. У них, тех, праздник. Большой великий праздник, из-за которого они, те, остановились. У них, тех, нечасто бывают праздники. Может, раз в тысячу лет. Раз в тысячу лет они, те, останавливаются. Не ради нас. Ради кого-то еще. Но мы можем воспользоваться их милостью.

чем провинились мы чем оскорбили тебя что сделали мы что ты покинул нас в пустоте и войне и боли и страхе чем задели тех кто пришел с войной и болью и страхом тех у кого в крови смерть кто может остановиться только раз в тысячу лет всего на семь минут

Четыре минуты. Раз в тысячу лет война останавливается. Они, те, расступаются, открывают коридор. Пропускают нас. Праздник. Сколько успеем — столько и уйдут. Матери выталкивают детей, жены — мужей, братья — сестер, возлюбленные — возлюбленных, старики — молодых. Они, те, смеются.

где же ты где разве мы не хвалили тебя разве мы не прославляли тебя разве мы не пели песен тебе разве не рожали детей тебе разве не мы звали тебя по имени не имея собственных имен за что ты оставил нас за что отдал тем которые не знали тебя

Три минуты. Мы не знаем, что там — на той стороне коридора. Никто не знает. Они, те, тоже. Просто пропускают нас. Смеются. И мы уходим в неизвестность. В другую жизнь. В надежду, которая может не сбыться. Мы смотрим на уходящих и молимся, чтобы там, на той стороне, было хоть что-то, кроме надежды. Хоть что-нибудь.

слышишь ли ты хоть что-нибудь знаешь ли ты что там знаешь ли куда идем мы дашь ли ты нам мира и спокойствия больше чем на семь минут

Две минуты. Сколько нас сможет спастись? Сколько нас останется? Нет ответа. Мы пытаемся идти быстрее, но это невозможно. Мы уже не держимся друг за друга, мы одно целое, сросшееся, стиснувшееся, напряженное. Мы дышим в спины друг другу. Мы не дышим, глядя, как они уходят. Еще две минуты. Всего две минуты. Целых две, целых две…

мы любили тебя мы верили тебе ты был нашим миром нашим стержнем нашей опорой нами но ты оставил нас ты предал нас ты видишь и молчишь тысячу тысяч лет молчишь мы подарили тебе жизнь ты бросил нас на смерть

Одна минута. Коридор становится уже. И уже невозможно идти. Они, те, перестали смеяться. А нам остается только молиться. Мы знаем, что ответа не будет. Мы сами даем себе ответы. Тихими стонами уходящих. Молчаливыми слезами оставшихся. Серебром наших волос. Нашей болью. Нашей яростью. Нашими погребальными песнями и торжествующими криками. Нашей смертью. Нашей войной. Нашей надеждой.

Времени больше нет. Коридор сомкнулся. *Ты видишь?* Черные тени, яркие вспышки, взрывы и звездная пыль. *Ты видишь? Смотри же!* Тысячу тысяч лет идет война. Тысячу тысяч лет мы умираем. Тысячу тысяч лет мы ждем чужого праздника, чтобы спастись. *Смотри же!* Тысячу тысяч лет мы встаем на новую битву. Битву, которую мы проиграем. Которую мы уже проиграли. Но мы ведем ее, чтобы у нас было семь минут. Еще семь минут, чтобы спасти еще тысячу жизней. *Смотри!* Мы проиграли. Но мы — *ты видишь!* — мы выжили. *Ты видишь и ты молчишь?* Тогда скажем мы. Те, кто остался в живых, те, кто ушел, те, кто обрел надежду. Мы расскажем об этом своим детям, и детям своих детей. Семь минут — это много.

Молчишь?

Так смотри же!

Салют за окном утих. Все разбежались. От пирога остались крошки, от компота немытые чашки. Пора спать.

— Баба Нина, ты сказку расскажешь?

— Расскажу, но у тебя ровно семь минут, чтобы почистить зубы и залезть под одеяло.

Управились за пять. Рождественское чудо, не иначе. Обычно и получаса не хватает.

— Ну, какую рассказать?

— Про Гай-я-эн-це-лад!

— Что-о? Это ты откуда про них знаешь?

— Папу Вадима слушала.

Ну, конечно! Выкинуть бы этот радиоприемник в открытый космос.

— Та-ак и что услышала?

— Ну… что наша галактика когда-то съела другую галактику, но от нее осталось немного звезд и они еще живые! Только другие… не-ти-пич-ны-е. И двигаются в другую сторону!

— Ох…

И Вадима тоже… в космос. Чтобы подумал лет сто над тем, что ребенку рассказывает.

— А сегодня я спросила, а он сказал, что ты знаешь лучше.

— Ох… знаю… Но это очень, очень грустная сказка, может, другую?

— Нет! Про Гай-я-эн-це-лад! Гай-йа-а-эн-це-ла-ад!

— Ла-ад… но! В смысле, хорошо. Глазки закрывай.

Дина нетерпеливо сопит, зажмурившись и прижав тряпичного зайца покрепче. Сказка очень грустная, но она готова. Сегодня она не боится грустных сказок. Сегодня они наверное все заканчиваются хорошо.

— Ну, слушай… Но запомни: тогда мой народ носил совсем другое имя. Совсем, совсем другое…

Гирлянда мерцает на окне. И, кажется, снег пошел.

2018 г.

Коричневый карлик

Динка еще не до конца понимает, что такое «майские праздники», но знает, что они — это здорово. Потому что на несколько дней на даче собираются все-все-все. И мама Рита, и мама Вера, и папа Вадим, и баба Нина. А еще соседка тетя Инна Санна и ее племянник дядя Дамир. Жалко тетя Оксана теперь совсем не приезжает. Инна Санна говорит, что она в командировке. Это слово Динка понимает как раз отлично.

Но и без тети Оксаны вокруг еще стомильонов веселых соседей, к которым можно ходить рвать одуванчики, гладить ошалевших после зимы и городской скуки собак, узнавать новости и хвастаться, как выросла за год.

Дачный поселок вкусно пахнет цветущими деревьями и жареным мясом («Это называется «шаш-лык», дорогая, запомни уже», строго говорит дядя Дамир). А еще! Еще! Хома вернулся! Жаль только мама

Рита уже трижды просила дать ему отдохнуть и отправляла Хому попастись в отгороженный угол сада, а Дину в другую сторону.

Ну и ладно, Хоме и правда надо отдохнуть, он в космос летал. Динка немного завидует и думает, что когда она тоже слетает в космос, то будет отдыхать долго-долго. А не как мама Вера — три дня.

— Ну вот какие три дня, Вер? Три!

— Мам Нин, ну работа же, мы с Дамиром там такое нащупали, слов нет!

— Это у меня слов нет, Вера. О нас не думаешь, о себе подумай — зеленая совсем.

— Мам Нин, это самый модный цвет сезона! И запомни — не зеленый, а Пеппер Стем, моднющий цвет!

— А что такое пепесте? — ну как удержаться от вопроса.

— Дина!

Вера хохочет, хватает Динку под мышки и кидает высоко в небо. Динка верещит, баба Нина машет рукой и уходит ставить чай. Эти обормоты все время пьют тонны чая.

Вечером становится еще лучше. Взрослые собирают большой стол во дворе, накрывают его (без Динки, конечно, не справились бы) и начинают разговаривать.

Дина очень любит взрослые разговоры. Она даже старается не влезать и не мешать, а только слушать. А столько всего! Мама Вера — звезда. Дядя Дамир — тоже звезда. Папа Вадим рассказывает про звезды на радио. Баба Нина и Инна Санна когда-то спроектировали стомильонов важных космических штук. Жалко только, что мама Рита — просто мама, в космос не летает и на радио не работает, только печатает и печатает свою рек-ла-му на компьютере. Скучноватенько. Ну, ничего, Динка ее тоже все равно очень-очень любит.

— А потом она как начнет вспышки давать одну за одной, пол-галактики вибрировало!

— Цикл новый обдумываю, кажется, про все уже передачи делал, есть идеи?

— Ты же понимаешь, что у нас система тесная, поэтому и за полостями Роша, и за пределом Чандрасекара мы очень тщательно следим.

— Чан-да… кого?

— Я тебе попозже объясню, хорошо, Динуль?

— Вот думаю, дальний угол перцами засадить, а что, собственный халапеньо, плохо ли?

— Ну, потенциал у него, конечно, невелик, до планеты не раскормишь. Но планетоид из этого хомяка мы выведем. Новое слово в науке!

— Ой, Хома! — Дина спрыгивает с лавки и убегает в темноту, там, где два часа назад в огороженном уголке двора хомяка оставили отдыхать.

— Дина, куда?

— Да пусть бежит, чего ей с нами скучать. Не замучает она твоего планетоида, не переживай.

— Шашлык — просто чудесный! Дамир, спасибо!

— ...и как полыхнет!

Хомяк забился под маленькую кочку и спит. Динка садится на корточки и осторожно трогает его пальцем.

— Хома, Хома, пойдем играть, Хома. Ну, Хомочка...

— Со мной поиграть?

Большой и коричневый присаживается рядом с Динкой, как она рядом с хомяком.

— Со мной поиграть? Будешь играть?

Большого и коричневого Динка не знает, но ей не страшно. Чего бояться, когда все рядом? Может, сосед новый.

— А во что играть?

— Будешь со мной играть. Будешь моя планета. Я звезда. Мне очень нужна планета.

— Не у всех звезд есть планеты, — говорит Динка. Уж она-то знает.

— У меня нет планеты, — большой и коричневый тяжело вздыхает. — Но очень нужна планета. Будешь моя планета.

— А мы, что ли, в космос полетим?

— Полетим в космос. Будем играть. Будешь моя планета.

Большой и коричневый поднимает Динку и встает сам. Большой и коричневый очень горячий. Большой и коричневый едва заметно вибрирует.

— А мы как полетим? Как мама Вера — так или на ракете?

— Не надо на ракете. Полетим в космос. Будем играть.

Мысль о космосе воодушевляет Динку и она совсем не думает, что надо бы предупредить взрослых. Космос! Она тоже увидит космос!

— Слушайте, а что-то Динищу давно не видно?

— Вроде за хомяком пошла...

Планшет, на который выведены камеры, ставят прямо на стол, привалив к миске с салатом. Хомяка в таком разрешении не разглядеть, но Дину, которая увлеченно копается в траве, видно хорошо. И еще лучше — большого и коричневого, который опускается рядом с Динкой — с неба.

— Это еще что за херня? — нервно спрашивает Вера.

— Она с ним разговаривает, — севшим голосом говорит Рита.

Остальное досматривают в тишине. Только когда большой и коричневый взлетает, унося Динку с собой, мама Нина громко охает.

Две кометы — Вера и Дамир — уходят в небо прямо с места, оставляя за собой только резкий оранжевый свет, который тут же рассыпается пылинками, и запах паленого.

Вадим бросается к радиотелескопу, лихорадочно крутит ручки, пытаясь настроиться на Веркину волну. Инна Александровна подхватывает маму Нину под локоть и уводит на кухню.

— Все хорошо, все будет хорошо, — ласково бормочет она, подталкивая подругу. — Сейчас валерьяночки накапаю.

На пороге кухни она слегка оборачивается, одними губами произносит «сарай открыт» и окончательно уводит маму Нину. Смысл этих слов не сразу доходит до оцепеневшей Риты, но потом она вспоминает. А вспомнив — бежит через коридор, через двор, перепрыгивает через забор, разделяющий участки и врывается в соседский сарай. Где же эта штука?! А! Вот!

Сначала Динке было очень весело, хотя и немножко страшновато. Большой и коричневый унес ее далеко-далеко, так что Землю было совсем не видно. Динка крутилась вокруг большого и коричневого, и чувствовала себя очень важной персоной. Она, конечно, не особо представляла, как должна вести себя планета, но старалась. Крутилась, разглядывала большой разноцветный космос, махала ладошкой всем, мимо кого они пролетали и кто пролетал мимо них.

А потом стало скучно, захотелось домой. Но большой и коричневый, который сначала был добрым и ласковым, стал совсем не таким. Он перестал разговаривать с Динкой, начал покрикивать.

Динка все делала неправильно. Неправильно крутилась, плохо отражала свет и много отвлекалась.

И совсем плохо стало, когда Динка поняла, что понятия не имеет, где она и как добраться домой. Большой и коричневый на вопросы о возвращении не отвечал, а однажды даже ущипнул ее, чтобы болтала поменьше. Одна надежда, что мама Вера Динку сама найдет.

«Коричневый карлик», бормочет Дамир. «L-тип»

«Что?»

«Это ничего, могло быть и хуже. Не самый опасный объект во Вселенной»

«Динку спер, куда опаснее. Эй, ты, карлик фигов! Ребенка вернул!»

Тишина. Коричневый игнорирует незнакомую двойную систему, которая хоть и нарушает все мыслимые законы, но к нему не имеет никакого отношения. И ничего ему не сделает.

Маленькая планета, не планета еще даже — астероид — Динка болтается на орбите коричневого карлика и выглядит страшно недовольной. Излучает беспокойство. Но страха Вера вроде бы не слышит, и на том спасибо.

«Дина!»

«Не услышит… точнее, не поймет. Мы слишком яркие для нее»

Вера снова переключается на коричневого, полыхает так, что возмущение кажется должно порвать окружающее пространство на клочки. Самое паршивое, думает Вера, что на какой-нибудь Земле они бы уже наваляли похитителю как следует. Здесь-то, конечно, тоже можно, но большой риск для Динки. Дамир думает о том же самом. Галактика замирает в ожидании. Никто не вмешивается, но все увлеченно ждут. Некоторым, видимо, совершенно нечем заняться.

Вера и Дамир мерцают в отчаянии.

— ЭЙ ТЫ! НЕМЕДЛЕННО ОТПУСТИ РЕБЕНКА!

Звуков в космосе нет, но это звук, не излучение. Яростный Ритин крик разносится по всей Вселенной. Сама Рита — в старом, уже лет сорок не годном ни для чего скафандре, торчит прямо перед коричневым карликом и орет благим матом.

«Мать моя женщина», задыхается от удивления Вера. «Ритка!»

Дамир изумленно хмыкает.

— Ой, мама Рита!

Обрадованная Динка пытается сойти с орбиты, трепыхается. Большой и коричневый, который так старательно игнорировал двойную систему, Риту увидеть не может. Но чувствует, он очень хорошо чувствует опасность. Неожиданную. Непонятную. Неприятную.

— Я КОМУ СКАЗАЛА — ОТПУСТИ РЕБЕНКА! ДИНА, МЫ ИДЕМ ДОМОЙ!

«А давай-ка готовность номер один», шепчет Дамир.

«Есть», шепчет Вера.

Рита берет Дину на руки.

Рита уходит с орбиты.

Рита движется по направлению к Земле.

Дамир командует «Давай».

Вера наносит удар.

Большой и коричневый становится горячее.

Дамир наносит удар.

Большой и коричневый вибрирует, идет волнами, шипит, кричит и мечется.

Британские астрономы фиксируют две мощных вспышки на коричневом карлике, известном как HD-1341818. Объект относится к спектральному классу L2.5, находится на расстоянии около 120 световых лет от Земли, его радиус составляет около 0,60 солнечных радиусов, масса около 0,050 масс Солнца, а средняя температура около 3000 К[3*].

Галактика получает новый повод для сплетен.

Рита с Диной возвращаются домой.

Вслед за ними прилетают Вера и Дамир.

В дачном поселке все облегченно вздыхают.

— Ты серьезно? Ты сохранила эту рухлядь? — Нина Аркадьевна, пропахшая валерьянкой насквозь, смотрит на свою старинную подругу и коллегу Инну Александровну с нескрываемым изумлением. — Зачем, боже мой?

— Ну, пригодился же? Пригодился! И не рухлядь вовсе, а… как это сейчас говорят? Винтаж!

[3*] Название и некоторые подробности описания объекта изменены в интересах следствия.

Инна нежно смотрит на их первое с Ниной изобретение и думает, что надо бы придумать ему место получше дачного сарая.

— Что такое вин-таш? — бормочет засыпающая Динка.

2019 г.

Макнота

— Жила-была девочка. И не было у нее ни мамы, ни папы, ни бабушки. И имени у нее не было. И судьбы у нее было. Даже косичек у нее не было. Совсем одна была такая девочка. Может, и не девочка вовсе никакая, вот. А так. Потому что жила она… в облаке Оорта, а там все такие. Ну, я точно не знаю, но наверное все. Девочка очень грустила, потому что когда у тебя ни папы, ни мамы, ни судьбы, ни косичек — это очень грустно, Хомочка. И тогда девочка придумала, что она уйдет из облака и будет искать себе маму, и папу, и бабушку, и имя может быть. И волосы отрастит, чтобы косички делать. Я вот уже почти отрастила, у меня уже почти косичка есть, вот, видишь? И тогда девочка полетела. И сразу встретила гр… гр-ров… гравитационное искажение и исказилась. Она сначала испугалась, потому что кому хочется исказиться, а потом поняла, что так она нашла свою судьбу.

Потому что когда она исказилась, то сразу увидела дорогу к Солнцу. А у Солнца живут планеты, и астероиды, и люди, и, может быть, живут ее мама, и папа, и бабушки. Вот. И она полетела к Солнцу. И встретила Змееносца. А он ей и говорит, что не пустит ее дальше, потому что ему самому пригодится такая девочка. И буду я тебе, говорит, вместо мамы и папы. А она говорит, нет, не хочу быть твоей девочкой, и дальше полетела. А потом встретила Скорпиона. И он ей тоже говорит, что она останется с ним, потому что такая девочка ему пригодится. Я, говорит, тебе как бабушка настоящая буду, пирожков, хочешь, напеку из звездной пыли. А она говорит, не хочу из пыли, хочу настоящих. И опять улетела. Вот поэтому Скорпион злой такой теперь. А потом она еще летела долго-долго, сто тыщ лет летела, совсем-совсем одна, но почти не плакала. Я вот, Хомочка, никогда тоже не плачу. А потом она взяла и прилетела в Солнечную систему. И чуть не столкнулась с Марсом! Вот все перепугались! Но она не специально, правда. Просто у нее тр… тр-ро… траектория такая была, вот. Зато ее увидели. Один хороший дяденька увидел из Австралии. И дал ей имя. Только странное, из цифр, но ей все равно понравилось. И свою фамилию дал, вот. И теперь он ей как папа. А мамы, наверное, нет пока. Зато. У нее. Теперь. Целая. Куча. Сестер. Целых восемьдесят! Нет! Восемьдесят один… ой, одна. И ей теперь никогда не бывает скучно. А у меня ни одной сестры… Зато есть мама Рита, и мама Вера, и баба Нина, и папа…

— Вадим!

— Тссс! Тише! Тут Динка сказку хомяку рассказывает, — Вадим прикладывает палец к губам и делает глаза. Если Динка застукает, никому не поздоровится.

— Про девочку без косичек и без судьбы? Знаю, знаю… Уже грустит?

Вера садится рядом с Вадимом и осторожно раздвигает ветви почти опавшего куста черноплодки. Динка, закутанная словно только что с Северного полюса (ай, мам Нин, ну тепло же на улице, ну сколько раз… ай…), сидит в старом кресле и баюкает Хомку. Хомяк, за свою сравнительно недолгую жизнь привыкший уже примерно ко всему, спокойно спит. Маленькая шляпа «как у настоящей ведьмы», без которой Дина уже несколько дней хомяка не мыслит, слезла ему почти на нос.

— А что за история вообще?

— Макнот же. Сам же полгода назад про него передачу делал. Кометы, все дела.

— А, точно. Делал. Без косичек, правда, — Вадим хмыкает. — Во фантазия у ребенка.

— Да уж какая там фантазия. Видали мы ту А1*. Косички… хвосты, в смысле, что надо. Но вообще, хорошая девчонка. Они с Динкой прямо подружились.

— Где это вы ее видали? — подозрительно спрашивает Вадим. — Она ж далеко уже, если я правильно помню. Она в 2014-м… Блин, Вер, опять ребенка в космос таскала?

— Ну, Вадим… Она не маленькая уже.

— Ну, Вер, говорили уже. Она после карлика неделю спать нормально не могла.

— Нормально она спит, не бубни.

Вадим вздыхает. Связался со звездами — терпи, чего тут.

— Но она сказала, что мы с ней теперь подруги. Это почти как сестры, только родители разные. И мы обязательно встретимся и будем играть! А я ей сказала, что мои мамы могут и ей мамой быть, пока она свою не нашла. А ты, Хомочка, тоже с нами будешь играть! Мы тебя в следующий раз с собой возьмем. — Дина торжественно поднимает хомяка и немного трясет. Ведьмина шляпа сваливается с маленькой головы, хомяк недовольно свиристит. Динка прижимает его к груди и торопливо извиняется: извини, Хомочка, ну извини, но правда же здорово я придумала. Хомяк затихает. Он привык примерно ко всему, просто не очень любит тряску.

— Скучает, — вздыхает Вера. — Не хватает ей общения со сверстниками все-таки.

— Ну, в школу пойдет скоро, — утешающе говорит Вадим.

Веру это не утешает: ребенок не должен тусить только со взрослыми. Да и как скоро? Совсем еще нескоро. Снова вздохнув, она осторожно отползает от кустов и встает, собираясь уходить.

— Ты куда? — автоматически спрашивает Вадим.

— Пойду Роберту позвоню. Может, прикроет глаза на пару дней и мы ее на Хэллоуин позовем.

— Кого ее? Комету?!

Вера рассеянно кивает и направляется к дому.

— Ну капец, — шепчет Вадим. — Ну звезды, блин.

За кустами Динка напевает спящему хомяку песенку: «летит комета, братцы», что-то такое, из старого мультика. Летит комета, братцы.

Летит.

————

* C/2013 A1 (Макнота) — комета, которую в 2013 году открыл астроном Роберт Макнот («величайший в мире открыватель комет» — счет 82, не меньше, и все носят его фамилию). Когда земляне понаблюдали за C/2013 A1, то решили, что она вполне может столкнуться с Марсом, и несколько заволновались. 19 октября 2014 года комета прошла на расстоянии всего в 140 тысяч км от поверхности красной планеты, но солнечный ветер унес ее хвост, поэтому пар, пыль и газ от кометы не попали в нижние слои атмосферы Марса и ничего страшного не случилось. Все с облегчением выдохнули, а C/2013 A1 потом клялась, что она правда-правда не специально.

2021 г.

Редкий экземпляр

Учительница физики Оксана Миронова (37) вышла на крыльцо дома в 6:19 1 января 2018 года и блаженно зажмурилась. В одной руке сигареты, в другой чашка крепкого зеленого чая, вокруг — тишина, в голове еще шумит Новый год. Дружочки, кучно разместившиеся на всех плоских поверхностях дома, уже спят. И раньше трех ни одна собака в поселке не пошевелится. Красота.

Оксана щелкнула зажигалкой, глубоко втянула дым и примостилась в старое кресло. Загляделась на крутящиеся снежинки под уличным фонарем. Ее немножко подташнивало (не следовало, конечно, мешать шампанское и текилу), но скоро это пройдет. Зеленый чай, никотин и свежий воздух делают чудеса. Оксана зажгла вторую сигарету прямо от первой. Редкое время, когда можно забить на то, что ты училка и должна вести себя прилично.

Чем дольше Оксана смотрела на фонарь, тем ярче он становился. А потом и вовсе разросся, превратился в огромное металлическое яйцо с тремя подпорками и ровно в 6:23 утра по земному локальному времени опустился на то место, где летом Оксанина бабушка Инна Александровна (82) выращивала дельфиниум. Яйцо легко завибрировало и бесшумно открыло в себе люк. Из люка появилось существо, похожее на помесь паука и Терминатора. Выглядело оно довольно агрессивно.

Оксана аккуратно поставила чашку на перила веранды, еще аккуратнее положила рядом тлеющую сигарету и торжественно поклялась себе бросить пить прямо сегодня. Вот только протрезвеет и сразу же. И курить, наверное, тоже. Училка все-таки, неприлично как-то.

Охотник за головами капитан Гризанойль Пир-эс-Ке IV (543) прилег в кресло медицинского отсека и блаженно потер педипальпы. Новый экземпляр, найденный на планете ХХН-419 и лежащий сейчас в анализаторе, был восхитителен. Гризанойль Пир-эс-Ке IV знал это сразу, ему даже не надо было дожидаться результатов исследований. Он не зря носил звание лучшего охотника пятнадцати галактик. У него нюх, интуиция и сотни лет опыта. Заказчик будет доволен.

Анализатор жужжал и подмигивал, опутав добычу проводками. Добыча лежала тихо, как ей и полагалось. Гризанойль Пир-эс-Ке IV потягивал через трубочку сок сиуня и довольно разглядывал свеженький трофей. Экземпляр редкий, в это захолустье не каждый охотник доберется. А на ХХН-419, кажется, и вовсе еще никто не высаживался. Несомненно самка, один из восемнадцати описанных типов, высокая — не меньше шестидесяти пуйо, достаточно крепкая, чтобы пережить доставку, очень-очень достойно.

Он с точностью до сантисекунды знал, что произойдет дальше. Анализатор закончит работу, впрыснув добыче все необходимые для спокойного выхода в открытый космосэлементы и немного притушив эмоциональный комплекс, чтобы не потеряла разум. После даст команду на пробуждение. Сначала добыча немного поморгает на яркий свет, потом начнет спрашивать «где я?», «кто вы?» и «что здесь происходит?» (переводчик уже настроен). Затем, конечно, начнутся слезы, подрагивания конечностями, возможно, крики и угрозы. Мольбы — уж несомненно. Все это закончится также предсказуемо: она успокоится и примет свою новую судьбу с покорностью и

благодарностью за сохраненную жизнь и уникальную возможность стать экспонатом одного из музеев центра Вселенной. Как и полагается.

Гризанойль Пир-эс-Ке IV наслаждался соком и зрелищем: тело добычи покрыто превосходного качества кожей, никакого хитина, почти никакой шерсти, излучает ровно и на приятной частоте, пальцы на нижних конечностях прекрасно длинны и оканчиваются аккуратными роговыми пластинками. Охотник задумался, не поднять ли ему окончательную цену. Она того стоила. В приятных мечтах о крупной сумме он не сразу заметил сигнал анализатора об окончании процедур. И чуть не пропустил первые сладостные секунды пробуждения.

Оксана открыла глаза. Проморгалась: свет вокруг был невыносимо ярок. Прислушалась к себе: тошнота прошла, но тело казалось тяжелее обычного. Огляделась: научно-фантастическая пыточная, сияющая и серебристая, вызывала неприятные ощущения. Существо, стоявшее подле Оксаны, все еще напоминало помесь паука и Терминатора, но агрессии больше не проявляло и возможно даже обладало разумом. Должен же хоть кто-то здесь им обладать, верно?

— Какого хрена? — строго спросила Оксана у существа, выбив ногой нависший над ней пластик анализатора. — Какого, бога душу мать, хрена, я спрашиваю?

Гризанойль Пир-эс-Ке IV немного удивился.

Корабль вернулся во двор ровно через минуту после отлета — в 6:26 1 января 2018 года. Он по-прежнему напоминал металлическое яйцо, разве что теперь немного помятое. Яйцо угрожающе завибрировало и с истошным визгом откинуло люк.

Легендарная кладоискательница, автор популярного справочника по производству искусственных слоев в условиях невесомости, королева Южной Вертушки, полковник Армии Возвращения капитан О-икс-‘М-ро (287) вышла из корабля, автоматически мимикрируя под окружающую обстановку, и блаженно зажмурилась. Снег, тишина, пороховой запах отстрелявших фейерверков, она не была уверена, что этого ей прямо так уж не хватало, но вспомнить приятно.

То, чего ей действительно не хватало, к счастью, было на своем месте. Сигарета еще тлела, чай и остыть не успел. О-икс-‘М-ро сделала несколько больших шагов, тело само вспомнило, как передвигаться при земной силе тяжести и с удовольствием устремилось навстречу

вымечтанному наслаждению. В голове немного шумело после вчерашней вечеринки (не следовало, конечно, мешать сок сиуня и чистый спирт), но зеленый чай и парочка сигарет скоро это исправят.

Первый помощник капитана Гризанойль Пир-эс-Ке IV (793) привалился к люку и наблюдал за О-икс-‘М-ро с очевидной смесью восхищения, умиления и облегчения. Левые уголки сразу трех его глаз слегка подрагивали. Совсем незаметно.

2017 г.